

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Топографія средневековаго Константинополя Г. Дестуниса.

Историко-географическія извѣстія Герберштейна Е. Замыслового.

Греческое и русское право въ договорахъ съ Греками X вѣка В. Сергѣевича.

Громовникъ по повѣрьямъ и сказаніямъ племенъ южной Сибири и сѣверной Монголіи Г. Потанина.

Замѣтки о древне-русской одеждѣ и вооруженіи В. Стасова.

Критика и библиографія:

Труды третьяго международнаго съѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ. 1876, Томъ первый, подъ редакціей В. В. Григорьева. Съ картою, восемью таблицами рисунковъ. Томъ второй, подъ редакціей барона В. Р. Розена. Съ приложеніемъ пяти литографированныхъ снимковъ Н. Веселовскаго.

Замѣтки о методѣ и приемахъ преподаванія русскаго языка въ учительскихъ семинаріяхъ К. Грузинцева.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ГРОМОВНИКЪ ПО ПОВѢРЬЯМЪ И СКАЗАНИЯМЪ ПЛЕМЕНЪ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СѢВЕРНОЙ МОНГОЛІИ.

I.

Выдающееся мѣсто между явленіями природы, наводившими ужасъ на первобытнаго человѣка и потому послужившими основой для образованія мифовъ, занимаетъ грозовое явленіе, реализацію котораго въ мифѣ у насъ принято называть „Громовникомъ“. О томъ, какъ отразились представленія о грозовомъ явленіи въ мифахъ сѣверной Азіи, намъ мало извѣстно за исключеніемъ того, что сказано объ этомъ Кастреномъ въ его „Финской мифологіи“. Вкладъ, сдѣланный Кастреномъ въ науку, относится преимущественно къ Финнамъ Финляндіи; шаманскаго же міра Сибири Кастренъ касается въ своей книгѣ только мимоходомъ, при случаѣ, когда ему нужно освѣтить темныя мѣста въ вѣрованіяхъ Прибалтійскихъ Финновъ. Мы попытаемся пополнить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, сдѣлавъ сводъ представленій о Громовникѣ преимущественно по сказаніямъ и повѣрьямъ южной Сибири и сѣверной Монголіи.

Что громъ Монголы приписываютъ „Лу“, то-есть, дракону, — это извѣстно изъ многихъ путешествій по Монголіи. По болѣе подробному повѣрью, Лу есть только подслѣдльное животное, на которомъ разъѣзжаетъ Тэнгри-ханъ или просто Тэнгри. На вопросъ: что производитъ громъ? Монголы отвѣчаютъ различно; кто скажетъ, что это Лу, кто — что это Тэнгри. О самомъ Лу представленія также различны; самое распространенное, конечно, поддерживаемое рисунками на китайскихъ знаменахъ, есть то, что это—змѣй; по отъ одного Халхасца мнѣ довелось услышать, что есть и такое миф-

нѣ, будто это—шаманъ, а также другое, что это—верблюдъ, на которомъ сидитъ человѣкъ, бьющій въ бубенъ. Урянхайцы вмѣсто Лу говорятъ Улы и вмѣсто Тэнгри-ханъ — Теръ-ханъ; послѣднее ими вполне соответствуетъ монгольскому, потому что Урянхайцы, вмѣсто монгольскаго тэнгри, небо, произносятъ теръ. Монголы къ имени Тэнгри прибавляютъ иногда Хурмусту; они говорятъ, что во время грозъ на Лу ѣздитъ Тэнгри-Хурмусту-ханъ. Что Хурмусту было именемъ Громовника, показываютъ нѣкоторыя мѣста въ сказкахъ и былинахъ; въ напечатанной мною сказкѣ о Бородаѣ-Ху ¹⁾ Гурбустэнъ-ханъ (который, вѣроятно, есть то же, что Хурмусту-ханъ) замѣняетъ Громъ-батьку русскихъ сказокъ, представляющихся вариантами Бородаѣ-Ху; въ концѣ сказки Гурбустэнъ-ханъ убиваетъ молніей темную силу Мангыса. Въ дорбютской былинѣ о богатырѣ Ирнѣ-Сайнѣ Гучинъ-Гурба-Гурбустэнъ-ханъ также является мечущимъ молнію съ неба ²⁾. Алтайцы приписываютъ громъ и Улы, и Кайракану. Во время грома Алтайцы произносятъ: „Кайраканъ!“ въ родѣ того, какъ у насъ простой народъ говоритъ въ это время „Святъ, святъ, Господь Саваоѣ“. Подъ Улы Алтайцы, подобно Урянхайцамъ и Монголамъ—на сколько могу судить изъ своихъ скудныхъ разпросовъ,—разумѣютъ змѣя.

Къ этимъ именамъ мы въ правѣ присоединить монгольское „Хаирханъ“, хотя и не имѣемъ прямого указанія, чтобы этимъ именемъ назывался громъ. Это причисленіе хаирхана къ именамъ Громовника мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: Во первыхъ, хаирханъ фонетически вполне соответствуетъ алтайскому кайраканъ; татарскій звукъ к въ монгольскомъ постоянно переходитъ въ х, какъ напримѣръ, кара—черный въ монгольскомъ хара, ку лебедь въ монгольскомъ хонгъ и т. д. Въ вторыхъ, выраженіе: „э, хаирханъ!“ существуетъ и у Монголовъ, хотя я слышалъ его употребляемымъ только для показанія своего удивленія, напримѣръ, при разказѣ о чемъ-нибудь необыкновенномъ. Въ третьихъ, хаирханами въ Монголіи часто называются горы или небольшія, но уединенно стоящія посреди равнины, или хотя и стоящія въ ряду другихъ, но выдающіяся значительно своею высотой. Иногда такіа высоты бываютъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Въ сѣверо-западной Монголіи есть нѣсколько такихъ уединенныхъ бѣлковъ, какъ напримѣръ, Харкиринскій бѣлокъ въ востокъ отъ озера

¹⁾ См. мои Очерки сѣверо-западной Монголіи, II, 171.

²⁾ Изв. Геогр. Общ. 1890 г., стр. 175.

Убса, Виту-Ерикъ и Алтынъ Чучей—на правомъ берегу рѣки Кобдо, Төрөктинскій бѣлокъ — на правомъ берегу рѣки Вуланту къ востоку отъ города Кобдо, Отханъ-Хаирханъ—къ сѣверу отъ города Уласутая и т. д. Такія высокія горы, покрыты ли онѣ вѣчнымъ снѣгомъ, или нѣтъ, имѣютъ свойство притягивать къ себѣ грозовыя облака. Часто на равнинѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца стоитъ ясная погода, а въ соседнемъ бѣлѣ, верстахъ въ тридцати или сорока, чуть не черезъ день разряжается гроза, гремитъ громъ, идетъ дождь или градъ. Мы сами были часто свидѣтелями подобныхъ картинъ, когда жили въ монастырѣ Улангомѣ. Такія горы пользуются особымъ уваженіемъ не только у шаманистовъ, но и у буддистовъ. Окрестное населеніе выбираетъ какую-нибудь возвышенность по близости высокой горы, насыпаетъ здѣсь „обо“, то-есть, кучу камней, и собирается около нея въ извѣстныя дни года, при чемъ ламанты читаютъ молитвы, а шаманисты приносятъ жертвы. Шаманисты — на сколько я понимаю ихъ мысль—признаютъ самый бѣлокъ за источникъ грозоваго явленія; для нихъ бѣлокъ также гремитъ, проливаетъ дождь и сыплетъ градъ, какъ для насъ по крайней мѣрѣ грамматически волканъ бросаетъ золу и бомбы, изливаетъ лаву и производитъ гуль и землетрясеніе. Шаманистъ отождествляетъ высокую гору или бѣлокъ съ самимъ громовникомъ. Для отличія одного хаирхана отъ другаго, къ нарицательному „хаирханъ“ прибавляется собственное имя; такимъ образомъ въ сѣверо-западной Монголіи находимъ горы подъ названіемъ Даунъ-Хаирханъ, Ватиръ-Хаирханъ, Отханъ-Хаирханъ, Хотунъ-Хаирханъ, Буръ-Хаирханъ, Вуренъ-Хаирханъ, Онго-Хаирханъ, Тельгиръ-Хаирханъ, Тосъ-Хаирханъ, Ваняъ-Хаирханъ, Цаганъ-Хаирханъ, Курѣнъ-Хаирханъ и многія другія. Небольшія горы съ названіемъ хаирханъ также встрѣчаются, но рѣже; мы знаемъ, на примѣръ, Табынъ-Хаирханъ, Таләнъ-Хаирханъ; нельзя не замѣтить, что эти низкіе хаирханы носятъ эпитеты простые; Табынъ-Хаирханъ въ переводѣ означаетъ „пять хаирхановъ“ (тутъ дѣйствительно пять отдѣльныхъ высотъ), Таләнъ-Хаирханъ — „равнинный хаирханъ“; у высокихъ же хаирхановъ эпитеты, по видимому, старинныя, мифологическія, утратившія смыслъ, а если послѣдній иногда и замѣчается въ нихъ, то долженъ быть объясняемъ позднѣйшимъ домышленіемъ народа. Поэтому переносъ имени хаирханъ на невысокія горы, вѣроятно, есть явленіе исключительное; главнымъ же образомъ подъ хаирханами разумѣлись высокія, тученосныя горы. Хаирханъ, какъ названіе для горъ, встрѣчается, кажется, только въ западной Монголіи, въ Хангаѣ

и Алтай; въ Тянь-Шанѣ мы это имя совсѣмъ не слышали; на сѣверѣ границей распространенія этого названія служить Танну-Ола; въ этомъ хребтѣ я знаю только два хайрхана; въ долинѣ Улу-Хэма стоитъ отдѣльная каменная гора Кайраканъ, но это уже собственное имя, и никакого эпитета къ слову кайраканъ не приставляется. Другой Кайраканъ въ Танну-Олѣ стоитъ въ вершинахъ рѣки Самгал-тая ¹⁾. У Урянхайцевъ и Алтайцевъ для высокихъ горъ, которымъ дѣлается поклоненіе, существуютъ уже другія имена; Урянхайцы называютъ ихъ адикту, Алтайцы—джанкту или инкту, но объ этихъ словахъ мы скажемъ особо. На востокѣ въ хребтѣ Алтая хайрханы встрѣчаются довольно далеко; такъ, гора Того-Хайрханъ упоминается между хребтами Гурбанъ-сайханъ и Мунн-ула (подъ 44° с. ш.). И такъ, на первый разъ мы имѣемъ для бога-громовника имена: 1) Тэнгри-ханъ, въ урянхайскомъ произношеніи Тэръ-ханъ, 2) Хайрханъ, въ алтайской и урянхайской передачѣ Кайраканъ; 3) Хурмусту или Гурбустанъ-ханъ и 4) Лу, въ алтайской и урянхайской передачѣ Улы.

Остановимся сначала на имени Тэнгри-ханъ. Слово тэнгри, произносимое также тэнгиръ, по монгольски означаетъ небо, такъ что Тэнгри-ханъ можетъ быть переведено: небо-царь (или небесный царь). Это слово производитъ рядъ діалектическихъ видоизмѣненій, обусловленныхъ или переходомъ гласныхъ, или свойствомъ турко-монгольскихъ языковъ измѣнять носовой звукъ *и* въ *э*, *и* или въ *й*, и наконецъ, совсѣмъ опускать его; приводимъ здѣсь списокъ этихъ видоизмѣненій: тамара — небо и богъ по якутски; темере — небо, каан темере — царь—небо по алтайски; тэмири-тагали — богъ, обитающій въ небѣ, у Казанскихъ Татаръ. Тегри—небо у Кондомскихъ Чорневыхъ Татаръ; (Тыгири-тижи — зубы поба, названіе горъ въ вершинахъ р. Томи); Тегеръ-куль — (иноподобное имя Божьяго озера въ Томской губерніи); теръ—небо по урянхайски; торум—небо и Богъ по остяцки; тора—высшее божество по чувашски. У простыхъ неграмотныхъ Киргизовъ встрѣчаются выраженія тайръ джарылгасунъ! да возблагодаритъ тебя небо! ой тайрай, восклицаніе при удивленіи чему-нибудь; вѣроятно, первоначально было: ай тангри (о, небо!). Можно полагать, что названіе тэмири сначала обозначало не одо небо, но небо и громъ вмѣстѣ, и есть слово звукоподражательное;

¹⁾ На картѣ г. Орлова, сопутствовавшего намъ въ сѣверо-западную Монголію въ 1879 г., назначены горы Хайрханъ на правомъ берегу Ха-хена, противъ устья Седзена и Джибей.

первобытный человѣкъ едва ли былъ въ состояніи при первоначальной бѣдности языка дифференцировать понятіе о небѣ отъ понятія о громѣ.

Въ подтвержденіе мысли, что это слово звукоподражательное, привожу факты, свидѣтельствующіе, что тотъ же корень распространенъ во многихъ словахъ туранскихъ языковъ, которыя должны обозначать громъ, трескъ или вообще звукъ.

Въ алтайскомъ языкѣ есть нѣсколько глаголовъ этого корня, которые для нагляднаго представленія ихъ параллелизма я располагаю въ видѣ слѣдующей таблицы:

камирадыи јат	шамирадыи јат	
кумрадыи јат	шпмирадыи јат	тюмредыи јат
кункэльдыи јат	канкылдадыи јат	тункелдадыи јат

Всѣ эти глаголы передаютъ различные звуки, громы и трески. „Камирадыи“ говорятъ о громѣ, о колоколѣ, „кумрадыи“ о большомъ колоколѣ; шамирадыи јат говорятъ тогда, когда хотятъ сказать, что звенить колокольчикъ подъ дугой, кункэльдыи говорится о громѣ пустой бочки, которую везутъ въ телегѣ или о самой телегѣ, когда ѣдутъ по замерзшей землѣ; тункэльдыи говорятъ о звукахъ бубна; подобныя же отгѣнки, которые я, къ сожалѣнію, не записалъ, передаются и формами тюмредыи, шамирадыи и шанкылдадыи (отъ послѣдней черезъ опускъ носоваго и образованъ глаголъ шакилдадыи, чакать).

Въ языкѣ Казанскихъ Татаръ также есть слово этого же корня амраша; говорится о ревѣ медвѣдя. У Котоновъ на озерѣ Убса глаголъ чингыр звать, кричать; у Койбаловъ: kègagarben, keigagerben, звать; kèigalırben, kyigalırben кричать, keiga — крикъ ¹⁾); у Карагасовъ: kègagarınen, звать, кейшкерармен, кричать. У Алтайцевъ кричать—кыйгыр, кыйгыра, о птицахъ—пойыра, во время охоты на звѣрей—агыр ²⁾); звать—кычыръ; о ревущемъ медвѣдѣ Алтайцы говорятъ багра. У Киргизовъ звать—чакыр, кричать качыръ. У Якутовъ ыгыр, звать; самар—звать, кричать; возвышать голосъ ³⁾); у Урянхайцевъ: ыт ыгырер — собака лаетъ (на языкѣ черневыхъ Татаръ ынгыр — колокольчикъ ⁴⁾); у Алтайцевъ чингыр сморкаться; у Чувашей шынгыр—

¹⁾ Kastren, Versuch ein. Koib. und Karag. Sprachlehre, 155—157.

²⁾ Грамм. алт. языка, стр. 45, 34.

³⁾ Böhltingk, Jacut, Worterb. 29, 152.

⁴⁾ Золотницкій, Чув. слов., 15.

сморкаться ¹⁾), отсюда чынгыр, алтайское сопля; по чувашски манга, по татарски мамка сопля; мангыль чув. сопливый; у Тазовскихъ Самоѣдовъ ламурум, ламурм, у Енисейскихъ Остяковъ leingago, leingado—кричать, у Юраковъ hangau (handau), у Енисейскихъ Остяковъ kaniabo, leingago звать. ²⁾).

Къ этимъ глаголамъ можно присоединить звукоподражательныя междометія: монгольское хангир-чангиръ въ родѣ нашего тринь, тринь!; алтайск. шамыр-шумур звонъ; ынгыр-чынгыр—скрипъ ³⁾; манджурск. кунгур-кангар громъ, трескъ отъ пустыхъ экинажей или отъ небеснаго грома ⁴⁾; казанск.-татарск. шингыр — шамыр ⁵⁾, чувашск.—чангыр-чангыр звонъ мѣди; (ср. якутск. лымыкыр звонъ) ⁶⁾.

Понятіе о небесномъ громѣ передается такъ: у Алтайцевъ: кузуре, кугуре, громъ гремитъ; кузурт, кугурт, громъ ⁷⁾; у Койбаловъ kigürt — громъ, kusurirben гремѣть (о громѣ); у Сойотовъ тумуруп, громъ; у Карагасовъ dir ⁸⁾; у Киргизовъ кунъ кумрѣды, кунъ куркрѣды громъ гремитъ; у Хамйцевъ и у крымскихъ татаръ кунъ кургульдейды громъ гремитъ ⁹⁾; у Чувашей кундурдэдѣть ¹⁰⁾; у крещенныхъ Татаръ тѣмре бабай кукрѣтѣ, небо дѣдъ гремитъ; у горныхъ Черемисъ кудурча, громъ гремитъ; у Вотяковъ: гудыры, громъ. Тотъ же корень встрѣчается во многихъ существительныхъ именахъ для предметовъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ звуку: комир, комиру, по алтайски колокольчикъ ¹¹⁾; кымирау по татар. id, шымау по чуваш. id. ¹²⁾; хонгро по монгольски, погременушки на бубнѣ, кунгуру тѣ же погременушки

¹⁾ Золотн., стр. 109.

²⁾ Castren, Worterverz. d. Samoied. Spr., стр. 265, 276.

³⁾ Грамматика алтайскаго языка, стр. 34 и 289.

⁴⁾ Словарь Захарова, стр. 289.

⁵⁾ Золотницкій, Кор. Чув. словарь, стр. 15, 80, 100.

⁶⁾ Böhlingk, Jacut. Wörterbuch, 151.

⁷⁾ Грамматика алтайскаго языка, стр. 20.

⁸⁾ Castren, Verz. v. Koib. u. Karag. Spr., 99, 138.

⁹⁾ Сравн. названія птицъ кургулдай—ремеаъ по киргизски; алтын гургулдай Emberisa aureola монгольск. и бурят. (Radde, Reise nach Ost-Sibirien, II, 157); хоргол, хорголдай есазанъ по халхаски, алтын хорголдай, золотой есазанъ; очевидно, подъ этою формою алтан хорголдай, алтан гургулдай, когда она встрѣчается въ пѣсняхъ, иногда можетъ подразумѣваться громовникъ.

¹⁰⁾ Золотницкій, Чув. словарь, 200.

¹¹⁾ Симоній кондрачакъ (id.) по замѣщенію носоваго можно приравнять къ чувашск. кундурдэдѣть, громъ гремитъ. Грамматика алтайскаго языка, стр. 136.

¹²⁾ Золотницкій, Чув. словарь, стр. 109.

по урянхайски; кунгуру на языкѣ Хамйцевъ кустарникъ семейства бобовыхъ, у котораго стручки должны гремѣть, судя по аналогіи съ другими видами того же семейства; хэнгрикъ, хэнгрке — бубенъ по монгольски, кангири—музыкальный инструментъ у Манджуровъ ¹⁾, сихянь и кангири—побрякушки, пластинки изъ муравленой череницы навѣшанныя на нитку подъ кровлею у Манджуровъ ²⁾; коюра колоколъ по сойотски, конкинор id по койбадски ³⁾; коюро у камасинцевъ ⁴⁾, хонгоров на языкѣ енисейскихъ Остяковъ, коюрош, конкорош по хотовски ⁵⁾—колоколъ; шангырь трехструнная балалайка у вогуличскаго шамана, синкерь — погремушки на бубенной колотушкѣ у Телеутовъ; донгурь бубенъ по урянхайски, тумзырь бубенъ по алтайски, тумур по сойотски и карагасски ⁶⁾, ыг по койбальски. Донкур—дятель на языкѣ Сойоновъ изъ вершинъ р. Кобдо (у такъ — называемыхъ по монгольски Коччулутуновъ), тонгуртка—дятель по алтайски, (тонгсогой по якутски); тэнгэри — трехструнная балалайка, употребляемая шаманами и простонародьемъ въ Манджуріи ⁷⁾. Къ этому перечню можно еще прибавить слова шанг колоколъ по алтайски чаиг по татарски, шынг по кирг., сан по койбальски ⁸⁾, хонхо по монгольски, цанга у горныхъ Черемисовъ, чан у Чувашъ и луговыхъ Черемисовъ ⁹⁾, jonko колоколъ по юкагирски ¹⁰⁾; сеамна, сѣнга, щема, санку, сегга по самоѣдски ¹¹⁾.

Кромѣ имени дятла, крикъ по видимому подалъ поводъ отъ того же корня заимствовать названія и другихъ птицъ: для красной утки (*Vulpanser rutila*) монгольское имя ангирь, алтайское амыр ¹²⁾. По

¹⁾ *Захаровъ*, 252.

²⁾ *Захаровъ*, стр. 537.

³⁾ *Castren*, Vers. e. Koib. und Karag. Spr., стр. 144.

⁴⁾ *Castren*, Wörterverz. d. Samojed., Spr. 181.

⁵⁾ *Castren*, Vers. ein. Eniss.-ostj. und kott. Spr., 240.

⁶⁾ *Castren*, Vers. e. Koib. und Karag. Sprachlehre, стр. 161.

⁷⁾ Словарь *Захарова*, 720.

⁸⁾ *Castren*, Vers. e. Koib. und Kar. Spr., 144.

⁹⁾ *Золотницкій*, Чув. слов.

¹⁰⁾ *Mélanges russes*, t. IV, p. 604.

¹¹⁾ *Castren*, Wörterverz. d. Samojed. Spr., стр. 229.

¹²⁾ Нельзя ли турецкое айгыр жеребецъ считать происшедшимъ отъ айгыр въ родѣ того, какъ ыйгыра кричать произошло отъ чыгыр? Наименованіе того же животнаго на другихъ языкахъ—чувашскомъ: ыйгыр, якутскомъ: атыр, монгольскомъ: адзврга—представляютъ по видимому только видоизмѣненія этого корня.

якутски хонгоръ—родъ дикаго гуса ¹⁾; ангыр же у Якутовъ Rohrdommel; шингырчъ—скворецъ по чувашски ²⁾; ымырба—дикая пчела по якут. Названія журавля представляютъ опускъ носоваго м: тогра, тогура по халхаски, тохурюп по бурятски ³⁾. На многихъ татарскихъ нарѣчіяхъ голубь называется кѡбръшинъ, что можно сравнивать съ кугурт, громъ. Изъ растений, кромѣ кунгуру, сюда можетъ быть, относится чингиль, киргизское названіе стручковаго кустарника съ гре-млящими плодами, принадлежащее къ одному роду съ хамійскимъ кунгуру; окончаніе этого имени находится въ связи съ глагольной формой купкэлъ ⁴⁾. Тунгусское названіе можжевельника (*Juniperus*) хонкіра ⁵⁾, дано кустарнику по по звукоподражанію, а по какой-то другой связи съ этимъ корнемъ; растеніе это встрѣчается въ шаманскихъ легендахъ и употребляется при куреніяхъ во время шаманскихъ мистерій; растетъ онъ на высокихъ горахъ, поднимающихся выше предѣльной линіи лѣсовъ, гдѣ ходять горовныя тучи.

Сравнивая слова этого списка между собою, мы замѣчаемъ здѣсь тѣ же переходы звуковъ, какіе выше были уже указаны по поводу варіацій слова „тэнгри“, небо, то-есть, или изъ носоваго звука выпадаетъ н (агыръ, ыгыр, чакыр въ алтайскомъ, якутскомъ и киргизскомъ кричать, звать, вмѣсто чингыр, какъ у Хамійцевъ ⁶⁾), или замѣчается

¹⁾ *Böhltingk*, Jacut. Wörterbuch, 85.

²⁾ *Золотницкій*, Чув. словарь, стр. 109.

³⁾ Другого журавля *Grus Virgo* Монголы зовутъ харкира; это названіе также въ связи съ глаголомъ кричать; по урянхайски кричать, гремѣть (о громѣ) *харкира*; этимъ можно объяснить названіе бѣлка Харкира, лежащаго въ дурб. хошунѣ у монастыря Улангома. Къ тохурюп близокъ по звуку нашъ Тугарникъ Зиѣвичъ. Имя Дегуренгъ встрѣчается въ одномъ сказаніи объ отниманіи жены у мужа, включенномъ въ *Алтанъ-Тобчи* (стр. 40), только въ монгольскомъ сказаніи не Дегуренгъ у хана, а ханъ у Дегуренга отнимаетъ жену. По тунгуски журавль *tokogof* (сравни сойотское *туингуруп*, громъ).

⁴⁾ Ср. *Ынтыгъ* (звукоподражательное) звонъ колокольчика (*Золотницкій*, Чув. словарь, стр. 15). На языкъ Енисейскихъ Остяковъ: конгелаз, колокольчикъ (*Castren*, *Verg. e. Eniss.—östj. und Kot. Sprl.* 270). По чувашски шыгыльчан растеніе колокольчико (campanula).

⁵⁾ *Mélanges asiatiques*, tirés du *Bull. de l'Ac. de Sc. de St. Pétersb.* 1 VIII, 378.

⁶⁾ Можетъ быть, алтайское сагыр, свистѣть (ср. алтайск. сыгырчакъ сверчокъ (Гр. алт. яз., 259); сыгырган, пищука, *Lagomys alpinus*) было первоначально сынгыр. Огъ заимъ : на ѣ изъ сыгырчикъ образовалось татар. шымырчыгъ, сверчокъ. Алтайское и киргизское сыйыр, корова, имѣетъ предшествующую форму въ остяцкомъ сыгыр, корова, и въ чувашск. вугур, мугур, быкъ; монголь-

полное выпаденіе носоваго *г*, какъ въ карагасскомъ *dŭg*, громъ, и въ койбальскомъ *tŭg*, бубень; эта послѣдняя форма тождественна съ *терь*, небо, по урянхайски и указываетъ на неотдѣлимость представленій о громѣ и небѣ у первобытныхъ насельниковъ южной Сибири. Кромѣ того, замѣчаются еще слѣдующія измѣненія: носовой звукъ замѣщается 1) *и* въ киргиз. *кыгыра*, кричать, вмѣсто котонскаго *чингыр*, 2) *нд* кундурдэдэт—громъ гремитъ въ чувашск; 3) *д* кудурча—громъ по черемисски, и 4) *и* пойыра алт, кричать, *коһилог* въ карагасскомъ колоколъ вмѣсто *коһкилог*, какъ въ койбальскомъ (подобно тому, какъ монгольское *тангри* перешло въ киргизское *тайръ* ¹⁾).

Алтайскія формы *пойыра*, кричать (о птицахъ), *багра*, ревѣть (о медвѣдѣ) предполагаютъ измѣненія корня хонгро въ *бапгра*—*пангра*; на то же указываетъ и остяцкое *пѣмгар*, бубень ²⁾ и чувашское *мугурь*, ревѣть, мычать; съ такимъ же измѣненіемъ придыханія и съ измѣненіемъ носоваго въ *дз* имѣемъ самодскія формы: *реансер*, *реанзер*, *феанджир* — шаманскій бубень ³⁾; ср. съ *фандырѣ*, осетинск. *бала-лайка* ⁴⁾ (тутъ переходъ носоваго въ *нд*). Конечное *р* переходитъ въ *л*: *кункель*, *чингиль*, или совсѣмъ отпадаетъ, какъ въ названіяхъ колокола: *шанг*, *цанго* и пр., въ которыхъ опять носовой можетъ представлять уже указанные случаи опусканія (какъ напримѣръ, въ чувашск. колоколъ: *чан*).

Списокъ приведенныхъ словъ показываетъ распространенность (отъ средняго Амура вплоть до Казани) корня *ангра-шангра-тунгре* для обозначенія звуковыхъ явленій, и здѣсь нужно искать основанія, почему тѣмъ же корнемъ названо небо у Монголовъ и Тюрковъ. Въ

ское *укыр*, корова, не образовалось ли отпаденіемъ начальнаго звука? Замѣчательно, что рѣченіе *укыр* входитъ въ составъ халхаскаго имени *пишухи*, *укыр-окто*, между тѣмъ какъ тотъ же звѣрекъ, сейчасъ мы видѣли, по-алтайски называется *сыгырганъ*.

¹⁾ На томъ же основаніи въ чувашскомъ жеребецъ *иыр* (*Золотницкій*, Чув. слов., стр. 11). Другія наименованія жеребца — на монгольскомъ *адмрга*, на урянхайск. и карагасск. *асмыр*, *азкер* указываютъ на новыя измѣненія того же корня. Съ урянх. *асмыр* можно сближать киргизск. названіе волка, *касыр*. Якутск. *атыр*, жеребецъ, также относится къ *кудурѣ*, громъ, по востацин, какъ монгольское *адмрга* къ алтайскому *кузурт*, громъ. Эти сближенія именъ жеребца съ именами Громоушника должны тѣмъ менѣе удивлять, что Громоушникъ представляется въ сказаніяхъ верховъ на лошади.

²⁾ *Castr.*, *Wörterverz. d. Samojed. Spr.*, 292.

³⁾ *Castr.*, *Wörterverz. d. Samojed. Spr.*, 292.

⁴⁾ Ингуши произносятъ *пандыр*.

грозовомъ явленіи небо являлось первобытному человѣку элементомъ дѣйствующимъ, активнымъ, а потому, наименовавъ грозовое явленіе звукоподражательнымъ словомъ, дикарь перенесъ то же имя и на голубую среду, въ которой разыгрывается гроза.

Отдѣльныя черты этого явленія или частныя явленія, находившіяся по представленіямъ дикарей въ связи съ нимъ, должны были заимствовать свои имена отъ того же корня. Якутскія: чагылнѣ, блестятъ (о молніи), чагылган — молнія, блескъ, Бѣтлингъ сближаетъ съ монгольскимъ цагильган, молнія, съ уйгурскимъ oot-tsegahildy молнія и съ якутск. же чакыр камень то-есть камень дающій искру (по монгольски камень цахир). Первоначальную форму этихъ словъ можно видѣть въ глаголахъ: чангыр и кункель. Дождь по киргизски называется јамбыр, по татар. јамыр; алтайск. јамгыр, јамыр, по койбалски: наммер, наммыр; у кондомскихъ Татаръ нагур, намур; чувашск. сьомыр¹⁾; якутск. самыр²⁾; въ тунгусскомъ тѣмъ же корнемъ выражается понятіе „спѣтъ идетъ“: хунигрен³⁾; ненастье—хунга.

Приводимъ только для памяти, не умѣя открыть тутъ связь съ идеей о Громовникѣ, нѣкоторыя подобныя же образомъ составленныя слова: шаняр, самяр, һамяр тунгусское, Loch, Ritze⁴⁾; у Урянхайцевъ на Хукѣ: унгу—нора. Якутское нигыр—сѣдло⁵⁾, мумур—тупой (монгольское мухур, тупой, комолий⁶⁾). Съ обѣимъ носоваго *н* на *нд*: кендыр, кандыр—конопля; тому же растенію дается еще имя банг; другое растеніе, доставляющее волокно, лепъ, носитъ названіе: зыгыр,

¹⁾ Золотницкій, Чув. слов., стр. 71.

²⁾ У Золотницкаго (стр. 71) приводятся звукоподражательныя выраженія: чувашск. шабыр-шабыр сьомыр сызватъ, татарское шыбыр-шыбыр јамыр јаул—дождь идетъ. У Якутовъ ибир самыр значить мелкій дождь, откуда глаголъ ибир проинить. У Монголовъ также есть выраженіе ибир-шыбыр или ибир-абыр, которое уже не прилагается къ грозовому явленію, а означаетъ боатовню; въ чувашскомъ ймбыр—абыр вдругъ, разомъ. У Рашидъ-Эддина Ибиръ Шибиръ—страна, по относительному положенію—Сибирь (*Записки Имп. Археол. Общ.*, т. XIV, стр. 2 и 218). Не отъ этихъ ли формъ: јамбыр, самыр, происходитъ названіе пазветной въ буддійскихъ сказаніяхъ горы Сумыр-олы или Сумбуръ-олы, подъ которою могло подразумеваться громящее небо?

³⁾ Melanges asiat., VIII, 378.

⁴⁾ Melanges asiat., VII, 367, 369.

⁵⁾ По алтайски выючное сѣдло нигырчак.

⁶⁾ Это имя часто встрѣчается въ географическихъ именахъ Монголіи въ соединеніи съ словомъ шибир, именно Мохоръ-Шибиръ.

зыхир, зыгир, сегир; *Arosynum sibiricum*, также дающій волокно кендеръ, чиге¹⁾). Растеній, называемыхъ именемъ тое-симыр, у г. Кирѣевскаго въ числѣ обитающихъ въ Туркестанѣ указано нѣсколько. Многія изъ нихъ бобовыя, разныя *Astragalus*'ы съ большими пустыми, можетъ быть, гремучими стручьями.

Переходимъ къ другому имени Громовника: Кайраканъ. Мы уже говорили, что въ киргизскомъ монгольское тенгри переходитъ у простаго народа въ тайр; поэтому для алтайскаго и урянхайскаго кайракана можно принять восстановленную форму канграканъ, то-есть, то же, что монгольское тенгри-ханъ. Именемъ Кайраканъ Урянхайцы, обитающіе въ Танну-Олѣ, зовутъ также медвѣдя, при чемъ они говорятъ, что это имя дается ему изъ уваженія; дѣйствительно, и въ сношеніяхъ между людьми это имя употребляется, какъ почетный титулъ. Такъ, въ разговорѣ съ своимъ огурда, то-есть, княземъ, Урянхаецъ къ его званію присоединяетъ обыкновенно титулъ кайраканъ; онъ говоритъ: кайраканъ огурда! Даже бошкамъ, урядникамъ, говорятъ: кайраканъ бошко! Спрашивается, какъ тутъ было дѣло: кайраканъ ли было именемъ громовника и потомъ обратилось въ почетный титулъ, или первобытный человѣкъ на первой же порѣ своей жизни усмотрѣлъ сходныя черты между звѣремъ и лебомъ-громовникомъ, и обонимъ далъ одно звукоподражательное имя, которое, подобно именамъ другихъ сильныхъ звѣрей, каковы левъ или тигръ, стало придаваться какъ почетное имя, сильнымъ людямъ на землѣ?

Мы склоняемся къ послѣднему мнѣнію по слѣдующимъ основаніямъ: Вопервыхъ, обращеніе имени медвѣдя въ почетный титулъ не составляетъ исключенія въ исторіи человѣческаго обряда, какъ указываетъ Спенсеръ; имена сильныхъ звѣрей употреблялись въ разговорѣ у южныхъ племенъ Африки и Америки для возвеличенія могущественныхъ царей и князей²⁾). Почему бы тому же обычаю не возникнуть и въ сѣверной Азіи?

Вотъ торхъ, имя Кайраканъ (первоначально канграханъ) или даже и тенгриханъ могло быть дано медвѣдю за его ревъ, какъ имена того же корня даны издающимъ сильный звукъ предметамъ: бубну, лебу и т. п. Хотя, кромѣ урянхайскаго имени кайраканъ, мы не мо-

¹⁾ И. Кирѣевскій, Флора нашихъ среднеазиатскихъ владѣній, стр. 90, 131, 160, 65, 148, 149.

²⁾ Спенсеръ, Начала социологіи (Обрядовыя учрежденія). Переводъ Лучицкаго. (Кіевъ, 1880), стр. 249.

жесть привести другихъ для медвѣдя, идущихъ отъ того же корня, но мы имѣемъ ихъ для другихъ животныхъ, именно: тенгар или лянгар, мышъ по остяцки, сингери или тингери, мышъ или вообще звѣрекъ мышиною породы, по манджурски ¹⁾; лэнгари, мышъ по манджурски ²⁾; хэнгрикъ — дзэхэ, видъ росомахи по монгольски; чжухэнь-сингери (очевидно, только перестановка предыдущаго имени) — большая двадцатипятипудовая мышъ, живущая подо льдомъ, очевидно мнѣшеское животное или мамонтъ, по суевѣрнымъ представленіямъ Манджуръ ³⁾; ѣнгуръ у Маака, јангуру у Брылкина — волкъ по ходзенски на Амурѣ, јенггога, мамонтъ по самоѣдски ⁴⁾; наконецъ, по тунгусски есть имя для медвѣдя — компора. Конечно, странно отъ звукоподражательнаго корня тэнгри одновременно производить и имя медвѣдя, и такого ничтожнаго и не слышнаго звѣрка, какова мышъ; волкъ и росомаха и по росту, и по характеру ближе къ медвѣдю; и у насъ имена медвѣдя и волка смѣшиваются: во многихъ мѣстахъ Россіи есть областное для волка — бирюкъ, а въ Симбирской губерніи бирюкомъ зовутъ медвѣдя. Но переходы именъ съ хищныхъ звѣрей и на травоядныхъ и даже мелкихъ грызуновъ не представляютъ необыкновеннаго явленія. Приведемъ для примѣра хотя слѣдующія: сакылъ по якутски лисица, по алтайски бѣлка; сууръ — по киргизски сурокъ, по чувашски сивыръ сусликъ, по остяцки чавр, тавр, саур — заяцъ, по остяцки ѣур, ѣвре — волкъ, по бурятски сибр, цѣбр — красный волкъ; русскіе же въ восточной Сибири изюбремъ зовутъ оленя; въ Польшѣ зубромъ зовутъ бѣловѣскаго быка. Къ подобнымъ сдвигамъ именъ съ крупныхъ хищныхъ животныхъ на грызуновъ можно отнести и появленіе имени тенгаръ, сингери, лянгар, какъ имени мелкаго звѣрка. Объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже.

Втретихъ, сближеніе медвѣдя съ Громовникомъ у первобытнаго человека могло быть вызвано не однимъ только сходствомъ въ ревѣ: сходство ихъ заключается еще въ томъ, что оба они опасны и наносятъ смерть, оба умоляютъ на зиму. Связь, которую человекъ усмотрѣлъ между временами года и жизнью медвѣдя, выразилась въ нашемъ на родномъ календарѣ фразой: „Спиридонъ солноворотъ — медвѣдь на другой бокъ поворачивается“. Въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ и сказаніяхъ

¹⁾ Словарь Захарова, 595 и 731.

²⁾ Маакъ, Путешествіе по долиамъ р. Уссури, т. I, стр. 123.

³⁾ Словарь Захарова, 1004.

⁴⁾ Al. Schrenk's Reise in Nordosten des Europ. Russlands, II, 287.

о Громовникѣ мы находимъ много общаго именно, можетъ быть, вслѣдствіе отождествленія медвѣдя съ громовникомъ, которое дѣлалъ первобытный человѣкъ. Въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ мы часто слышимъ объ уводѣ женщины; привожу вариантъ, записанный мною въ Туранскомъ караулѣ въ долині р. Иркута отъ казака Тюменцева: „Медвѣдь увелъ женщину и она съ нимъ зимовала; онъ выучилъ ее ѣсть сырое мясо, зимой она сосала его лапу и была сыта. Однажды весной увидалъ ее въ лѣсу охотникъ и отбилъ отъ медвѣдя; женщина была уже беременна и родила медвѣдя. Она выучилась во время зимовки съ медвѣдемъ медвѣжьему языку“. Въ Нижегородской губерніи существуетъ повѣрье, что иногда женщины исчезаютъ неизвѣстно куда, и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ снова возвращаются въ свое селеніе; это временное исчезновеніе объясняютъ похищеніемъ медвѣдя; при этомъ говорятъ, что онъ предпочитаетъ уводить беременныхъ женщинъ ¹⁾. Родственные этимъ разказы существуютъ въ нашемъ народѣ о змѣѣ-громовникѣ. Огненный змѣѣ любитъ летать къ женщинамъ; если женщина тоскуетъ, народъ думаетъ, что къ ней летаетъ огненный змѣѣ; онъ отбиваетъ ее отъ мужа, и женщина чахнетъ ²⁾. Громовнику приписываютъ иногда и похищеніе женщинъ; мордовскій Громовникъ Терюханъ похищаетъ во время грозы дѣвицу съ земли; монгольскій Тайнъ-Тирхинъ или Тайнъ-Тэнгиръ, въ которомъ, какъ увидимъ ниже, скрывается Громовникъ, то-есть, Тэнгри-Ханъ, также похищаетъ жену у Чингисъ-Хана. Въ одномъ сказаніи южной Россіи дѣвица не похищена, а нечаянно попадаетъ въ яму, въ которой зимуютъ змѣѣ; золотая змѣѣ успокоила ее и сказала: „Если захочешь ѣсть, полизни камень“. Всю зиму дѣвица прожила въ змѣиной ямѣ, а весной, когда птицы прилетаютъ изъ вырѣя, золотая змѣѣ выбросила ее изъ ямы ³⁾. Основа этихъ повѣрій можетъ заключаться въ половой жизни звѣря, которая пробуждается въ немъ лѣтомъ, вслѣдъ за пробужденіемъ отъ спячки; выйдя изъ берлоги, дикій звѣрь начинаетъ охотиться за самкой, оглашая воздухъ неистовымъ ревомъ; едва ли какія другія дна явленія могли напроситься прежде на обобщеніе первобытному человѣку, какъ эти два:

¹⁾ Похищеніе женщинъ приписывается и лѣшему (см. Ж. М. Н. Пр. 1863 г., кн. I, статья «Истор. оч. народ. міровоззр.», 33). Вообще разказы о медвѣдѣ и лѣшемъ сливаются.

²⁾ Зан. Имл. Р. Г. Общ. по отд. этногр. II, 37.

³⁾ Аванасеевъ, Повѣст. воззр., II, 548; о похищеніи медвѣдемъ дѣвицы на крымскихъ вѣтръ мао. тамъ же.

ревъ ярующаго лѣтомъ медвѣдя, и небесный ревъ змѣя-громовника. Другую общую черту въ сказаніяхъ о Громовникѣ и повѣрьяхъ о медвѣдѣ находимъ въ описаніяхъ той ямы, въ которую зарываютъ умерщвленнаго богатыря, олицетворяющаго Громовника; нельзя не увидѣть въ ней намека на медвѣжьё берлогу. Царь

... посадилъ Егоря въ глубоку погребь,
Задвигалъ онъ его рѣшотками все желѣзными;
Засыпалъ онъ песками рудожелтыми,
Онъ дубьемъ и колодезь заворачивалъ.

На родственность представленій медвѣдицы и черной тучи указываетъ одна купальская пѣсня. Вѣтеръ стучитъ въ ворота, это свекоръ стучитъ и пригоняиваетъ: „Одчинися, невісточка, одчинися медвѣдицѣ!“ Потомъ стучится свекровь, „Одчинися, невісточка, одчинися, пахмурницѣ!“ Наконецъ мужъ: „Одчинися, миленька!“ Жена жалуется, что свекоръ и свекровь обозвали ее медвѣдицей, пахмурницей. Мужъ говоритъ ей, что она не умѣла отвѣтить: „У насъ медвѣдица въ лѣсі бузаетъ, а пахмурница—черна хмаронька!“ ¹⁾. „Медвѣдь пиво варить“, говорятъ Русскіе въ Карнатахъ, когда видятъ грозовныя тучи на горахъ. Необыкновенный ревъ ручнаго медвѣдя и глубокое выдиранье лапами земли предвѣщаетъ пожаръ ²⁾. Плыва по водѣ, не слѣдуетъ поминать зайца: не любитъ водяной, подниметъ бурю; по другому повѣрью, плыва по водѣ, не слѣдуетъ поминать медвѣдя ³⁾. Урянхайское названіе вьющагося растенія *Atragene alpina* подразумѣваетъ медвѣдя-громовника ⁴⁾; оно называется кайраканъ-крижи, то-есть, тетива медвѣдя; названіе это даетъ медвѣдю въ лапы лукъ, превра-

¹⁾ Тр. Эисп. въ Запад.-русск. край, III. 211.

²⁾ О предразсудкахъ въ Нижегородск. губерніи, соч. А. М., стр. 5.

³⁾ Леан., Повѣст. возвр., II, 644.

⁴⁾ Сохранилось извѣстіе, что у Грековъ для добыванія живаго огня употреблялось преимущественно дерево *ἀβραύην*; это было или вьющееся или чужедное растеніе (*Килл*, *Негабк. d. Feuers*, p. 38). Растеніе *Atragene alpina*, по русски называющееся дикій хмѣль, распространено преимущественно въ Сибири; въ Европейской Россіи встрѣчается только въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ; классическіе писатели разумѣли подъ *Atragene* другое растеніе, именно *Clematis citrigna*; быть можетъ впрочемъ, что ни оно, ни другія упоминаемыя древними растенія *ρῆγος* и *πλῆσς*, не примѣнялись къ добыванію огня, и извѣстіе древнихъ слѣдуетъ объяснить только тѣмъ, что вьющіяся растенія, каковы *Atragene*, *πλῆσς*, хмѣль напоминали имъ молнію, о которой Урянхайцы и Алтайцы прямо выражаются, что она вьется вокругъ дерева, «айландра». По-монгольски *Atragene alpina* называется чюдуръ-убиесу, то-есть, шуты-трава.

щаетъ его въ стрѣлка, то-есть громовника¹⁾. Можно, конечно, перевести это названіе словами тетива-громовника, но растеніе называется также атыкъ-крижи, ирей-крижи, гдѣ атыкъ и ирей значить медвѣдь, и хотя, какъ увидимъ, и подъ этими именами можно открыть Громовника, но самъ урянхайскій народъ атыка и ирея теперь громовержцами не считаетъ. У Тушкнскихъ Вурятъ я записалъ повѣрье о томъ, что медвѣдь прежде былъ человѣкъ-охотникъ и въ то же время шаманъ; по другому бурятскому разказу, медвѣдь былъ сильный человѣкъ; Богъ, видя, что съ этимъ богатыремъ людямъ не справиться, отрубилъ ему большой палецъ и обратилъ въ звѣря. Сказаніа объ отрубленномъ пальцѣ чаще, чѣмъ къ медвѣдю, жители сѣверной Азіи прилагаютъ къ сурку, звѣрку, который съ медвѣдемъ имѣетъ то общее, что засыпаетъ на зиму; всѣхъ звѣрей, имѣющихъ зимнюю спячку, какъ-то: сурка, летягу, летучую мышь, медвѣдя народное повѣрье ставитъ въ связь съ идеей о громовникѣ. Сурокъ, какъ и медвѣдь, былъ великій охотникъ, производившій такое истребленіе на землѣ, что Богъ принужденъ былъ наконецъ сократить его силу; онъ отрубилъ ему палецъ и обратилъ въ вѣчно въ норѣ живущаго сурка. Этотъ разказъ о суркѣ образовался, по нашему мнѣнію, такимъ образомъ: медвѣдь назывался тарбаганомъ (познѣешее имя сурка) и представлялся народному воображенію охотникомъ, вносившимъ въ животный міръ сильное истребленіе; тѣмъ же именемъ „тарбаганъ“ звали и бога-громовника (часть этого имени тар. осталось въ одномъ изъ его именъ тарханъ²⁾); Громовника представляли въ видѣ стрѣлка. Затѣмъ имя тарбаганъ не удержалось ни за медвѣдемъ, ни за Громовникомъ, а перешло на сурка, на котораго вмѣстѣ съ именемъ перешло и сказаніе, добавленное потомъ чертами изъ жизни грызуна.

Въ упомянутомъ выше бурятскомъ сказаніи о томъ, что медвѣдь былъ шаманомъ, говорится, что онъ былъ не простой бѣ, шаманъ, а абтай; бѣ бываютъ ложные, обманщики, абтай же—истинный шаманъ, пеложный чудотворецъ. О томъ, какъ онъ обратился въ шамана разказывается такимъ образомъ: Этотъ искусный шаманъ обладалъ такою властью, что могъ обращаться въ звѣря; онъ уходилъ въ лѣсъ

¹⁾ Славянская кличка: «чтобъ тебѣ перуцъ показалъ свои зубы» (Др., Поэт. воз., I, 746) также указываетъ на звѣриный образъ громовника.

²⁾ Членъ тар отдѣляется и въ названіяхъ звѣрей, именно тушканчикъ на Иртышѣ у Русскихъ называется тарбаганъ, Хамійскіе же Туркестанцы зовутъ его просто таръ.

обходилъ три раза вокругъ дерева, обращался въ медвѣдя, наваливалъ добычу, снова посредствомъ трехъ оборотовъ вокругъ дерева становился человѣкомъ, и относилъ добычу домой. Однажды подсмотрѣли, какимъ путемъ онъ добываетъ дичь, и подрубили дерево: такъ онъ съ тѣхъ поръ и остался медвѣдемъ. Это сказаніе, представляющее медвѣдя первостепеннымъ шаманомъ, очень важно; оно ставитъ его въ началѣ шаманскаго культа. Первостепенность, превосходство въ искусствѣ камланья и оборачиванья въ звѣрей приписывается другими алтайскими и бурятскими сказаніями первому по времени шаману, который и считается основателемъ шаманскаго сословія, или какъ выражается сказаніе, родоначальникомъ шамановъ. Первый же или древнѣйшій шаманъ, какъ увидимъ ниже, есть самъ Громовникъ; такимъ образомъ и здѣсь медвѣдь сходится на одной мнѣстеческой почвѣ съ Громовникомъ.

Въ Алтаѣ я записалъ сказаніе о древнѣйшемъ шаманѣ, Тостогошѣ, которое содержится въ слѣдующемъ. Ханъ, наскучивъ обманами шамановъ, велѣлъ всѣхъ ихъ собрать и сжечь; онъ говорилъ: „Если они сгорятъ, значить — были обманщики и жалѣть ихъ нечего; если же они настоящіе шаманы, то нечего бояться обложить ихъ огнемъ: настоящіе не должны сгорѣть“. Собрали, по ханскому приказу всѣхъ шамановъ, заключили въ юрту, обложили хворостомъ и подожгли; всѣ сгорѣли, за исключеніемъ Тостогоша, который невредимо вылетѣлъ изъ непла. Послѣ того ханъ позволилъ Тостогошу заниматься свободно своею профессіей и пожаловалъ ему имя Даниъ Тере Тарханъ бѣ. Другой разказъ о томъ же Тостогошѣ такой. Одинъ ханъ пригласилъ Тостогоша лѣчить своего больного сына. Тостогошъ вылѣчилъ, но получивъ ханскіе подарки, сманилъ и увезъ ханскую дочь. Однако ханская погоня догнала бѣглецовъ и Тостогошу отрубили голову. По словамъ Теленгитовъ, у которыхъ было записано это сказаніе, тѣло Тостогоша обратилось въ каменную бабу, которая и теперь стоитъ въ мѣстности Коту. Дѣйствительно, въ этой мѣстности есть каменная баба, которую зовутъ Даниъ. Это сказаніе напоминаетъ другое о каменной бабѣ, находящейся въ рѣчной системѣ рѣки Эгъ и извѣстной подъ названіемъ Даниъ Тирхинъ (или Даниъ-Тэнгиръ, какъ будто бы она еще называется Уранхайцами ¹⁾). Вотъ это второе сказаніе: Даниъ Тирхинъ былъ знаменитый шаманъ; онъ увезъ жену у Чингисъ-хана и заложилъ ее въ пещеру (что у насъ разказывается о

¹⁾ См. Очерки сѣверо-зап. Монг., II, 157.

змѣй-Горыничѣ), но Чингисъ-ханъ убилъ шамана, разрубивъ ему лицо саблей.

Что Даниъ Тирхинъ есть то же самое, что Тостогошъ или Даниъ Тере Тарханъ бѣ показывается, кромѣ сходства въ имени и въ эпизодѣ улова жены, еще одна черта: когда голову Тостогоша привязали въ торока, она захохотала. У Чингисъ-хана въ княжескомъ обѣмѣ сказаніи есть также врагъ Талнъ-ханъ; когда къ нему привезли отрубленную голову Ванъ-хана, голова улыбнулась ¹⁾; здѣсь, правда, говорится о головѣ Ванъ-хана, а не Талнъ-хана, но это слѣдуетъ, вѣроятно, отнести къ сбивчивости мѣста. Уже въ рассказанныхъ нами эпизодахъ узнаются черты змѣй-громовника; вылетаніе изъ пламени въ невредимомъ видѣ на древне-болгарской почвѣ на Волгѣ называется не о шаманѣ, а о змѣѣ ²⁾; болгарскій змѣй и алтайскій Тостогошъ — это лѣто, Громовникъ, скованный зимнимъ сномъ, но вновь возрождающійся въ обновленномъ видѣ. Есть и другія свидѣтельства громовнической природы Тархана бѣ (Талнъ Тирхина). Говорятъ, что передъ каменною бабой Талнъ Тирхиномъ можетъ камлать только истинный шаманъ; что ложнаго убиваетъ молнія прежде, чѣмъ онъ приблизится къ истукану; что истинному шаману, который невредимо подойдетъ къ нему камлал, онъ даетъ цакиусъ (шаманскій плащъ, пояснилъ рассказчикъ); что Талнъ Тирхинъ могущественъ, какъ само небо. „Это само небо“, говорили мнѣ Урянхайцы, — „онъ и называется тэнгиръ, то-есть, небомъ, такъ какъ его зовутъ, между прочимъ, и Талнъ-Тэнгиръ“. Рассказываютъ также, что по сосѣдству съ этою каменною бабой живетъ много шамановъ. Все это свидѣлствуетъ въ пользу того, что Талнъ Тирхинъ занималъ центральное мѣсто въ шаманскихъ вѣрованіяхъ, и что это — самъ Громовникъ. Самыя имена его поддерживаютъ это предположеніе; Тирхинъ Эгской бабы есть, вѣроятно, то же самое, что Тарханъ теленгитской легенды, и оба имени суть только измѣненное произношеніемъ урянхайское названіе бога громовника Теръханъ. Тере теленгитской легенды опять-таки урянхайское имя неба, которое произносится или тере или теръ. Остается одно загадочное названіе Даниъ или Таниъ; не тунгусское

¹⁾ Труды Пек. мисс., IV, 100.

²⁾ См. Шмидескій, Древніе города въ Казанск. губ. Казань, стр. 72 и 212; Рычковъ, Опыт. Казанск. Исторіи, С.-Пб., 1767 г.; Борисъ Гагаринъ, Произвед. народн. словесн., обрамъ и повѣрья Вотик., Казань, 1880, стр. 152; А. Фуксъ, Записки о Чувашахъ и Черемисахъ, 109.

ли это дзанингъ, медвѣдица, что, можетъ быть, означало и сама ¹⁾? Н. И. Ильминскій указалъ мнѣ на присущее татарскому языку свойство, разлагать звукъ *дз* на *д* и *з* ²⁾ и на другое свойство турецкихъ языковъ разлагать носовый звукъ *н* на *н* и *и*. Руководясь этимъ указаніемъ и прилагая то же правило къ тунгусскому, мы отъ дзанингъ, по тунгусски медвѣдица, получаемъ видн: дзанингъ, дзанин, дзангъ (сравни джанкъ онгонъ у Алтайцевъ, состоящій изъ зайца; айнгъ-медвѣдъ по алтайски), заннъ (ср. Санинъ-ноинъ, управитель аймака, Салнъ-ханъ въ монгольской, Хайнъ-ханъ въ бурятской передаѣ имя какого-то древняго, по всей вѣроятности, мифологическаго хана), даннъ (ср. Даннъ поннъ, князь, управляющій косокольскими Урянхайцами ³⁾).

Если Таннъ-Тирхинъ, уставщикъ шаманства, первый по времени и первостепенный шаманъ, носитъ въ себѣ признаки Громовника, то съ другой стороны — народное повѣрье у Халхасцевъ представляетъ иногда самаго Громовника въ видѣ шамана; именно грозовое явленіе объясняется тѣмъ, что по небу три человѣка ведутъ верблюда: одинъ ведетъ за поводъ, другой идетъ рядомъ, третій сидитъ на спинѣ верблюда и бьетъ въ бубень.

Можетъ быть, самое камланье есть ничто иное, какъ подражаніе небесному грому; шаманская мистерія, заключающаяся то въ нисхожденіи въ подземное царство, то въ восхожденіи на небо, въ подробностяхъ сходится съ сказаніями о змѣѣ-громовникѣ, нисходящемъ по небу или восходящемъ съ нею.

На связь шаманства съ представленіями о богѣ-громовникѣ, указываютъ, какъ сказанія о началѣ шаманства, такъ и вещественныя принадлежности шаманства, костюмъ шамана, онгоны и пр. Въ одномъ изъ алтайскихъ вариантовъ о первомъ шаманѣ зѣроловъ Ханъ-Хурмосъ получилъ даръ камланья отъ удара змѣей, который ему нанесъ какой-то старикъ; съ этого удара онъ пришелъ въ изступленіе и закамлалъ. У Урянхайцевъ распространено повѣрье, что прежде были такіе сильные шаманы, что могли низводить молнію на свой бубень. На вопросъ: куда падаетъ молнія, восточные Урянхайцы по большей

¹⁾ У Коттовъ Sajang, медвѣдъ (*Castren's Versuch ein. jenissei-ostjak. und kottisch. Sprachlehre*, 233).

²⁾ См. *Bulletin historico-philologique*, XVI, 1859 г., № 3, стр. 44 въ статьѣ: *Zur tatarische Lautlehre. Aus einem Briefe des Prof. Ilminsky an A. Schiefner.*

³⁾ У Койбаловъ въ пѣсняхъ богъ называется джѣян, чѣян, чѣн (*Castr., Vers. ein. Kolb. und Karag. Spr.*, 144).

части отвѣчали мнѣ: на дерево, на камень и въ бубенъ ¹⁾). На внутренней сторонѣ бубна у алтайскаго шамана можно встрѣтить изображеніе ломаныхъ линій, которыя по истолкованію самихъ шамановъ, означаютъ змѣй (то-есть, молнію). У одного урянхайскаго шамана на р. Бурен-голѣ я увидѣлъ въ юртѣ около кровати мѣдный кругъ, обвѣшанный множествомъ лентообразныхъ лоскутковъ; подобные круги, нашиваемые на шаманскую шубу, Урянхайцы называютъ кудзюнго, Алтайцы—кусунны, Монголы—толи. На разпросы объ этомъ кудзюнго, обладатель его отвѣчалъ, что этотъ кругъ упалъ съ неба на камень, и въ то время, какъ онъ игралъ тутъ, Чуло-хамъ (то-есть, хамъ по прозванію Чуло) поймалъ его, принесъ домой и передалъ потомству; шаманъ считалъ отъ Чуло-хама до настоящаго времени всего пять поколѣній; по всей вѣроятности, этотъ разказъ есть отрывокъ изъ сказанія о первомъ шаманѣ и началѣ шаманства.

Въ приведенномъ разказѣ нельзя подъ кружкомъ кудзюнго разумѣть солнце, потому что здѣсь прямо говорится о паденіи на камень; но форма кружка удаляетъ его отъ молніи, а потому ближе всего видѣть въ кудзюнго болидъ или метеоръ, — метеоры же и въ нашихъ повѣрьяхъ сливаются съ молніей и называются огненнымъ змѣемъ ²⁾).

Атрибуты шаманскаго званія всѣ имѣютъ по видимому цѣлью указывать на Громовника. Эти принадлежности состоятъ изъ особыхъ шапки и плаща и бубна съ колотушкой; у бурятскихъ шамановъ, кромѣ того, появляется пара жезловъ и другія вещи. Шаманское платье, которое мнѣ довелось видѣть на мѣстѣ и въ музеяхъ, можно раздѣлять на три типа: урянхайско-алтайскій, тунгусскій и амурско-орочонскій; послѣдній ближе къ первому, чѣмъ ко второму. Всѣ они имѣютъ видъ

¹⁾ У Камчадаловъ существовало повѣрье, что во время грозы Билукай (камчадалскій громовникъ, живущій на облакахъ и производящій громъ, молнію и дождь) сходитъ къ шаманкамъ, вселяется въ нихъ и способствуетъ имъ угадывать (*Краменинниковъ*, Опис. Камчатки. С.-Пб. 1786, т. II, 82).

²⁾ *Енисейскій*, Сочин. I, стр. 288: ангиліями въ Римѣ назывались священные щиты, которые во время празднествъ въ честь Марса жрецы носили на шеѣ или на лѣвой рукѣ. Сказаніе о нихъ говоритъ, что однажды изъ отверстаго неба упалъ на землю необыкновенный щитъ, по образцу котораго и были сдѣланы остальные ангиліи. Названіе ангилій напоминаетъ алтайскій глагольный корень «хункель», означающій громъ; выше мы привели слово чингиль, также очевидно получившее имя отъ звука. Конь у монгольскаго богатыря Ирнъ-Сайна, который есть вѣроятно олицетвореніе Громовника, называется Хангиль. Въ сѣверо-западной Монголіи есть географическое названіе Хангель-цзыгъ или Ангельчикъ.

плаща съ рукавами, сшитого изъ замши; отличие заключается въ томъ, что тунгусскій плащъ обшиванъ желѣзными погремушками, (называемыми по монгольски холбого), и только подолъ его обшитъ бахромой изъ длинныхъ ремней. У алтайскаго же, урянхайскаго и ороchonскаго плаща не одинъ подолъ, а и станъ обшитъ бахромой; ороchonскій плащъ, котораго я впрочемъ видѣлъ одинъ только экземпляръ въ музеѣ Геогр. Общества, отличается отъ видѣнныхъ мною на мѣстѣ алтайскаго и урянхайскаго тѣмъ еще, что на немъ вовсе нѣтъ погремушекъ, за исключеніемъ одного колокольчика ¹⁾, а бахрома, покрывающая станъ плаща, состоитъ исключительно изъ замшевыхъ ремней, тогда какъ на алтайскомъ и урянхайскомъ плащѣ бахрома состоитъ только частью изъ ремней, на половину же изъ жгутовъ, сшитыхъ изъ бязи и другихъ бумажныхъ матерій и набитыхъ волосомъ. Эти ремни и жгуты, по толкованію самихъ шамановъ, изображаютъ змѣй; иногда они даже и шьются такъ, что можно узнать голову змѣи, обыкновенно обращенную вверхъ; головка отдѣлена отъ туловища тѣмъ, что шейка перехвачена галстучкомъ; или просто одно прикрѣпленіе жгута къ плащу не самымъ концомъ, а отступя отъ него съ полвершка, уже выдѣляетъ головку; на головѣ или бисеромъ или на крупныхъ жгутахъ битью изображены глаза; иногда головка разщеплена для того, чтобы изобразить змѣю съ открытою пастью. Къ середины спины бываетъ пришитъ большой жгутъ. Урянхайцы даютъ ему названіе: алтынъ-башту Абырга-джилапъ, то-есть, золотоголовая ²⁾ змѣя Абырга. Это имя мифическаго змѣи распространено далеко на югъ по Монголіи, и мы ниже еще скажемъ объ этомъ имени громовника. Между желѣзными погремушками встрѣчаются изображенія лука и стремени изъ желѣза; все это напоминаетъ Перуна, разъявжающаго на конѣ и мечущаго стрѣлы. То же нужно сказать и о совинныхъ перьяхъ, нашитыхъ на воротникъ плаща и на шапкѣ; сова и филинъ—птицы, подъ которыми представляется Громовникъ, какъ въ нашихъ, такъ и въ повѣрьяхъ сѣверо-западной Монголіи.

Кромѣ холбого, то-есть, погремушекъ въ видѣ желѣзныхъ трубо-

¹⁾ Плащъ этотъ новый, не закопченный; надо полагать, онъ сдѣланъ для Общества по заказу, потому отсутствіе желѣзныхъ погремушекъ, можетъ быть, слѣдуетъ объяснять непополнотой выполненія заказа; можетъ быть, при исполненіи заказа, не нашлось подъ рукой нужнаго матеріала.

²⁾ Въ русскихъ повѣрьяхъ мифическій змѣй также представляется златоглавымъ или золотымъ (см. Русскія заглаванія въ *Зап. Русск. Геогр. Общ. по этногр.* II, 489; *Аван.*, Поэт. возвр. Слав., II, 548).

чекъ, на плащѣ пришиваются круглыя бляхи въ родѣ металлическихъ зеркалъ; на ороченской шубѣ, хранящейся въ музеѣ Географическаго Общества, такихъ бляхъ двѣ: одна—на груди, другая—на спинѣ; въ Алтаѣ я встрѣчалъ обѣ бляхи, нашитыя на спинѣ; у другихъ шамановъ эти бляхи не пришиты къ плащу, а висятъ въ юртѣ или надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ помѣщается бубенъ или въ изголовьяхъ кровати. Выше были уже приведены названія ихъ и сказаніе о ниспаденіи кудзюнга съ неба, что указываетъ если не на молнію, то на падающій метеоръ. Безъ сомнѣнія, въ образованіи формы кудзюнга, а равно и бубна, участвовали въ равной степени, какъ представленіи о метеорѣ, такъ и о солнцѣ.

Во время шаманской мистеріи бубенъ представляетъ то коня, на которомъ шаманъ спускается въ подземный міръ, или поднимается на небо (почему монгольскій шаманъ бубенную колотушку называетъ просто плетью, ташіуръ), то лукъ, посредствомъ котораго онъ пускаетъ стрѣлы въ враждебныхъ духовъ; отдѣлить здѣсь представленіе о солнцѣ отъ представленій о Громовникѣ трудно, потому что и солнцу и громовнику придаются и конь и стрѣлы. Но названія бубна: тунгуръ, ту гыръ, хэнгрикъ указываютъ на прямое отношеніе, существующее между камланьемъ и Громовникомъ. Алтайское и урянхайское названіе горизонтальной поперечины въ бубнѣ „кришъ“, тетива также указываетъ на представленіе о бубнѣ, какъ о лукѣ ¹⁾.

На нѣкоторыхъ шаманскихъ плащахъ встрѣчаются особныя фигуры въ числѣ семи; такъ, на одномъ алтайскомъ плащѣ я видѣлъ подъ воротникомъ семь куколокъ или человѣческихъ изображеній; по толкованію самаго шамана, куклы эти представляли „семь небесныхъ дѣвъ“; на тунгусскомъ шаманскомъ плащѣ, хранящемся въ музеѣ Географическаго Общества, на груди нашиты семь желѣзныхъ пластинокъ, изображающихъ птицъ, по всей вѣроятности лебедей, то-есть, опять-таки тѣхъ же небесныхъ дѣвъ, обладающихъ способностью обращаться въ лебедей. Число семь въ сказаніяхъ сѣверной Азіи большею частью внушено представленіями о Большой Медвѣдицѣ, о

¹⁾ Вертикальная поперечина въ бубнѣ по алтайски баръ, на языкѣ Черныыхъ Татаръ наръ; баръ по-монгольски значить тигръ; по-алт. этотъ звѣрь называется баръ; вѣроятно, наръ Черныыхъ Татаръ есть то же слово баръ въ другомъ произношеніи; можно думать, что это имя прежде придавалось медвѣдю (ср. баранъ-гуресу, медвѣдь на языкѣ Аларскихъ Бурятъ, бартымъ, id. у Забайкальскихъ Бурятъ); въ бубенъ же оно могло попасть только потому, что имена медвѣдя и громовника были общія.

чемъ мы скажемъ въ другой статьѣ; здѣсь же достаточно привести факты, которые должны устранить сомнѣнiе, что въ представленiяхъ о Громовникѣ, основателѣ шаманства, есть общiя черты съ знаменитымъ созвѣздиемъ сѣвернаго неба. Какъ первобытный человѣкъ не отдѣлялъ грозное явленiе отъ неба, на что указываетъ монгольское названiе тэнгри, общее и для неба, и для бога-громовника ¹⁾, такъ онъ могъ, произнося имя выдающагося созвѣздя, думать о цѣломъ небѣ. Названiе Семизвѣздицы такимъ образомъ является въ сказанiяхъ, какъ имя части, взятое за цѣлое. Переходъ отъ громовника къ Большой Медвѣдицѣ не болѣе того, какъ отъ громовника къ Варунѣ, о которомъ Кунъ выражается, что это было не только звѣздное небо, но и море облаковъ и тумановъ, въ которыхъ зараждались молнiи. Монгольское имя Большой Медвѣдицы—Долопъ Бурхинъ; корень втораго члена этого имени слышенъ въ названiяхъ многихъ высокихъ горъ сѣверо-западной Монголии, служащихъ сѣдалищемъ грозныхъ облаковъ; мы знаемъ Буренъ-хайрханъ, Бурханъ-ола, Бурюнъ-ханъ; послѣднимъ именемъ косокольскiе Урянхайцы называютъ извѣстный Мунко-сардынъ; въ призыванiи бурятскаго шамана этотъ бѣлокъ величается такимъ образомъ: „окторгонъ буумы хумо харбаджи буга одинъ ганцъ нюдутей, ошинъ ганцъ шюдутей“, то-есть, стрѣляя небесною стрѣлой, спустился ты, одноглазый Одинъ, однозубый Ошинъ ²⁾.

Точно такая же связь съ высокими горами замѣчается и у турецкаго имени; на большинствѣ турецкихъ языковъ сѣверной Азии это созвѣздиe называется Джедигень, Джетыганъ, Итыганъ; въ виду того, что и на другихъ языкахъ европейскихъ и азиатскихъ созвѣздиe называется медвѣдемъ или медвѣдицей, или по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь звѣремъ ³⁾, и въ Итыганѣ можно видѣть монгольское утыганъ, медвѣдь.

¹⁾ Остатки, по свидѣтельству Григоровскаго (въ рукописи), когда громъ гремитъ, говорятъ: Номъ мечинъ, «Богъ молвилъ», когда хорошая погода: сво Номъ «Богъ добръ», худая—Номъ кеттембанъ, «Богъ бьетъ»; когда день настаетъ—Номъ телымбанъ «Богъ родился». Подобнымъ образомъ и Монголы о ясной погодѣ говорятъ: тэнгри сайн, «Богъ (небо), хорошъ», и о худой: тэнгри му-«Богъ худой».

²⁾ Ср. Ашина, волкъ, предокъ народа Туківъ; также ошъ медвѣдь по якутскимъ и пермскимъ, ошинка (составлено изъ оши и инка; инка—дѣдъ, старикъ) по остякамъ. О Мунко-Сардынѣ Вураты говорятъ, что онъ прежде былъ Шоно-нобойнъ, то-есть, волкъ—баринъ.

³⁾ О медвѣжкахъ и вообще звѣриныхъ именахъ Большой Медвѣдицы мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Какъ монгольское бурхынъ, и татарское Итыганъ (хотя по большей части въ измѣненномъ видѣ) встрѣчается въ названіяхъ высокихъ горъ или ханрхановъ. Только что упомянутый Мунко-Сардыкъ или по крайней мѣрѣ одинъ изъ его побочныхъ пиковъ называется Хятагай; объ этомъ Хятагай говорится, что онъ слетѣлъ съ неба вмѣстѣ съ громомъ. Въ вершинахъ р. Чуи въ Алтаѣ находится высокій бѣлокъ Вуруль-тайга, а сосѣдняя съ нею вершина называется Гедетей или Идытей; адѣсь какъ будто повтореніе названія Мунко-Сардыка: Вурунъ-ханъ и Хятагай. Въ Хангаѣ лежитъ бѣлокъ, который называется Отханъ-Ханрханъ, Отханъ-тэнгри или Очиръ-Вани. Последнее названіе больше всего слышно у туземцевъ и интересно въ томъ отношеніи, что этимъ же именемъ называется ламайскій богъ, представитель физической силы на ламайскомъ Олимпѣ; онъ изображается съ очиромъ въ рукѣ, которымъ онъ расшибъ на двѣ части темное существо Арахы. Что въ составѣ названій горы есть слова ханрханъ и тэнгри, понятно послѣ того, что мы сказали объ этихъ словахъ выше; что же касается до имени Отханъ (или, какъ эту же, вѣроятно, гору называетъ Рашидъ-эдинъ, Утеканъ-тэнгри), его можно принять за видоизмѣненіе слова утыганъ или итыганъ. Въ центральной части Киргизской степи, въ выдающейся среди равнины группѣ горъ Улутау, одна изъ вершинъ носитъ названіе Идыге, которое встрѣчается и въ киргизскихъ сказаніяхъ, какъ имя богатыря ¹⁾; это послѣднее названіе близко и къ бурятскому Хятагай и къ татарскому названію Большой Медвѣдцы: Итыганъ ²⁾.

Урянхайцы высокіе, уединенные пики, заслуживающіе поклоненія, то-есть ханрханы, называютъ адыкъ-ту; у Алтайцевъ, какъ уже сказано было, поклонныя горы называются джанкъ-ту. Въ обоихъ случаяхъ ту

¹⁾ Въ барабинскомъ пересказѣ у богатыря Идыге одинъ глазъ вышибленъ. Срал. одноголазый Одинъ въ бурятскомъ призваніи.

²⁾ На монгольскомъ, татарскомъ и тунгусскомъ есть нѣсколько именъ животныхъ съ окончаніемъ на ганъ или генъ: тарбаганъ, кучигень, мундуканъ и друг.; встрѣчаются формы и съ отсѣченнымъ окончаніемъ, наиримиръ, кучигень, съюставка, иѣтами называется куджо; только лисица (полная форма вѣроятно въ личномъ имени Тюлегуи у Киргизъ), въ чувашскомъ тиль и. т. и. Поэтому и въ названіи медвѣди окончаніе такъ можетъ быть оставлено; «джины» мы встрѣчаемъ въ урянхайскомъ названіи суслика; на якутск. уту выдра; на тунгусск. kuty, медвѣдь.

обозначаетъ гору; адыкъ очевидно то же, что джанкъ или никъ ¹⁾. Полное тожество, этихъ формъ было только въ далекой древности; въ настоящее время Урянхайцы подъ словомъ адыкъ разумѣютъ не совсѣмъ то, что Алтайцы подъ джанкомъ. Адыкомъ Урянхайцы называютъ тряпочки или ленты, которыми они увѣшиваютъ священныя деревья и священныя кучи камней или обо; отсюда, вѣроятно, происходитъ и монгольское хадакъ, шелковый лоскутъ, который также часто развѣшивается на священныя деревья. Такъ какъ на священныя горы или противъ нихъ, если ихъ вершина недоступна, устроивается обо, увѣшиваемое адыками, то названіе адыкету можетъ значить гору, удостоившуюся вывѣшиванія адыковъ. Въ алтайскомъ словѣ „джанкъ“ этотъ смыслъ заключается только отчасти; для ленточекъ, употребляемыхъ для вывѣшиванія на обо и на священныя деревья и для привязыванія къ шеѣ домашнихъ животныхъ, посвященныхъ божеству, у Алтайцевъ существуетъ другое слово — ялама; подъ джанкомъ же Алтайцы разумѣютъ нѣсколько понятій: этимъ именемъ называется, во первыхъ, домашній фетишъ, состоящій изъ зайца, привязаннаго къ срединѣ шнура, увѣшаннаго яламою; во вторыхъ, посвященная божеству и украшенная яламою скотина; в третьихъ, наводненіе, причиненное грозовымъ ливнемъ; говорятъ: джанкъ судан чикты, то-есть, джанкъ изъ рѣки вышелъ; в четвертыхъ, бѣлки или хаирханы; наконецъ, вятыхъ, Джанкъ есть собственное имя сына неба, которому по алтайской легендѣ бобырганъ (летага) выколупалъ глаза; Джанкъ, преслѣдуя его, бросился на землю, куда убѣжалъ бобырганъ, но послѣдній укрылся подъ дерево. Съ тѣхъ поръ небо преслѣдуетъ бобыргана громовою стрѣлой. Всѣ эти различныя значенія можно свести къ общему источнику предположеніемъ, что Джанкомъ назывался у Алтайцевъ богъ-громовникъ. Отсюда и тожество съ монгольскимъ хаирханомъ (въ смыслѣ тученосной горы), и съ урянхайскимъ адыкомъ (въ смыслѣ символическихъ ленточекъ). На-

¹⁾ Тожество оказывается и въ отношеніи фонетики; вездѣ, гдѣ въ алтайскомъ языкѣ стоятъ й, въ языкѣ тува или урянхайскомъ стоятъ ѳ; напримѣръ:

алт. кайын, берега;—тува	кадым
бойым, свой;	бодым
кййна, войлокъ;	кидыс
куйю, вѣтъ;	худелу
куйрукъ, хвостъ;	хуауру
бййик, высокій;	бедым
по этому и ыйик или ликъ;	адык.

званіе жертвы по божеству мы находимъ и у Чувашъ, которые называютъ Ёрихомъ и жертвенныя вещи, и того, въ честь кого они положены. Чувашскій Ёрихъ, алтайскій джанкъ, никъ, минусинскихъ Татаръ — ижикъ, изыкъ, якутскій итык, урянхайскій атыгъ — все это слова одного значенія и напоминаютъ названія медвѣдя: уѣрк самоѣдск. (jugex волкъ, остяцкое; бури волкъ, татарск.; русск. обл. бирюкъ, медвѣдь); ёхоко или усікап тунгусское, эсе якутское; атыгъ урянхайское, айыгъ алт. (аю турецкое), jig — остяцкое. На это сходство можно смотрѣть, какъ на свидѣтельство, что поклоненіе божеству развилось у племенъ сѣверной Азіи подъ вліаніемъ представленій о медвѣдѣ-громовникѣ, который отождествлялся съ высокими горами. Не странно будетъ искать и для именъ Бурханъ, Бурень, Буръ, Буруль и т. под. объясненія въ названіяхъ звѣрей; въ турецкихъ языкахъ мы находимъ бури для волка; въ одной урянхайской сказкѣ является Бури-ханъ, волкъ царь; сказка сначала даетъ ему настоящій волчій видъ, но потомъ превращаетъ его въ хана, живущаго внутри горы, входъ въ которую незамѣтенъ и заваленъ огромнымъ камнемъ (черта, часто приписываемая громовнику). Повѣрья о высокихъ горахъ, существующія въ сѣверной Азіи, намекаютъ на пребываніе на нихъ страшнаго божества. Суевѣрные Тунгусы смотрятъ на гору Чокондо, какъ на мѣстопробываніе гнѣвнаго божества, посылающаго на нее ежедневно облака и бури и никого до нея не допускающаго, а потому вершину ея почитаютъ не досягаемою ¹⁾. Торгоуты въ Тарбагатай говорятъ, что вершину бѣлка Мустау облегаютъ свернувшійся кольцомъ змѣи. Остяки и Зыряне о горѣ Непуби-веръ или Телпосъ-изъ (въ Уралѣ) разказываютъ, что на эту гору никто не смѣетъ взобраться, а которые всходили, оттуда никогда уже не возвращались; они считаютъ мѣсто это обиталищемъ нечистаго духа ²⁾. На островѣ Ольхонѣ есть поклонная гора Ижимей, на которую Бураты не смѣютъ подниматься; на ней, говорятъ Бураты, цѣпами прикованъ къ скалѣ медвѣдь ³⁾.

¹⁾ Риттеръ, русск. переводъ, V, 312.

²⁾ Ж. М. Нар. Просв. 1878 г., ноябрь, 9.

³⁾ Сообщилъ г. Черскій. Подобную связь Громовника съ горой замѣтили и у Лопарей. Аіе или Укко проявляетъ свое бытіе въ видѣ грома, бури, непогоды и молніи. Лопари обожали его подъ видомъ высокихъ горъ, утесовъ и озеръ. Въ Энаре есть скала, поднимающаяся изъ волкъ подобно башнѣ; она называется Аіе и почиталась за божество; ей приносились жертвы (Ж. М. Нар. Пр. 1868 г. июль, 252). Кастренъ (Vorlesung. über. d. Finnische Mythologie, 108—122) указы-

Мы сказали, что джайкомъ Алтайцы называютъ также наводненіе отъ грозового ливня. На такое же отождествленіе грозового явленія съ потоками, несущимися съ высокой горы, указываютъ и другіе случаи. Полный титулъ бѣлка, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Мунко-Сардыка (имя это тункинскимъ Вуратамъ и косокольскимъ Урянхайцамъ неизвѣстно, они зовутъ его или Мунку-Саганъ, или Вурюнь-ханъ), слѣдующее: Мунку-Саганъ-хутулъ-ханъ-моринъ-нойонъ. Это ханъ-Моринъ есть конечно то же, что урянхайское Вурюнь-ханъ, между тѣмъ Моринъ у Монголовъ, кочевья которыхъ прилегаютъ къ южной подошвѣ Танну-Олы, означаетъ вообще большую рѣку; этимъ именемъ зовутъ, напримѣръ, Тельгиръ-Моринъ, хотя не менѣе важныя рѣки Тэсъ и Эгъ не называются моридами. Эта привиллегія Тельгира до того соблюдалась, что Моринъ сдѣлалось почти собственнымъ именемъ этой рѣки; чаще ее зовутъ просто Мориномъ. Другая рѣка (въ системѣ Хуа-хеи) называется Вуренъ-голъ; на картѣ Клапрота она еще называется Хара-муренъ, то-есть черная рѣка; такъ, можетъ быть, она когда нибудь и называлась; нынѣ же она из-

васть на отношенія, существующія между духомъ Hiisi (мнж. Hiidete) и горами по повѣрью Финновъ. Hiisi въ рунахъ является всегда злымъ, коварнымъ духомъ; онъ вмѣстѣ съ Syöjätär сотворилъ змѣй и участвуетъ во всякомъ злѣ, которое на землѣ случается; онъ топоромъ расцѣпъ козью Вейнемейнену (кажется черта громовника, ведущая начало отъ косолапой походки медвѣдя); болѣзни и недуги считаются посылаемыми отъ Hiisi; злое существо этого духа видно изъ финскихъ проклятій: Oi Hiisi, o diavoli! mene Hiitem, idi kь chortu! Вмѣстѣ съ злою природой Hiisi соединяется свойство сильного и ужаснаго существа; у него есть жонъ, у котораго стальныя копыта, а изъ рта и ноздрей летятъ искры. Мѣстопробываніемъ Hiisi считался лѣсъ, особенно лѣсистыя горы; Hiiden linna, то-есть города Hiisi, Hiitolu, то-есть Hiisi'ево обиталище описываются какъ мѣста, окруженныя трупобами, высокими горами и скалами. На горы, какъ на жилище Hiisi, указываетъ и то, что многія горы въ Финляндіи называются Hiiden vuori. Въ рунахъ говорится также о Hiisi'евыхъ поляхъ, лугахъ, коняхъ, быкахъ и проч., что придаетъ этому духу другія черты, не ограничивая его образъ чертами одного лѣснаго. Выраженіе Hiiden väki подавало прежде поводъ къ предположенію что Hiisi были первоначальниками Финляндіи. Та же связь громовника съ высокими горами замѣчена и у кавказскихъ горцевъ. Высшимъ божествомъ у Абхазцевъ считается Амыбъ—ныха—дудрюпшъ, который пребываетъ на горѣ Дудрюпшъ; всякій осмѣливающійся подняться на гору, бываетъ пораженъ слѣпотой. Собственно громовникъ по абхазски называется Аэмъ; ему приносятъ жертвы при отгонѣ скота въ горы весной и возвращеніи изъ горъ осенью, а также во время засухи; во время грозы ему поется особый гимнъ. (Ср. имя Аэмъ съ самодскимъ названіемъ медвѣдя амы, качинско-татарскимъ ама и др. т. п.).

вѣстна у мѣстныхъ Урянхайцевъ подъ именемъ Бурена; это буренъ, прежнее мурэпъ, сдѣлалось совсѣмъ собственнымъ именемъ этой рѣки, такъ что къ нему уже прилагаютъ слово голъ, рѣка. То же слово находится въ имени третьей рѣки Букопъ-буренъ, притока р. Кобдо. Изъ этихъ примѣровъ видно, что моринъ и буренъ смѣняють другъ друга, какъ въ имсахъ рѣкъ, такъ и горъ; это ведетъ къ догадкѣ, что этимъ именемъ назывался Громовникъ, который отождествлялся и съ горой, и съ грозовымъ линнемъ, и вообще съ потокомъ съ горы¹⁾. Отъ этого-то нераздѣленія понятій о горѣ и о берушей на ней начало рѣкъ не рѣдко случается въ Монголіи, что и бѣдокъ, и рѣка носятъ одно и то же названіе, а отдѣльныхъ именъ не имѣютъ; такъ, напримѣръ, къ западу отъ Убса лежатъ два бѣлка, изъ которыхъ вытекаютъ двѣ рѣки: Харкира и Тюргунъ; бѣлки не носятъ отдѣльныхъ названій; на вопросъ, какъ гора называется, отвѣчаютъ: или хайрханъ, или: цасту ола (снѣжная гора), или: мунку цасу (вѣчный снѣгъ), и только когда требуется отличить въ разговорѣ одинъ бѣлокъ отъ другаго, ихъ называютъ именами Харкира и Тюргунъ. Вершина Ени-

¹⁾ Въ алтайскихъ былинахъ, записанныхъ *Радловымъ*, встрѣчается выраженіе «Идиль-джанкъ»; г. Радловъ, заключаая изъ смысла предложенія, перевелъ это выраженіе просто: большой водой; г. Ильминскій, въ письмѣ къ г. Шенеру, помѣщенномъ въ предисловіи къ одному изъ томовъ *Радловскихъ Proben*, предложилъ остроумную догадку, что тутъ нужно разумѣть спареніе двухъ именъ русскихъ рѣкъ, Итиля и Джанка, то-есть, Волги и Урала (Янжа). Невольно является мысль, что это мѣсто есть память о русскихъ рѣкахъ, съ которыми среднеазиатцы могли познакомиться во время походовъ. Какъ будто за то же говорить и монгольское повѣрье о рѣкѣ Идилъдзай, лежащей на западѣ отъ Монголіи, на которой люди, пьющіе ея воду, живутъ свыше ста лѣтъ. Однако слово джанкъ, какъ мы видѣли, извѣстно въ Алтай въ значеніи наводненія, большой воды. Кажущееся противорѣчіе въ этихъ фактахъ можетъ быть объяснено такимъ образомъ. Идиль-Джанкъ было парнымъ именемъ, жившимъ въ устахъ народовъ средней Азіи; оно употреблялось, какъ въ слитной формѣ, такъ и въ разобщенной и придавалось какъ самому громовнику, такъ и производимому имъ грозовому ливню; имя джанкъ и теперь осталось въ Алтай въ близкомъ къ тому значеніи. Имя Идилъдзай явилось не послѣ только знакомства съ р. Волгой, а существовало въ Монголіи давно и повѣрье о немъ указываетъ, что подъ этимъ именемъ скрывается благотворный ливень, приходящій съ западнаго неба; впоследствии турецкія и монгольскія племена явились въ Европейскую Россію и найдя здѣсь двѣ большія рѣки, наименовали ихъ именами, взятыми изъ своей мифологіи. Что народъ подобнымъ образомъ переносилъ имена съ неба на землю, примѣромъ могутъ служить дорожки въ древней Англіи, на которыя было перенесено имя млечнаго пути. Въ первомъ члену Идилъ мы возвратимся въ статьѣ о Семизъдзидѣ.

ся называется Хуа-Хемъ; это названіе дается рѣкѣ только по выходѣ ея изъ озера Теръ-норъ; выше же она называется Шишкитъ; самая восточная вѣтвь системы называется Арасай; въ вершинахъ этой послѣдней рѣки, какъ бы во главѣ всей рѣчной системы, стоитъ высокая гора, носящая имя Хуа-Хемъ, то-есть, имя рѣки, долина которой у ея подошвы получаетъ начало, хотя рѣка, которая близъ нея начинается, называется другимъ именемъ. Это тоже можетъ служить примѣромъ того, что человѣкъ, обитавшій въ древности въ Монголіи, принималъ гору съ ея потоками за органическое цѣлое ¹⁾.

Небо представлялось, кромѣ того, еще въ видѣ высокой горы, въ видѣ бѣлка (или тайги, какъ сказалъ бы Алтаецъ), на которомъ скопляются грозовыя тучи и разряжается электричество. Восходящее солнце или луна должны были представляться дикарю вѣвзающими на гору. Подъ горою въ сказаніяхъ сѣверной Азіи слѣдуетъ разумѣть по большей части небо. Самое крупное со звѣздіе сѣвернаго неба, Большая Медвѣдица помѣщается около вершины этой горы; она должна была представляться или въ видѣ самой вершины бѣлка, или обитателемъ на ней, и обобщаться съ Громовникомъ или съ медвѣдемъ-громовникомъ. Въ сказаніяхъ упоминается высокая гора, на которой растутъ семь лиственницъ; въ качинскихъ быліяхъ царь Джедай-ханъ живетъ на высокой горѣ, а подъ Джедай-Ханомъ разумѣется Большая Медвѣдица, Джетыганъ или Итыганъ ²⁾.

Другое представленіе о небѣ было, какъ о морѣ, окружающемъ землю. Относительно сказаній сѣверной Азіи можно то же сказать, что говорится объ арійскихъ; большая часть мифовъ, касающихся моря, разумѣетъ не земное, а небесное море облаковъ и тумановъ, такъ какъ монгольское племя еще менѣе знало настоящее море, чѣмъ аріицы. Монголъ словомъ далай, море, называетъ большія озера своей родины; небо онъ могъ представить въ видѣ того же далай, только въ другихъ размѣрахъ. Съ этимъ вѣстѣ Большая Медвѣдица должна была преобразиться во властителя небснаго моря, отъ котораго за-

¹⁾ Не слѣдуетъ ли подобною связью представленій о громовникѣ и ливнѣ объяснить сходство именъ въ языгъ якутскомъ *Абѣ-рѣка Böhtlingk, Jak. Wörterb., 15*), и *евбаа*—медвѣдь (*Pall, Zoogr., II, 67*)? Не означало ли оно раніе грозоваго ливня или весенняго разлива водъ? Такое же соединеніе представленій, можетъ быть, заключается въ словахъ: якутскомъ *Ирюсь (Böhtlingk: брус, большая рѣка)* и монгольскомъ *галаанъ*; последнее теперь означаетъ переворотъ земной е только черезъ посредство воды, наводненія, но и посредствомъ огня.

²⁾ Очерки Сѣв.-зап. Монг., II, прим. 27 къ гл. I-й.

висить погода. Мы имѣемъ одну монгольскую сказку, въ которой отчасти можно видѣть вариантъ нашего Марко-богатаго. Одинъ бѣднякъ идетъ къ Бурханъ-Вакши узнавать судьбу; онъ находитъ слѣды ногъ этого божества, этими слѣдами доходитъ до моря и вступаетъ въ его волны; внутри ихъ онъ находитъ ставку Бурхана-Вакши; по сравненію съ нашими сказками, Бурханъ-Вакши есть морской царь; мы уже знаемъ, что В. Медвѣдица по-монгольски называется Долонъ-бурханъ; присутствіе члена бурханъ въ названіяхъ созвѣздія и персонажа наводитъ на мысль, что подъ морскимъ жителемъ Бурханомъ-Вакши скрывается В. Медвѣдица; это предположеніе можно поддержать слѣдующими обстоятельствами: вопервыхъ, многія черты другихъ монгольскихъ и татарскихъ сказаній заставляютъ также предполагать, что властителемъ надъ человѣческой судьбой представлялось созвѣздіе Вольшой Медвѣдицы, о чемъ будетъ сказано въ другой статьѣ; во-вторыхъ, о Бурханъ-Вакши Монголы иногда прямо говорятъ, что это одна изъ звѣздъ Вольшой Медвѣдицы; въ-третьихъ, одно монгольское сказаніе принимаетъ Вольшую Медвѣдицу за семь частей, на которыя былъ разбитъ палкой богатырь Амни-Цаган-Вуреке; къ тому же сказанію объ Амни-Цаганъ-Вуреке соприкасается съ распространеннымъ сказаніемъ о семи братьяхъ, добывающихъ невѣсту, въ нѣкоторыхъ передачахъ прямо относимыхъ къ Семизвѣздицѣ¹⁾; съ другой стороны, Амни-Цаган-Вуреке напоминаетъ богатыря Медвѣдко или Медвѣжье ухо аварской сказки,²⁾ который родился съ медвѣжьими чертами отъ сожительства женщины съ медвѣдемъ. Амни-Цаган-Вуреке убиваетъ дьявола-старуху молоткомъ, намекъ на его громовничество. Эти факты даютъ право имя Бурханъ считать древнимъ первоначальнымъ именемъ Семизвѣздицы, возникшимъ на почвѣ представленій о медвѣдѣ-громовникѣ, обитающемъ на небѣ-горѣ или въ небѣ-морѣ; значеніе же Бурхана, какъ бога, есть, какъ мы думаемъ, позднѣйшее; оно отдѣлилось отъ монгольскаго имени Семизвѣздицы Долонъ-Бурханъ такъ же, какъ и турецкое Кудай, богъ, отдѣлилось отъ турецкаго ея имени Джетыгенъ, о чемъ мы скажемъ въ статьѣ о Семизвѣздицѣ. Принимая слово Бурханъ за древнее имя громовника, возникшее на туземной почвѣ и ведущее начало отъ одного изъ именъ

¹⁾ Какъ напримѣръ, въ датской, смот. *Grundtvig's Danische Volksmarchen*, übr. v. Leo, 110, и въ записанной нами Монгольской «Долонъ убугутъ».

²⁾ См. Сборникъ свѣд. о кавказскихъ горахъ, вып. 2, ст. г. *Чиркесская*, 16—24.

медвѣдя, мы можемъ встрѣтиться съ возраженіемъ; что не лучше ли вести это слово отъ санскритскаго *Bhrgu*, который есть также олицетвореніе молніи или жрецъ, получившій отъ *Mātariśvapa* освобожденный изъ пещеры огонь ¹⁾. Этого санскритскаго *Bhrgu* еще болѣе, чѣмъ монгольскій бурханъ (въ урянхайскомъ произношеніи пурганъ, въ алтайскомъ пыркан) напоминаетъ птица кол-борхы, которой алтайское сказаніе приписываетъ открытіе огня; когда собраніе первыхъ людей неодумѣвало, какъ быть безъ огня, прилетѣла птица кол-борхы, сказала только: „развѣ на березѣ нѣтъ губы, развѣ въ скалѣ нѣтъ камня, и улетѣла ²⁾“).

Санскритскій *Bhrgu* могъ явиться въ Монголію или вмѣстѣ съ буддійскими книгами, или могъ быть занесенъ вмѣстѣ съ переселеніемъ монгольскаго племени отъ сѣверной подошвы Тибета. Но есть мнѣніе, что монгольское и особенно турецкое племя расселялось отъ Байкала съ сѣверо-востока на юго-западъ, а не на оборотъ ³⁾. Если это будетъ подтверждено дальнѣйшими учеными изысканіями, тогда останется одинъ путь, книжный; этотъ путь предполагаетъ переводъ сказанія о *Bhrgu* сначала къ Монголамъ, потомъ къ Урянхайцамъ и Алтайцамъ; сравненіе же редакцій монгольской и урянхайской не поддерживаетъ этого предположенія; сказаніе объ открытіи огня у Монголовъ подъ влияніемъ буддизма исказилось въ сказаніе о добываніи живого бога; пужно сличеніемъ открывать, что въ немъ подъ живымъ богомъ разумѣется огонь; въ алтайской же вышеприведенной легендѣ говорится ясно, что борхы указалъ людямъ огонь. У Урянхайцевъ я не открылъ сказанія объ открытіи огня, но у нихъ есть сказаніе о добываніи живаго бога; редакція этого сказанія первобытнѣе монгольской и не похожа на заимствованіе у Монголовъ; въ монгольскомъ сказаніи Абтай-сайнъ-ханъ ѣдетъ за живымъ богомъ въ Далай-ламѣ, и только; въ урянхайскомъ—это длинный разказъ о

¹⁾ *Kuhn*, *Herabkunft des Feuers*, 5—10.

²⁾ Кунъ приводитъ граубинденскую сагу, которую онъ сближаетъ съ сказаніемъ о добываніи огня. Парни одной деревни выставили въ лѣсу корыто съ виномъ и водкой; лѣсной человѣкъ выпилъ напитковъ и опьянѣлъ; его поймали, связали и принесли въ деревню; когда онъ очнулся, отъ него стали требовать, чтобы онъ открылъ тайну; онъ сказалъ, что откроетъ, но чтобы ему развязали руки и ноги; когда руки и ноги были развязаны, лѣсной человѣкъ только сказалъ: *bim hübschen wetter nemmet die töpschen (wämmer) mit ni und bim leiden haid (habd) er d' wahl*, и исчезъ (*ib.*, 34).

³⁾ См. между прочимъ *Richthofen*, *China*, 45—55.

богатырь, исполняющѣмъ личныя ханскія порученія; послѣднее изъ нихъ есть поѣздка къ Колду-Бурхану за живымъ богомъ, причемъ богатырь добываетъ себѣ невѣсту. Словомъ, эта урянхайская сказка совершенно походитъ на другія урянхайскія богатырскія сказки и нисколько не походитъ на отрывокъ буддійскаго сказанія, который будто могъ быть пересаженъ въ танпуольскія долины немногочисленными безграмотными ламами, и наоборотъ при чтеніи монгольскаго сказанія чувствуется, что это отрывокъ сказки шаманскаго племени, искаженный подъ вліяніемъ буддизма.

Кромѣ того, связь между представленіями дикарей сѣверной Азіи о медвѣдѣ и громовникѣ на нашъ взглядъ такъ очевидна, что заимствование имени громовника: бурханъ, бури-ханъ, буренъ-ханъ ¹⁾, и прочія отъ имени медвѣды должно казаться очень естественнымъ; что же касается до связи *Bhrgu* съ корнемъ *bhrj*, откуда *bhargas*, блескъ ²⁾, то не отвергая ея, можно объяснить эту связь происхожденіемъ понятія о свѣтломъ и существительнаго, „блескъ“, отъ блестящаго созвѣдія, а не на оборотъ.

Сравненіе неба съ моремъ (правильнѣе, озеромъ) могло быть вызвано сходными чертами, одинаковымъ цвѣтомъ лазури, отраженіемъ звѣздъ въ водѣ въ ночное время, а во время грозы одинаковымъ помраченіемъ какъ небесной, такъ и водной лазури; повѣрья жителей сѣверной Монголіи указываютъ, что дикари признавали такую же тѣсную связь между небеснымъ моремъ и земными водоемами, какъ и между небесной горой и земными хайрханами. Они помѣщаютъ громовника на дно озеръ; у Манджуровъ есть мифическій звѣрь мудури, который будто бы водится и въ озерѣ Ханка. Мудури по манджурски значить молнія. Звѣрь мудури считается свирѣпнымъ. Манджуры часы сутокъ обозначаютъ именами звѣрей: 11-й часъ называется часомъ мудури. На манджурскихъ часовыхъ доскахъ на мѣстѣ одиннадцатаго часа изображенъ звѣрь мудури въ видѣ дракона, бросающаго изъ своихъ лапъ молнію ³⁾. О бѣлой совѣ, которая по бурятски называется тажа и въ краѣ живетъ только зимой, Вуряты говорятъ, что на лѣто она уходитъ въ озеро, что къ тому озеру опасно бываетъ подгонять

¹⁾ Понятіе о горѣ заключалось и въ санскритскомъ *bhrgu*, plateau de montagne, précipice. См. *Pictet*, Orig. indo-europ. II, 125; тутъ же сближенія съ готск. *baîrg*, англ.-сакс. *beorg*, древне-славянск. брегъ.

²⁾ *Kuhn*, *Her. d. Feuers*, 8.

³⁾ *Маакъ*, Путеш. по Уссури, I, стр. 141.

въ то время скотъ на водопой, потому что тажа поражаетъ его молніей. Въ западной Монголіи этого повѣрья нѣтъ, но связь бѣлой совы съ представленіемъ о громовникѣ есть и здѣсь: говорятъ, что ее преслѣдуетъ громовая стрѣла, почему она удаляется на лѣто на дно моря. Этимъ повѣрьемъ о пребываніи громовника въ озерѣ можно объяснить названіе манджурскаго мионческаго звѣря чжухань-сингари; это было повидимому имя громовника, представленіе о которомъ народъ перенесъ на мамонта; связь въ представленіяхъ о мамонтѣ и громовникѣ или по крайней мѣрѣ о мионческомъ звѣрѣ индрикѣ, прочищающемъ источники, есть и у насъ; на эту связь указалъ уже г. Вс. Миллеръ¹⁾. По самоѣдски мамонтъ называется *jeuggogu*²⁾, именемъ, которое напоминаетъ корни, приведенные въ началѣ статьи; на языкѣ томскихъ Остяковъ и Самоѣдовъ онъ называется козаръ; это тоже одно изъ именъ громовника, какъ увидимъ ниже. Кажется эту связь нужно предполагать и между громовникомъ и выдрой; ея остатокъ названіе вантеръ³⁾ напоминаетъ самоѣдское названіе бубна, *reander*, *reanser*, *reanzer*⁴⁾, а мы видѣли, что названіе бубна въ связи съ именемъ громовника; названіе же рѣчекъ въблизи нѣкоторыхъ бѣловъ около Косогола и въ системѣ Шинкита Мундурго, или Мунгорго (ср. пандеръ по халхасски, мундур, *mender*, *möndör*—градъ по бурятски) указываетъ на то, что и здѣсь громовнику давалось подобное имя. Тутъ, можетъ быть, наводило на сближеніе роющее свойство горныхъ потоковъ, образующихся отъ грозоваго ливня, которое напоминало дикарю роющихся въ землѣ звѣрей⁵⁾.

¹⁾ *Древности*, т. VII с. 6.

²⁾ *M. Schrenk's Reise n. d. Nordosten d. europ. Russland*, I, 312; II, 287. Шренкъ считаетъ это имя составленнымъ изъ двухъ *ja* земля и *hoga* самецъ, специально самецъ сѣвернаго оленя, въ родѣ того, какъ лѣтнгола, гусакъ, коровангола—быкъ. Слѣдовательно лнгола будетъ «земной сѣверный олень-самецъ» или просто «земной быкъ». По существованію тунгусскихъ формъ: *янгору*—волкъ, *джухань-сингари*—подземное животное, заставляютъ съ осторожностью отнестись къ этому толкованію.

³⁾ Варианты: *wander*—*Castr. Vers. ostjak* 118; *wondor*, *wondyr*—*Pall., Zoogr.* I, 77; *gonter*—около Самарова *ibid.* По якутски быдыра, близкое къ манджурскому мундуръ, но можетъ быть, и искаженное русское выдра, какъ думаетъ Вѣтлингъ.

⁴⁾ *Castren's Wörterverzeichnis. aus d. Samoied. Spr.* 292.

⁵⁾ По вотячки гондырь—медвѣдь; ср. также хундырь по чувашски, удмур-горныхъ Черемъ, бобръ (*Золотничій*, Чувашск. Слов.). Тотъ же корень для бобра съ другимъ окончаніемъ очень распространенъ на пространствахъ отъ Волги до

Первый членъ имени манджурскаго загадочнаго звѣря, чжухэнь, также нужно отнести къ эпитетамъ громовника, судя потому, что почти того же состава имя: сихинь и кангирь, какъ называются черепичныя погребушки подъ манджурской крышей; кроме того у Вогуловъ громъ называется сахэнь¹⁾. Появленіе этого слова, въ которомъ и тѣни нѣтъ звукоподражанія, можно объяснить тѣмъ, что дзехэнь было именемъ медвѣдя и потомъ перенесено на громовника.

Оно дѣйствительно встрѣчается въ именахъ звѣрей; хэнгрикъ-дзехэнь по монгольски называется россомеха; это имя вполне совпадаетъ обоими членами съ приведенными выше названіями какъ манджурскаго гремучаго украшенія „сихинь и кангирь“, такъ и именческаго звѣря „чжухинь-сингэри“. Переводить слово хэнгрикъ по русски словомъ бубень въ названіи россомехи едвали имѣетъ смыслъ; что за бубенная россомеха? вѣроятно же тутъ разумѣть просто звѣриное имя, которое было дано звѣрю за ревъ и въ то же время придавалось и громовнику. Дзехэнь, россомеха, въ другихъ языкахъ измѣняется въ дзегэнь у Сойотовъ, джекэнь у Алтайцевъ, сегинь, сѣгэнь, сѣгэнь у Якутовъ.

Цаганъ, которое встрѣчается между именами въ монгольскихъ сказаніяхъ, не есть поэтому бѣлый, а скорѣе названіе звѣря; оно означало повидимому медвѣдя и громовника; поэтому-то оно и входитъ въ составъ имени Аминъ Цаганъ Буреке²⁾, въ которомъ мы уже указали признаки громовника; на томъ же основаніи и извѣстный бурятскій „Цаганъ убугунъ“, бѣлый старецъ, долженъ быть признанъ за медвѣдя-громовника³⁾; онъ во время религіозныхъ плясокъ въ буддиз-

Енисей: кундус по киргизски; коңдос по татарски, кундус по алтайски. Отъ того же корня происходятъ названія выдры: kundus, hundus, по сойотски и на-рагаски, кампос, каинош по койбальски (*Castr. Versein. Koib. Spr., 159*); камду по алтайски, кама Казанскихъ Татаръ (ср. темо-халю, бобръ по монгольски); кома по черемисски; йеме по якутски (*Böhlingsk.*).

¹⁾ Труды Общ. естествоисп. при Казанск. ун-в., т. III, № 4; Путеш. къ Вогуламъ, ст. г. Оорокина.

²⁾ Аминъ напоминаетъ самоѣдское Ыманъ, верховное божество.

³⁾ Урянхайцы называютъ медвѣдя, между прочимъ, убугъ, вѣроятно, сокращенное убугунъ. Такимъ образомъ цаганъ-убугунъ будетъ по составу имени соответствовать древне-греческому λευκὴ ἀρκτος (*Bachofen, Der Bär in der Religi. des Alterthums, Basel, 1863, стр. 18*). Не скрывается ли тотъ же убугунъ, то-есть, медвѣдь, въ чувашскомъ словѣ вопкыи, пучина, водоворотъ, пропасть, прожораный, обжора, татарск. укпунъ, гор. Черем. воппанъ; вопкыи у Чувашей

скихъ монастыряхъ представляется хромающимъ, — намекъ на походуку медвѣдя. Буряты Аларскаго вѣдомства говорятъ, что сильнѣйшій звѣрь на землѣ амынь-цаганъ-хулугана; это можетъ значить только то, что прежде такъ назывался медвѣдь, и вмѣстѣ съ тѣмъ громовникъ; впоследствии связь имени съ медвѣдемъ утратилась, осталось одно — что это сильный (какъ небесный громъ) звѣрь. Что это былъ громовникъ, подтверждается повѣрьями, будто мышь амынь-саганъ-хулугана сосеть коровъ, или будто гдѣ она поселится, въ томъ домѣ будетъ богатство и счастье. Другой, болѣе ясный примѣръ подобной судьбы имени громовника представляетъ названіе кара кула. У Киргизъ существуетъ повѣрье, что сильнѣйшій звѣрь есть кара кулакъ (черное ухо), хотя онъ величиной всего съ кулакъ. Въ алтайск. словарѣ ¹⁾ слово кара-гула переведено: левъ. Мы думаемъ, что это ни мышь, какъ надо подразумѣвать со словъ Киргизъ, ни левъ, а что это былъ медвѣдь, и въ то же время громовникъ; связь имени съ медвѣдемъ утратилась, осталось одно воспоминаніе, что это звѣрь и притомъ самый сильный, сильнѣе даже медвѣдя. Въ сказкахъ, Кара-Кула живетъ у Алтайцевъ и до сихъ поръ и фигурируетъ обыкновенно на мѣстѣ нашего змѣя или монгольскаго мангуса; переводъ левомъ надо объяснить такимъ образомъ: когда Алтайцы пришли въ первое столкновеніе съ людьми, знавшими хотя по имени льва, когда эти люди описали имъ льва, какъ звѣря болѣе сильнаго, чѣмъ медвѣдь, Алтайцы, справившись въ своей мнѳологической зоологіи, порѣшили, что это вѣроятно имъ разказываютъ о кара-гулѣ, хорошо имъ извѣстномъ изъ сказокъ. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ объяснить и якутское слово хахай, левъ. Бѣтлингъ въ своемъ якутскомъ словарѣ при этомъ словѣ дѣлаетъ примѣчаніе: гахай, монгольское свинья и за тѣмъ ставить вопросительный знакъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно объяснить, чѣмъ руководствовались Якуты, заимствуя монгольское слово хахай для такого звѣря, какъ левъ; но это затрудненіе можетъ быть устранено предположеніемъ, что со словомъ хахай происходила та же исторія, что и съ кара-кулой. Хахай, вѣроятно, было именемъ медвѣдя и громовника, оставшееся потомъ только въ сказкахъ; что хахай былъ громовникъ, на это указываютъ восклицанія якутскаго шамана на мистеріяхъ: хахай! хахай! подобно тому, какъ алтайскіе шаманы начи-

духъ съ означенными свойствами; ему и его семейству дѣлается моленіе въ предупрежденіе отъ повальныхъ болѣзней (*Золотницкій*, Корн. Чув. Словарь, стр. 27).

¹⁾ Грам. алт. языка, стр. 48.

ная свое камланье, призываютъ имя своего громовника: кайраканъ! кайраканъ! Потому слово это значенія медвѣдь лишилось, но сохранилось въ сказкахъ какъ имя сильнаго чудовища (конечно, это предположеніе должно быть подтверждено образцами, теперь живущими въ народѣ), и наконецъ при первыхъ разказахъ о левѣ было присвоено этому послѣднему. Между гахай-хахай съ одной стороны и дзехенъ-цаганъ съ другой было вѣроятно посредствующее каганъ-хаганъ, которое, подобно кайракану, сдѣлалось почетнымъ титуломъ у влаетелей Монголіи. Между именами звѣрей эту среднюю форму можно видѣть въ остаткомъ коганъ для нѣкоторыхъ породъ лисицы ¹⁾.

Кромѣ этого пути общія имена медвѣдя съ другими животными, были, очевидно и другіе.

Общія именами медвѣдя съ крупными хищниками, волкомъ или выдрой, допускается нашимъ умомъ легко; общія съ крупными травоядными, каковы: лось, олень, быкъ, лошадь, ревъ которыхъ или мало, или совсѣмъ не уступаетъ медвѣжьему, тоже можетъ быть допущенъ. Но можно ли допустить, чтобы имена медвѣдя переходили на мелкихъ грызуновъ, только по той причинѣ, что дигарь обобщилъ все ревящее, воющее, пищущее? Конечно, тутъ была какая-то другая причина переноса; не имѣя возможности теперь же сказать — какая именно, мы замѣтимъ только, что нѣкоторые изъ этихъ переходовъ, какъ показываютъ приведенные ниже примѣры, находятся въ какой-то связи съ сказаніемъ о громовникѣ. Мы уже выше говорили о представленіи громовника въ видѣ змѣи Абырганъ, по имени которой и есть названныя горы (я знаю двѣ, обѣ въ южной Монголіи); въ то же время Абырганомъ Урянхайцы называютъ летягу, о которой и у Халхасцевъ и у Алтайцевъ есть повѣрье, что ее преслѣдуетъ громовникъ ²⁾. Джельбегень или Ельбегень есть семиглавый змѣй алтайскихъ сказокъ;

¹⁾ У Кастрена: *kāgan*, *kēagan* на языкѣ енисейскихъ Остяковъ, *sumarēdgana* на хотанскомъ нарѣчій (*Oastren's Versuch ein. jensisei-ostjakisch und kottisch Sprachlehre*, 239).

²⁾ По алтайски тотъ же звѣрекъ называется бобырганъ (ганъ есть суеинокъ и при сравненіи можетъ быть отброшенъ), по якутски бабыр, у Русскихъ въ Вост. Сибири бабръ, *Felix ursina* (*Bühlingk*, *Jakut. Deutsch. Wörterb.*). Слѣд. по персидски *bibag*, мышь, и *habag*, тигрь и левъ (*Pictet*, *Orig. indo-européennes*, II, p. 411—428 и 444). Въ славянско-литовскихъ языкахъ также замѣчается близость именъ медвѣдя и мелкихъ звѣрьковъ, какъ напримѣръ, бѣлка: медвѣдь по латвійски (у *Pictet*, 428) *wewer*, бѣлка по литовски *wawaris*, по древне-слав. *веврица*.

это, конечно—змѣй-громовникъ; имя его напоминаетъ качинское албагай, соболя, а если совсѣмъ отбросить окончаніе гень—монгольское ольби, летяга, о которой существуетъ у Монголовъ повѣрье, что небо преслѣдуетъ его своими стрѣлами.

Въ нашихъ русскихъ повѣрьяхъ ангелъ преслѣдуетъ громовой стрѣлой чорта, который прячется подъ траву; но по другимъ сказаньямъ подъ траву прячется Христосъ, вѣроятно въ первоначальной редакціи хорсъ (ср. у западныхъ славянъ Кртъ ¹⁾); хорсъ же былъ громовникъ. Финскій громовникъ Юмала, самоѣдскій Нумъ; по мордовски заяцъ—нумоло. Одно изъ именъ легендарнаго шамана, то-есть громовника у Алтайцевъ Ханъ-Хурмосъ, по монгольски бѣла херимъ или херми; Хурмустенъ ханъ — монгольскій громовникъ; по буратски летучая мышь хурмуше; Ерликъ или Ерленъ-номонъ-ханъ, царь подземнаго міра, у Алтайцевъ представляется съ змѣей въ рукѣ вмѣсто плети, слѣдовательно съ молніей; ерленъ по алтайски, номонъ по монгольски значить крыса. Волгонче громовникъ у Черемисъ, мулгачъ—заяцъ по чувашски. Джанкъ — громовникъ у Алтайцевъ; джанкъ, у Алтайцевъ заяцъ, снабженный яламою (онгонъ) ²⁾.

Параллельно съ этими примѣрами превращенія гонителей въ гонимыхъ, свѣтлыхъ божествъ въ темныхъ могъ совершиться и обмѣнъ въ имени тэнгри; этимъ имепемъ могъ называться и громовникъ и преслѣдуемый имъ звѣрекъ, тэнгаръ (по остатку мышь).

Изъ другихъ именъ громовника упомянемъ еще Уланъ, Сартактай, Чингисъ, Гесеръ, Кадыръ, Абысъ, Піамбаръ.

На монгольской почвѣ мы встрѣчаемъ арханческое слово лянгъ ³⁾; оно встрѣчается въ именахъ легендарныхъ героевъ и въ именахъ урочищъ; такъ напримѣръ, въ сѣверо-восточной Монголіи въ Хангаѣ есть священная гора Ташилюнъ (Ташилюнъ?); у южной подошвы Тянь Шаня къ вос. отъ города Хами, на картѣ г. Рафаилова назна-

¹⁾ Кротъ, по монг. номонъ, по монгольскому повѣрью преслѣдуется молніей, какъ и летяга.

²⁾ Громовникъ у Камчадаловъ называется Пиллчутъ (у Стеллера Виллюай); см. Крашенинниковъ, Опис. Камч. II, 73 и 78; заяцъ (*Lepus variabilis*) по камчадалскимъ *biltschutsch* (*Pall., Zoogr. I, 146*). Ср. также русскую загадку о громѣ и молніи: Туръ ходитъ по горамъ, а турица (мышь) по норамъ; туръ свжонетъ, а турица мягнетъ (запис. г. Лашинимъ на Аргунѣ; *Вост. Им. Р. Геогр. Общ.* 1858 г., № 10).

³⁾ Напримѣръ Лянгъ-Шиндургу, Лянгъ-Хумъ.

чено селеніе Ташилюнъ (Ташилюнъ съ выпаденіемъ носоваго м?) ¹⁾; въ Алтай въ долині р. Чуи есть р. Таджилу. Къ этой послѣдней относится легенда въ родѣ нѣмецкой объ Erl-könig's; отецъ везетъ свою дочь съ цѣлю отдать въ замужество, но дитя умираетъ у него на рукахъ. Женихъ былъ таджи то-есть, князь, который жилъ на р. Таджилу; Алтайцы говорятъ, что эта рѣчка потому такъ и называется, что она принадлежала князю; то-есть, они принимаютъ, что названіе таджилу составлено изъ двухъ членовъ: таджи и лу, гдѣ лу есть притяжательная татарская частица лу. Но существованіе монгольскихъ Ташилюнговъ заставляетъ усомниться въ вѣрности подобнаго объясненія. Сказаніе о Таджилу кончается заявленіемъ, что вотъ по причинѣ кончины невѣсты здѣсь и не водятся съ тѣхъ поръ змѣи; эта неясная добавка намекаетъ однако, что подъ лу скорѣе слѣдуетъ разумѣть монгольское лу, драконъ, болѣе полную форму имени котораго мы имѣемъ въ составныхъ монгольскихъ словахъ: лунъ-сумынь, громовая стрѣла, лунъ-ханъ, царь драконовъ. Въ числѣ легендарныхъ именъ встрѣчается Люнгъ-Шидурху ²⁾, противникъ Чингисъ хана, личность, обладающая способностью превращаться и тѣмъ напоминающая мненческаго змѣя; Лингъ-хунъ предокъ народа Таджіутовъ; въ примѣчаніяхъ къ своему отчету о путешествіи въ Монголію въ 1876—1877 году мы сдѣлали догадку о тождествѣ послѣдняго лица съ сохранившимся у хотогайтцевъ именемъ ихъ предка Уланъ-хунъ-таджи; въ нынѣшнюю поѣздку нами добыты еще нѣкоторые подтвержденія этой догадки, но здѣсь не мѣсто излагать эти факты. Если наша догадка будетъ одобрена ориенталистами, то слово уланъ, такъ часто встрѣчающееся въ названіяхъ монгольскихъ урочищъ не всегда придется переводить словомъ красный; во многихъ случаяхъ вѣроятно придется видѣть въ немъ неизмѣненное лунъ или лу, драконъ, родственное турецкому иланъ, змѣя ³⁾. Къ числу урочищъ, въ имени

¹⁾ Кроме того, есть географическія имена: Тумурлюнгъ въ долині р. Егъ (см. Очерки сѣверо-зап. Монг., II, 44, 93); известная рѣка Херулюнь (Херулюнгъ?). На подобное же диалектическое измѣненіе указываетъ повидимому двойственность произношенія слова: юзерлюнь и юзерликъ (первонач. юзерлюнгъ?) растеніе *Regalum Nagmala* на языкѣ Крымскихъ татаръ; сарланъ на языкѣ котовъ и сарлыкъ по монгольски (первонач. сарлынгъ?) тибетскій быкъ, *Vos gupispa*, (Анненковъ, Вот. сл., 244; Очер. сѣв. Монг., II, 142).

²⁾ О Шидурху смотри ниже.

³⁾ Ср. зилантъ драконъ въ татарскихъ преданіяхъ Казанск. губер., Зилуланъ нашихъ сказокъ. Въ алтайскихъ сказкахъ темнымъ зиланъ иногда придается

которыхъ находится это слово, принадлежитъ Уланъ-гомъ, на которомъ стоитъ монастырь хошуна дурбютскаго Вана. Мы записали на мѣстѣ преданіе, что тамъ, гдѣ стоитъ теперь монастырь, нѣкогда жилъ Лунъ-ханъ то-есть, царь драконовъ; это обстоятельство отчасти оправдываетъ наше предположеніе, что подъ именемъ уланъ иногда слѣдуетъ разумѣть лунъ или иланъ, то-есть, змѣя ¹⁾. Такимъ образомъ Уланъ гомъ и Лингъ-хумъ ²⁾ могутъ быть признаны тождественными

имена Катинъ-джула, Кара-кула. Ср. змѣя, по тунгусски кулинь (*Castren, Grundz. ein. Tungus. Sprachlehre*, с. 110), на языкѣ Койбаловъ: джиланъ, чиланъ; сойотовъ: челанъ; карагасовъ, чуланъ (*Castren's Versuch ein Koibal. und. Kara-gas. Sprachlehre*, 156). Вѣроятно это же слово, а не камень, какъ слѣдуетъ изъ прямого смысла, нужно видѣть въ названіи одного хотогойтскаго покровѣнія Чи-лунъ (чило по монгольски камень), а также это же слово чуланъ змѣя можетъ быть подано поводъ по недоразумѣнію къ сказкѣ, что урянхайскій народъ происходить отъ камня: такое повѣріе мы слышали отъ Монголовъ. Подъ именемъ «чилунъ» древнія сказанія вѣроятно разумѣли змѣя громовника, котораго, какъ увидимъ ниже, племена сѣверной Азіи принимали за творца вселенной и родоначальника человечества.

*) Приблизительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находится Уланъ-гомъ, китайскія лѣтописи помѣщаютъ городъ Иланъджеу, змѣиный городъ. И условія, благоприятныя для жизни и хлѣбопашества, дающія Улангому первое мѣсто въ ряду плодородныхъ оазисовъ сѣверо-западной Монголіи, и преданіе о Лунъ-ханѣ, а также и указаніе мѣстности вблизи Улангома, гдѣ была въ древности ставка какого то Воинку хана, говорить за то, что лѣтописный Иланъджеу надо искать въ Улангомѣ.

2) Оріенталисты вслѣдъ за Рашидомъ Эдиномъ въ словѣ хумъ видятъ китайское слово гунъ, князь. Хунъ встрѣчается въ титулѣ джунгарскихъ хановъ, Хунъ-Тайджин (ср. Уланъ-хунъ-тайджин, предокъ Хотогойтцевъ); въ объясненіе этого титула рассказывали, что предокъ этой фамиліи былъ выкормленъ лебедемъ (хонг или хунг по монгольски). У остяковъ и самоѣдовъ слово ханъ, царь, господинъ встрѣчается въ формахъ хон, нан, конг, гонг, гунг, кунг и даже гон, хон, гук (*Castr., Wörterverz. aus d. Samoied. Spr., 235, 239; Verg. ein. Ostjak. Spr., 114*). Эти видоизмѣненія могутъ быть истолкованы такимъ родомъ: слово конг, гонг, гунг на первобытномъ языкѣ народовъ сѣверной Азіи означало громовника и затѣмъ перешло къ обозначенію старѣйшины, князя, и другихъ высшихъ степеней родovitости. Ср. хег идолъ у больше земельныхъ Самоѣдовъ, *Этногр. Сбор.* IV; 57; у Шренка ha, haj; *Reise*, II, 272. Громъ по самоѣдски у Кастрена has, hang, kajuang, khäng; l. c., 212; у Шренка: hajgho, гдѣ haj—дѣлаетъ примѣчаніе Шренкъ—напоминаетъ идола; молнія hajendu, буквально огонь идола (*Reise*, II, 281); Енисейскіе Остяки, кромѣ высшаго божества Евъ, почитаютъ еще двухъ сильныхъ боговъ: Кой или медвѣдя и Бангусъ, подземное божество; Кастренъ думаетъ, что подъ послѣднимъ скрывается мамонтъ; Кой мужское начало, Бангусъ женское; см. *Castr. Finn Mythol.*, 228. Медвѣдь у Енисейскихъ О-

формами; осмѣливаясь высказать догадку, что это было одно изъ именъ громовника. Рядомъ съ нимъ можно поставить еще третье монгольское слово—лунъ-сумынъ, громовая стрѣла (то-есть стрѣла каменнаго вѣка), слово, которое собственно отличается только переходомъ во второмъ членѣ звука *x*-ъ въ *c* и приставкой къ нему другаго окончанія ¹⁾. Не слѣдуетъ ли допустить, что лунъ-сумынъ первоначально означало вообще грозу или громовника, и только впоследствии значеніе его ограничено одной громовой стрѣлой ²⁾? Не сов-

тиковъ называется *χοι, κοί*; см. *Castr.*, *Verg.* с. *eniss. ostj. Spr.*, 233. Все это, по видимому, веревъ одного и того же раченія *hang* или *khäng*, обозначавшаго первоначально медвѣда-громовника, и затѣмъ оно перешло къ обозначенію ядовъ или онгоновъ и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, кромѣ медвѣда; такъ тобольск-татарское *анг* олень, сдѣлавшееся у другихъ татаръ родовымъ: *анг* вообще животное, означало вѣроятно медвѣда; рѣзкій крикъ лебеда вставшалъ и на него перенести этотъ корень: *хонг*, *хунг* лебедь монгольск.; *чинг*, *тенг*, *цэнг* *id*, остатокъ (которое съ выпаденіемъ носоваго и переходитъ въ *тег*, лебедь). Съ выпаденіемъ носоваго изъ формы *хонг*, *гунг* и проч. получена форма *хан*, *хон*, *гун*, *кун*; отсюда *кунъ* въ татарскомъ выраженіи *кунъ-кунгреды*, громъ гремѣть (см. *Будайовъ* Сл. татар. нар. II, ар. 164); монгольское *гунъ*, князь; съ выпаденіемъ носоваго и получена форма: *гон*, *кун* и др., которыми въ татар. языкахъ употреблены для обозначенія неба, а потомъ и голубаго цвѣта. Въ Монголіи нѣкоторыя высокія горы называются *Ханъ-Хухей*, *Алтын-Кухей*; мы думаемъ, что подъ этимъ именемъ скрывается нѣчто болѣе важное, чѣмъ кукушка, какъ это слѣдуетъ изъ прямого смысла втораго члена. Замѣчательно, что для обозначенія крика кукушки у алтайцевъ и Чувашъ употребляются глаголы того же корня *эт*, *адать*, которыми обозначается небесный громъ; по чувашски громъ гремѣть: *аслади адать*, кукушка *кунуетъ* *кун* *адать*; по алтайски громъ гремѣть: *тэнгри этыбъ јат*, кукушка *кунуетъ*: *кууу этыбъ јат*.

¹⁾ По бурятски стрѣла *хумо* или *гомо*. Ленточки, навѣшиваемыя на деревья, Кузнецкіе Телеуты называютъ *сого*; это можетъ служить подтвержденіемъ, что подъ *сого*, *хумо*, *хумъ* и т. д. разумѣлся вѣтъ.

²⁾ *Кунъ* также находитъ возможнымъ такой обитѣль, только въ обратной послѣдовательности; именно онъ говоритъ, что *Kutsa* есть олицетвореніе *donnerkeil*'а, а ранѣе самый *donnerkeil* (*Нерабк.*, 60). Что громовыя стрѣлки ставились въ связь съ громовникомъ, объ этомъ свидѣлствуютъ повѣрья о нихъ, какъ русскія, такъ и азіатскія. У насъ въ деревняхъ громовыя стрѣлки лѣтомъ зарываютъ напашняхъ, чтобы дождь былъ; во время грозы стрѣлку опускаютъ въ ведро съ водой въ увѣренности, что въ домъ, гдѣ стоитъ такое ведро, не ударитъ молнія. Вѣроятно это повѣрье было поводомъ къ тому, чтобы приписать сверх-естественную силу камню неериту или яденту. Самое названіе этого камня напоминаетъ индическій камень *джада* или *дзада*, который такъ старательно разсматриваютъ Монголы и Урянхайцы, и которому приписывается свойство производить дождь. Въ Россіи существуетъ повѣрье, что вѣтъ *медлица* (или *меданка*) цѣлый годъ

смыслъ то же, но въ томъ же родѣ ограниченіе смысла можно видѣть въ словѣ качинскихъ Татаръ тор, что означаетъ молнію; слово это вѣроятно сокращено изъ тенгри или тангара, небо, какъ принимается всѣми за подобное же сокращеніе того же слова остяцкое торумъ, небо, чувашское тора, небо. Третій случай такого же сокращенія значенія представляется въ монгольскомъ словѣ тэнгринъ-ху, грибъ; буквально тэнгринъ-ху значить сынъ неба; навязывается вопросъ, съ какой стати такое названіе дано неважному растенію? Мы объясняемъ себѣ это обстоятельство такимъ образомъ: тэнгринъ-ху было имя медвѣдя громовника ¹⁾; это была версія слова тэнгри-ханъ; дикарь подмѣтилъ, что грибы обильно выходятъ послѣ грозы и далъ обонимъ явленіямъ одно имя. Тутъ помогало обобщенію можетъ быть и отдаленное сходство гриба съ очертаніемъ стрѣлы ²⁾.

Въ Алтаѣ часто встрѣчаются рѣчки подъ названіемъ Хаиръ-Кумынъ; такъ какъ это горныя рѣчки, текуція изъ бѣлковъ, то происхожденіе ихъ имени весьма естественно искать между именами громовника. Мы уже въ словѣ Джаякъ имѣемъ примѣръ обобщенія громовника съ горнымъ потокомъ или наводненіемъ. Первый членъ приведеннаго имени: хаиръ, совершенно тотъ же, что въ монгольскомъ словѣ хаир-ханъ, гора-громовникъ, члену ханъ соотвѣтствуетъ кумынъ ³⁾; это внушаетъ мысль, что хаиръ-кумынъ было такимъ же

бываетъ слѣпа и только на Ивановъ день получаетъ зрѣніе и тогда, бросающъ на человѣка, пробиваетъ свою жертву на сѣвѣ точно стрѣлою. Трава медяница зарождается отъ гніенія гадовъ; растетъ слѣпою, зрѣніе получаетъ въ Ивановъ день и когда увидитъ человѣка, бросается на человѣка и пробиваетъ его на сѣвѣ. Заговоръ отъ роднища: «на морѣ на окіяиъ стоитъ мѣдный столбъ отъ земли до неба и въ томъ столбѣ закладена мѣдная мѣдница отъ болѣзней и хворостей». (Др. Повѣст. Возвр. II, 527). Тарбагатайскіе Торгоуты, въ случаѣ болѣзни вымани у коровъ, лезть прикасаясь къ нему дунъ-суминомъ, то-есть, найденнымъ въ степи мѣднымъ накопечникомъ стрѣлы (бронзового періода). Повѣрья о змѣяхъ у монголовъ также есть: онѣ живутъ въ землѣ и когда на нихъ упадетъ тѣнь, напримѣръ, отъ каравана, бросаются съ такою силой, что пробиваютъ верблюда съ вьюкомъ на сѣвѣ.

¹⁾ Отнѣмъ же только мы объясняемъ появленіе Тэнгринъ-ху въ качествѣ личнаго имени одного изъ монгольскихъ богатырей.

²⁾ На идейную связь грибовъ съ громовникомъ указываетъ слышанное нами въ Монголіи повѣрье о грибѣ-дождевикѣ, (который по монгольски называется Тэнгринъ-дузе), что если черный порошокъ его попадетъ въ глаза человѣку, то онъ ослѣпнетъ, а актъ ослѣпленія часто участвуетъ въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ о громовникѣ.

³⁾ Другія рѣчки кончаются на гомъ (Джингегомъ, Арыгомъ, Шарыгомъ;

именемъ громовника, какъ и ханрханъ и лунъ-суминъ. Въ виду такого соображенія мы названіе одного изъ притоковъ озера Убса именно Наринъ-суминъ предпочтася вставить рядомъ съ алтайскими ханръ-куминями, вѣсто того, чтобы переводить „тонкая стрѣла“, какъ это слѣдуетъ изъ прямого смысла; принимая, что суминъ соответствуетъ кумину, въ словѣ нар слѣдуетъ видѣть еще одно изъ именъ громовника; что имя этого корня придавалось ему, подтвержденіе тому мы видимъ въ одномъ монгольскомъ сказаніи о Нарбанджинѣ, гдѣ послѣдній ударомъ по столу производилъ пламя. Приведемъ еще случай, который говоритъ въ пользу соотношеній словъ канръ-куминъ и лунъ-суминъ. Растеніе *Synanthes sossineum* носитъ на киргизскомъ языкѣ имена: канръ или сумъ-гуа; можно думать, что эти два имени прежде были соединены и составляли парное имя канръ-сумъ; такое имя растеніе могло получить за свой странный нестообразный видъ, способный вызвать представленіе о громовой стрѣлѣ.

Чтобы исчерпать содержаніе формы „лунгъ“, приведемъ еще изъ остаткаго языка названіе мыши, лангеръ или тенгеръ; въ этомъ языкѣ есть звукъ средній между *л* и *т*, для котораго въ словарѣ Кастрена изобрѣтена особая буква; поэтому въ записяхъ путешественниковъ для одного нарѣчія для мыши дается названіе тенгер или тенгар, для другого лангер. ¹⁾ Не относится ли лунгъ къ лангеръ и остатковое тонг, бѣлка, къ тенгаръ, такъ же, какъ татарское канк (откуда канкилдады) къ корню кангра, алтайское шанг, колоколь, къ корню шангра? Не было ли лангеръ также именемъ громовника, какъ тенгиръ или тенгри ²⁾. Имяшій князь Ельдигеновъ называется Лу-гунъ, то-есть, князь драконъ; по Рашидъ Эддину, предокъ тѣхъ-же Ельдигеновъ назывался Мисеръ-улюкъ ³⁾. Въ этомъ „улюкъ“ какъ будто скрывается лунгъ—или улунгъ, измѣненное потерей носоваго *н* въ родѣ того,

замѣчательно, что последнее названіе прилагается къ рѣкѣ въ системѣ Шиншикта то-есть, въ странѣ очень удаленной на востокъ отъ Алтая) или на гомъ и кемъ (Өлгемиъ, Армысиъ, Улегемиъ). Улегемиъ у г. Бунге, путешествовавшего по Алтаю, названъ Улегуменомъ, хотя во время проѣзда по Алтаю меня уверили прикащики, что эта рѣчка никогда такимъ образомъ не называлась, но въ виду существованія формы куминъ было бы поспѣшно отвергать возможность подобнаго наименованія.

¹⁾ Сравни названіе большого озера Улюнгуръ въ Джунгаріи.

²⁾ Ср. лунт. лынзыр, звовъ.

³⁾ *Зап. Имп. Археол. Общ. т. XIV, стр. 153—156.*

какъ шилюнгунъ, по халхаски рысь, въ бурятскомъ превращается въ чулугунъ, рысь; если это такъ, то Лу-гунъ есть нечто иное, какъ нынѣшнее произношеніе Рашидъ-Эддиновскаго Лингъ-хума.

Существованіе двухъ формъ для адскаго божества: Ерликъ-ханъ и Ерленъ-ханъ также намекаетъ на то, что существовала первоначальная, болѣе полная форма: ер-ленгъ, или ер-лингъ ¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что Ерликъ алтайцами представляется со змѣей въ рукѣ вмѣсто плети, слѣдовательно принадлежить къ громовникамъ.

О громовникѣ Сартактаѣ можемъ сообщить немного. Что это былъ громовникъ, видно изъ разказовъ о томъ, что онъ прорывалъ каналы, раздѣливалъ пути, мостилъ мосты; подобно нашему громовнику Ильѣ Муромцу, онъ также оставилъ слѣдъ своего сидѣнья, только не на печи, а на скалѣ (близъ р. Катуня); Алтайцы указываютъ также на камень, который онъ употреблялъ для бросанья въ дичь. Камень этотъ называется кудурго-ташъ, будто бы отъ слова удар, поднимать; Алтайцы пробуютъ на немъ свою силу, стараясь поднять его; по нимъ это напоминаетъ также названіе громовника, по черемисски кудурчо, по вотлицки кутурья или гудури. Сказанія о Сартактаѣ распространены только въ странѣ между Катунью, оз. Убса, городомъ Кобдо и оз. Зайсаномъ; въ восточной части Монголіи его не знаютъ, но здѣсь въ окрестностяхъ Косогола и у Бурятъ появляется имя сардыкъ, для обозначенія высокихъ горъ (бѣлковъ и голь-

¹⁾ Бураты въ своихъ сказаніяхъ даютъ ему имя Ерленъ-Номонъ-ханъ. Мы уже приводили выше, что номонъ по монгольски крыса и кротъ, ерленъ по алтайски крыса; съ тѣмъ же значеніемъ слова: тат. ӧрлэн, гор. Черемисъ Ӧрлэнга, лугов. Черем. орланге; по чувашски арлан, кротъ (*Золотницкій, Кори. чув. слов., стр. 6*). Кротъ также связываетъ ерлика съ идеями о громовникѣ потому, что о кротѣ есть монгольское повѣрье, что его преслѣдуетъ молнія. Ерленъ-Номонъ-ханъ было вѣроятно именемъ громовника, которое потомъ перешло съ гонителя на предметъ гоненія. Монгольское имя крота сохоръ-номонъ, буратское моно-сохоръ также можно принять за имя громовника; сохоръ, сохуръ могло образоваться отъ корня хонгро. Полная форма: хонгоръ или сонхоръ присвоена Монголами соколу, по киргизски сункаръ; ср. хонкире монгол. воронъ, и названіе одного изъ предковъ монг. народа по кинж. сказаніямъ Бай Санкуръ (въ Юань-чао-иши Бо Санкуръ); изъ этой формы черезъ опускъ носоваго я могло образоваться сохоръ, что теперь по монгольски значить слѣпой. Путь, которымъ это слово пришло къ такому значенію, былъ вѣроятно такой: сначала этимъ именемъ назывался громовникъ, потомъ сохоръ или номонъ-сохоръ перешло на гонимаго звѣря, потомъ, такъ какъ слѣпота есть особенность звѣря, форма сохоръ стала означать вообще слѣпота или криваго. Примеровъ тому, что слѣпота соединилась съ идеей о громовникѣ, можно было бы привести довольно.

цевъ); слѣдовательно оно значитъ то же, что хайрханъ въ западной Халхѣ. Между звѣрами это имя прилагается къ сѣноставкѣ, живущей на высокихъ горахъ вблизи сѣвѣнной линіи (по монгольски шарьтехе). Определеніе выступаетъ громовникъ подъ этимъ именемъ у Якутовъ; объ нихъ прямо говорится, что они громовнику даютъ имя Сюрдахъ-сюгэ-тоепъ; обыкновенно это имя переводится: сюрдахъ—злой, сюгэ—топоръ, тоепъ—господинъ. Вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, видѣть въ сюрдахъ особое произношеніе имени Сартактай или Сартакъ, въ сюгэ—слово одного корня съ дзегенъ, сіяганъ, то есть, росомаха (ср. сякенъ громъ, по вогульски) и, наконецъ, тоепъ есть тоже, что таянъ, дзаянъ и т. п., о которомъ сказано выше; значеніе же „злой“, которое придается слову сюрдахъ, показываетъ, что это имя придавалось дикому звѣрю, съ которымъ смѣшивалась личность громовника.

Въ восточной части Монголіи, гдѣ исчезаютъ сказанія о Сартактаѣ, его мѣсто занимаетъ Чингисъ-ханъ; во многихъ мѣстахъ показываютъ здѣсь слѣды его дѣятельности: ему приписывается проложеніе дорогъ черезъ хребты и т. д. Указываютъ на его котелъ, на вершину его юрты и т. под. Это хожденіе по горамъ, а также приписываніе ему изобрѣтенія вина и сказанія о томъ, что онъ былъ кузнецъ, указываютъ на его громовническій характеръ ¹⁾. Замѣчательно, что сказанія о кузнечномъ искусствѣ, въ связи съ представленіями о громовникѣ, начинаютъ встрѣчаться только въ восточной Монголіи; въ западной Монголіи, гдѣ имя Чингиса менѣе извѣстно, и въ сказаніяхъ замѣняется другими (Сартактай, Одунъ-бодунъ), мнѣ по крайней мѣрѣ не удалось записать ничего подобнаго. Молотокъ вмѣсто меча въ рукахъ богатыря, встрѣчающійся иногда въ монгольскихъ сказаніяхъ, не встрѣчается въ алтайскихъ. Въ восточной же Монголіи указываютъ скалу, бывшую наковальней Чингиса. Буряты

¹⁾ Чингисъ-ханъ по Сананъ-Оецэну (*Schmidt*, Gesch., 103) умеръ насильственной смертью, но какою, не сказано; Иаанс-Карини говоритъ, что онъ убитъ молніей, а Марко Поло, что онъ умеръ отъ стрѣлы, которая попала ему въ колѣно (388). У Сананъ-Оецэна, напротивъ Хасаръ, убиваетъ, попадая стрѣлой въ колѣно, старуху, которая при осадѣ тибетскаго города насылала на войско Чингисъ-хана болѣзни. Не находятся ли эти разказы о ранѣ стрѣлою въ колѣно въ связи съ мнѣической хромотой громовника? Громовыя стрѣлки Киргизы употребляютъ для излеченія болѣзни домашнихъ животныхъ, которая кончается хромотой задней ноги. (Очерки сѣверо-в. Монг., II, 92). Ср. разказы о болѣзни ногъ у Хонкиратовъ, Ирхитовъ. Еркина Алтайцы представляютъ хромымиъ.

имѣютъ сказанія о началѣ кузнечнаго дѣла и о первомъ кузнецѣ; кузнецы бурятскіе имѣютъ особыхъ фетишей, у бурятскихъ шамановъ въ числѣ привѣсокъ къ орудіямъ камлання встрѣчаются желѣзные изображенія наковальни и молотка. Что касается до имени Чингисъ, его можно видѣть, отбросивъ окончаніе *ис*, въ названіи лебеда: по остяцки: чепъ, ценъ, чипъ, ченъа, по самоѣдски *janquā* ¹⁾, у Монголовъ и Бурятъ хонъ, хунъ ²⁾. Въ виду того, что было нами сказано выше по поводу остяцкихъ формъ конъ, кунъ, царь, самоѣдскихъ ханъ, кенъ, громъ, навязывается вопросъ: названія лебеда хонъ, хунъ, чинъ, ценъ не суть ли термины громовника, перешедшіе на птицу за ея рѣзкій крикъ ³⁾? Къ тому же корню можно подвести татарское анъ, вообще животное; что оно было когда-то видовое, указываетъ, какъ мы говорили, существованіе тобольско-татарскаго анъ, олень.

Слово анъ является, какъ окончаніе многихъ татарскихъ именъ звѣрей: арслан, левъ, по татарски, лисица, по мещеряцки, шишкан—мышь по татарски; въ болѣе удлиненной формѣ: орланге, кроть по чувашски; солонго—колонокъ по монгольски, шилюнгуңъ—рысь по монгольски, унугуңъ—лисица по монгольски. Эта удлиненная форма напоминаетъ остяцкое: анге, мать (ср. татар. анеке, мать). Тутъ возникаетъ вопросъ: имена ли громовника и медвѣдя произошли отъ анъ-мать, или мать получила почетное имя медвѣдя-громовника изъ почтенія ⁴⁾?

Названіе Абысъ встрѣчается въ сказаніи о Тостогошѣ; ханъ пожаловалъ ему имя Абысъ-ханъ послѣ того, какъ онъ невредимо вылетѣлъ изъ огня. Въ словарь алтайскаго языка, приложенномъ къ Алтайской грамматикѣ (Казань, 1869), абысъ переведено: священникъ; дальнѣйшихъ объясненій не сдѣлано. Слово это мы встрѣчаемъ и у Татаръ мусульманъ Европейской Россіи, гдѣ оно придается духов-

¹⁾ *Castr.*, Wörterverz. aus d. Samojed. Spr., 277.

²⁾ *Castr.*, Vers. ein. oniss.-ostj. Sprachlehre 253, 120; Vers. ein. burjat. Sprachl., 213.

³⁾ Въ татарскихъ нарѣчіяхъ монгольское хунъ приняло форму *ху*, что можетъ служить подтвержденіемъ нашего мнѣнія о именахъ Тенгри-ханъ и Тенгри-ху, какъ о версіяхъ. См. выше, стр. 155.

⁴⁾ Имена Чингизанъ, рѣчка, впадающая въ Иркутъ, Чингизанъ—покойніе у Телеутовъ, Джангызанъ покойніе у Киргизъ показываютъ, что версія анъ представлялась вмѣсто ханъ къ имени Чингисъ. Что касается до самаго имени, не есть ли оно только видоизмѣненіе слова Тенгисъ, которое, какъ и венгерское *tenget*, нынѣ значитъ море, но прежде вѣроятно означало громовника?

нымъ лицамъ, какъ почетное имя. Несомнѣнно, что это слово аборигенъ южной Сибири и, вѣроятно, означаетъ то же самое, что и у тункинскихъ Бурятъ слово абтай, то-есть, первостепеннаго, искуснѣйшаго, истиннаго шамана, а прежде вѣроятно означало громовника ¹⁾. Одинъ Алтаецъ выразился въ разговорѣ со мной, что Абысь—это небо; слѣдовательно значеніе громовника подъ этимъ словомъ еще и теперь чувствуется жителями Алтая. Это же слово, нѣсколько измѣненное произношеніемъ у Алтайцевъ, является въ соединеніи съ именемъ громовника; высшее божество у нихъ называется Ульгенъ Кайраканъ Эбошь ²⁾. На мулъ и священниковъ это имя перешло потому, что въ немъ заключалось понятіе о чемъ-то высшемъ сравнительно съ обыкновенными шаманами, которыхъ сказанія стараются передъ шаманомъ-громовникомъ выставить обманщиками, ложными шаманами. Что касается до бурятскаго абтай, то и оно новинному придавалось громовнику; есть монгольское сказаніе о Абтай-ханѣ, добывающемъ живаго бога, подъ которымъ нужно разумѣть огонь ³⁾.

Гесеръ-ханъ есть герой одного обширнаго монгольскаго книжнаго сказанія, которое имѣется въ нѣмецкомъ переводѣ, сдѣланномъ Шиндтомъ. Въ Монголіи это имя довольно извѣстно; замѣчательно, что при разспросахъ о немъ, Монголы называютъ его божествомъ китайскимъ ⁴⁾. Начало этихъ представленій нужно кажется искать у Урянхайцевъ, Алтайцевъ и Теленгитовъ. Урянхайцы на Хуахемѣ знаютъ нѣкоего Чингисъ-Кзээръ-Кайракана; ему приписывается сотвореніе всей природы послѣ всеобщаго потопа; упоминаютъ эти имена и от-

¹⁾ Алтакъ по якутскимъ шаманъ; абасы — злой духъ; абасы-цусунъ — идолъ. *Böttlingk, Jacut. Wörterbuch*, 6. Въ Монголіи я записалъ повѣрье объ абтахеринѣ; лѣтомъ абтахеринъ бываетъ птицей, зимой превращается въ мышь и живетъ въ водѣ.

²⁾ *Radloff, Erman's Archiv*, B. XXI, t. I, 2, p. 190.

³⁾ Сравни. 1) мордовск. оета, медвѣдь; самодѣское habide, hajbide, hajwede, медвѣдь (*Al. Schrenk, Reise n. Nordoosten d. Russlands* t. II, с. 286); 2) Обида въ словѣ о полку Игоревѣ; 3) абада—баба-яга по чувашски; 4) Оптина пустынь построена на мѣстѣ, гдѣ жилъ разбойникъ Опта (Памятная кн. Калуж. губ. на 1861 г., 287). Корень об—аб въ именахъ медвѣдя очень распространенъ: чуваш. оба, алт. аба, урянх. на р. Хукъ: убукъ (сравни. убугунъ, монгольск. старикъ); вогульск. аби, оаре, ohboa, (*Pall., Zoogr.* I, 65); самодѣ. аны (Поля. litt), качни, тат. ава (*Pall. Zoogr.* I, 64), тунгус. ороѣ. Ср. Аомъ, громовникъ у Абхазцевъ; см. выше.

⁴⁾ Какъ понимать эпитетъ «китайскій» въ монгольскихъ сказаніяхъ, я скажу въ статьѣ о Семизвѣздцѣ.

дѣльно одно отъ другого; на вопросъ, кто изобрѣлъ водку, въ одномъ мѣстѣ мнѣ отвѣтили: Кэзэръ-ханъ; это показываетъ, что Кэзэръ-ханъ есть лицо тождественное съ Чингисъ-ханомъ, которому изобрѣтеніе вина приписываютъ Монголы, да и сами Урянхайцы выражаются, что всѣ эти три лица есть одно и то же. Далѣе разказывается о спорѣ или состязаніи въ силѣ у трехъ кайракановъ—Кэзэръ-хана, Чингисъ-хана и Амурсаны; сильнѣе всѣхъ оказывается Кэзэръ-кайраканъ. У Теленгитовъ является Газыръ-гамъ, подъ которымъ вѣроятно скрывается тотъ же Кэзэръ-ханъ; Газыръ-гамъ современникъ Тостогоша, онъ вмѣстѣ съ нимъ вылетѣлъ изъ огня невредимо; затѣмъ ему приписывается борьба съ Ерликомъ, при чемъ онъ отрубаетъ лапу у Ерликовой собаки. Въ другомъ алтайскомъ сказаніи Кэзэръ является богатыремъ, а не шаманомъ; онъ вступаетъ въ борьбу въ Сартакпаемъ (Сартактаемъ?); Сартакпай прострѣлилъ Кэзэру грудь насквозь, но Кэзэръ не замѣтилъ этого, и обливаясь кровью, проѣхалъ мимо. Въ другихъ сказаніяхъ имя Кэзэръ придается самому Сартактаю; такъ у Радлова ¹⁾, этотъ богатырь названъ Сартактай Кэзэръ; у Теленгитовъ слово кэзэръ стало нарицательнымъ и означаетъ просто богатыря. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось собрать у Теленгитовъ и Урянхайцевъ болѣе подробныхъ разказовъ объ этой мифической личности, способныхъ освѣтить темное сказаніе о Чингисъ-ханѣ, въ особенности то его мѣсто, гдѣ выступаетъ на сцену братъ его Хасаръ.

Дорджи Банзаровъ въ одной изъ своихъ статей приводитъ имя нѣкогда жившаго въ Монголіи знаменитаго шамана, Чингисъ-Хаджира-Тэнгріинъ-ху, то-есть, сына неба; Банзаровъ по видимому не принялъ этого шамана за тождественное лицо съ Чингисханомъ, да ему и трудно было слить ихъ: одинъ былъ въ глазахъ его шаманъ, другой—ханъ. Мы смотримъ на это сказаніе иначе; въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ мы видимъ двухъ Чингисъ-хановъ: историческій Чингисъ-ханъ завоеватель выступаетъ только въ концѣ сказанія, въ началѣ же, въ эпизодахъ о Ванъ-ханѣ и Таанъ-ханѣ (подробности о чемъ оставляемъ достать и о Ванѣ), мы видимъ баснословную личность, и эти имена: Чингисъ-ханъ, Кэзэръ-кайраканъ, Чингисъ-Кэзэръ-кайраканъ, Чингисъ-Хаджиръ-бо ²⁾ Тэнгріинъ-ху, Газыръ-гамъ,

¹⁾ Proben, I, 188.

²⁾ У Дюрбютонъ есть повѣрье, что птица хаджиръ или тасъ живетъ на роднѣ Шиджимуни (Шаджимуни) и оттуда видитъ, гдѣ лежитъ трупъ; какъ бы это мѣсто ни было далеко, она въ одинъ день долетаетъ до трупа, поднимаясь

по нашему мнѣнію, всѣ относятся къ одной и той же, мнѣической личности, къ Громовнику.

Решидъ-Оддинъ также зналъ Гесеръ-хана; онъ говоритъ, что иначе онъ называется Гадеръ-ханъ, и что этимъ именемъ называется какое-то сильное дѣйство ¹⁾.

У Киргизъ есть повѣрье о святомъ Кадырѣ или Казырѣ, что гдѣ онъ пройдетъ, тамъ окрестности покрываются свѣжею зеленью; ср. Хизръ, имя пророка Идін у мусульманъ ²⁾. Тутъ можно видѣть темныя намеки на Громовника; по монгольски кабарга ³⁾, живущая на высокихъ горахъ, гдѣ ходятъ облака, называется худури (произносится иногда худуръ, худыръ) ⁴⁾; по татарски кабарожья и бобровая струя—

при этомъ подъ самое небо. Та же птица тасъ у Урлихайцевъ называется езеръ; у Карагасовъ подъ именемъ сайгă, сѣга известна цапля, Reiher (Castr., Versuch. ein. Koib. und Karagass. Sprachlehre, 154). У Остиковъ Нарымскаго края на Оби подъ именемъ каджаръ известенъ мамонтъ; по Григоровскому (въ рукописи) козаръ, мамонтъ, по Кастрену козар, kossar, kozsari (Wörtervergl. aus d. Samojed. Sprache, 250; ср. кыръ, по татарски, мамонтъ въ старинномъ хронографѣ; *Поневъ*, I, стр. 261). Оба животныя по своимъ признакамъ могли быть обобщаемы съ громовникомъ.

¹⁾ Имя знаменитаго мнѣической героя Гесеръ-хана Аларскіе Вураты произносятъ Гэгерь-ханъ, что напоминаетъ имена Гэгерь Меджитъ (см. Очерки сѣверо-зап. Монг., II, 154), Бикаръ-мадзиди, Викрамидитъ. У Алтайцевъ также встрѣчается въ числѣ могущественныхъ духовъ Кыгыръ-ханъ; ему приносятъ жертвы. Всѣ эти варіаціи Казар-хан, Кыгыръ-ханъ, Кадыръ-хан (см. ниже) соотвѣтствуютъ приведеннымъ въ началѣ статьи наименованіямъ грозового явленія: кузурт, кугурт, кудури.

²⁾ Въ началѣ статьи были указаны сходныя формы гудури, вотацкая и кузуртъ алтайская, для обозначенія грозового явленія. Подобное же наименованіе звуковъ представляетъ имя растенія *Regalium Natmala*, которое по киргизски называется адр-аспан, по бухарски хазар-асбанд, хазар-мспан, у Крымскихъ Татаръ юзерликъ (*Дик., Бот. Слов.*). Растеніе это употребляется для одурманя или опьяненія; ср. сзир, осрым, пьяный по татарски; Гесеръ-хану, какъ имъ упомянуто выше, одно изъ записанныхъ нами показаній приписываетъ изобрѣтеніе вина. По повѣрью русскаго народа, если не это самое, то родственное ему растеніе (*Ruta graveolens*) также связывается съ Громовникомъ; на Дону сущарные поселенцы вѣрятъ, что во время грозы рута есть убѣжище діавола отъ грома, и что громъ бьетъ въ то мѣсто, гдѣ растетъ эта идолевая травка (*Дикенск., Бот. Слов.*, 307).

³⁾ Сахалинскіе Айны по *Депрерадовичу* (Сборн. ист.-статист. свѣд. о Сибирѣ, т. II, в. I, стр. 27) кабаргу считаютъ священнымъ животнымъ и обидѣ ей навлекаетъ пожаръ.

⁴⁾ Въ первоначальной исторіи Казанскаго царства упоминается подъ 1359 г. пришедшій съ востока изъ Хивы Хедзеръ-ханъ (запцый ханъ Хидыръ); см.

кагирь. Не на это ли вещество намекаетъ Рэшидъ-Эдинъ? Ср. вотяцкое слово гудури, громъ, черемисское кудурчо—богъ-громовникъ. Можетъ быть, и монгольское легендарное имя Шидыр-ванъ или Шидурху ¹⁾ находится въ связи съ этими же наименованіями, такъ что названіе дикаго хмѣля (*Atragene alpina*), по монгольски чюдуръ-убюсу, можетъ быть составлено въ родѣ урянхайскаго кайраканъ-крыжи, тетива Громовника, и значеніе путъ чюдуръ придано впоследствии по сходству сѣдельнаго прибора съ растеніемъ ²⁾.

У Чувашъ и Черемисъ мы встрѣчаемъ мифологическое имя Пигамбаръ или Піамбаръ. По чувашскимъ понятіямъ, Пигамбаръ есть духъ, раздающій людямъ добрыя качества и сообщающій имъ (шаманамъ) пророческія видѣнія; онъ—покровитель домашняго скота, охраняющій его отъ хищныхъ звѣрей, надъ которыми онъ имѣетъ власть, такъ что волки называются „пигамбаровыми собаками“, подобно тому, какъ въ Малороссіи волки извѣстны подъ именемъ Юровыхъ собакъ ³⁾. На сходство Пигамбара съ Георгіемъ побѣдопосцемъ указалъ еще Сбоевъ. Въ молитвахъ, обращенныхъ къ Пигамбару, Чу-

«Основаніе города Казани», пов. *Ал. Фукса*, предисловіе, стр. XIII. Дѣйствительно ли это историческая личность? Тотъ же обихъ звуковъ замѣчается и въ названіи жеребца: у Монголовъ адвирга, по якутски атыр, по киргизски и татарски айгыр. Не идутъ ли эти формы отъ корня ангра, ангыр? Съ производеніемъ Аларскихъ Бурятъ Гегеръ-ханъ ср. кабалистическое слово кагиръ-кидаръ, которымъ одинъ священникъ атчилъ зубную боль (см. *Добротворскій*, Русск. престолярная медицина въ сравненіи съ медициной Сахалинскихъ Айносовъ, стр. 36), а также кагырь—камень чувашскихъ заговоровъ (*Золотницкій*, Чув. Слов., стр. 186).

¹⁾ Шидырмакъ—по чувашски трещетка.

²⁾ Другое, очень близкое къ *Atr. alpina* и также вьющееся растеніе, именно *Clematis orientalis*, Хамйскіе Сарты называютъ мандыръ. Выше была уже указана форма Мудури, манджурское имя Громовника. См. также у *Остроумова*, «Китайскіе эмигранты» (Казань, 1879), 31 — о Модуръ-ханъ: богъ громовъ у Дауръ-Солоновъ Модуръ-ханъ; онъ начальникъ надъ модорами духами, какъ Тенгриинъ-ханъ и мелкіе духи тенгрии у Монголовъ; у Камчадаловъ Громовникъ, Вилухай или Пилучучъ, также главенствуетъ надъ горными духами каму' ами; см. *Красноярскій*, Оппе. Камч., II, стр. 74—75). Модуръ-ханъ изображается сидящимъ на змѣ съ рыбьимъ хвостомъ и вѣющимъ двѣ пары рукъ: одною парой онъ мечетъ стрѣлы, другою бьетъ въ барабанъ. Вся эта мисна: Шидыръ, Кадыръ, Мудури, Модоръ, мандыръ (ср. мундуръ, градъ) не были ли первоначально именами Громовника?

³⁾ Подобнымъ же образомъ Дархаты, обитающіе въ долинахъ р. Шинкиты, волковъ называютъ Тенгриинъ-нохой, то-есть, собаками Тенгриа (Громовника?).

наши просать: „не дѣлай намъ зла, удерживай собакъ!“¹⁾ У Черемисъ Шамбаръ—младшій жрецъ, помощникъ карта (шамана), у Вятскихъ Шамбаръ—великій пророкъ, помощникъ верховнаго бога²⁾. Покойный Золотницкій видѣлъ въ этомъ имени персидское слово пейгамбъръ, пророкъ, и вообще полагаѣтъ, что шаманскія повѣрья и сказанія Чувашей складывались и развились послѣ появленія ислама въ краѣ и языческія вѣрованія заимствовали изъ ислама имена и другія вышнія черты. Намъ кажется не только страннымъ, но даже и немислимымъ такое преобразование предметовъ почитанія ислама; если и допустить, что имя Пигамбаръ не туземное, а занесенное исламомъ, то и тогда нужно принять, что образъ, который теперь носитъ это имя у Чувашей, существовалъ уже у нихъ до введенія ислама; за это говоритъ родство мнѣологическихъ представленій населенія, живущаго въ предѣлахъ прежняго Болгарскаго царства, съ шаманскими сказаніями южно-сибирскихъ инородцевъ; разбору этихъ родственныхъ чертъ мы посвятимъ особую статью. Кромѣ того, есть данныя, которыя наводятъ на мысль, что имя Пигамбаръ возникло на шаманской почвѣ. Черты, которыми обставлено это имя у Чувашей, указываютъ, что подъ нимъ скрывается Громовникъ. Все, что относится къ радугѣ, по близости ея къ грозовому явленію, должно представлять почву, на которой нужно искать годныхъ для занимающаго насъ вопроса матеріаловъ; радуга иногда даже прямо называется лукомъ Громовника. Киргизское ея названіе, кемпырны-кусагы, названіе съ перваго взгляда странное, потому что кемпыр—старуха, кусакъ—веревка, къ которой привязываютъ овецъ на ночь. Чтеніе русскихъ загадокъ и южно-сибирскихъ сказокъ внушаетъ убѣжденіе, что наши предки любили представлять звѣзды овцами, а мѣсяцъ—пастухомъ; но въ такомъ случаѣ овцевязью приличнѣе было бы назвать млечный путь, а не радугу, являющуюся только на дневномъ небѣ³⁾.

¹⁾ Золотницкій, Корн. Чув. Слов., 202, 203.

²⁾ Золотницкій, Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ. Казань, 1877, стр. 23.

³⁾ Впрочемъ, радуга можетъ быть представляема въ видѣ кусака по мнѣнческой связи грозоваго явленія съ доеньемъ молока; кочевники средней Азіи обыкновенно доятъ овецъ, привязавъ къ кусаку (въ такомъ случаѣ овцы будутъ не звѣзды, а облака). Слич. повѣрья Вондовъ о вѣдмѣ, которая вѣшаетъ веревку за пещью въ часъ, когда въ деревнѣ всеобщее доенье, и молоко течетъ по веревкѣ въ ведро вѣдмы, а коровницы уходятъ отъ своихъ коровъ съ пустыми подоушками. Въ одной деревнѣ всѣ коровы перестали давать молоко; оказалось, что

Легенды для объясненія этого названія, распространеннаго отъ Чернаго Иртыша до Омска, кажется, нѣтъ. Понятіемъ старухи, вѣроятно, смыслъ имени Кемпырь не ограничивается; это имя встрѣчается между киргизскими поколѣніями въ Тарбагатай¹⁾; слѣдовательно, оно можетъ быть принято за имя родоначальника, а родоначальникомъ перѣдко считается Громовникъ.

Въ числѣ героическихъ именъ у Киргизовъ встрѣчается Камбаръ-біи; оно находится въ одной былинѣ, записанной Радловымъ²⁾; мы сами имѣемъ цѣлую былинку о Камбаръ-біи, записанную въ Киргизской степи около Баянъ-Аула. Не слѣдуетъ ли въ Кемпырь видѣть измѣненное Камбаръ, а въ Пигамбаръ—Камбаръ-біи съ перестановкой составныхъ частей? Въ своемъ словарѣ Золотницкій приводитъ названія радуги, употребляемыя въ Поволжьѣ: по чувашски она называется сурешъ-киберъ, сьувекъ-киберъ, салаватъ-кибери; по татарски—салаватъ-купре; подъ вторымъ членомъ, и по чувашски, и по татарски разумѣется мостъ. Но сравнивая это имя съ названіемъ радуги у Киргизовъ и у Крымскихъ Татаръ (у послѣднихъ вмѣсто киргизскаго кемпырныи кусаки радуга называется ямгур-кушаки; сообщено г. Калачовымъ), есть вѣроятіе полагать, что киберъ, купыръ только видоизмѣненное кемпырь или камбаръ съ выпаденіемъ носоваго, какъ въ словахъ вампиръ и упыръ³⁾. Въ монгольскихъ и башкирскихъ сказаніяхъ встрѣчается мифическая стрѣла съ собственнымъ именемъ кюбуръ или кубуръ⁴⁾.

была вѣдьма, которая посредствомъ веревки сливала молоко всѣхъ коровъ въ свой подолникъ; тутъ очевидно представленіе о засухѣ; веревка—это радуга; о радугѣ существуютъ повѣрья, что она пьетъ или сосетъ. Эти повѣрья указываютъ на связь представленій о вѣдьмѣ и Громовникѣ. У одного учителя, по повѣрью тѣхъ же Вендовъ, была корова, которая давала необыкновенно много масла; замѣтили, что корова жуетъ веревку, изъ конца которой учитель (вмѣсто, можетъ быть, шамана или шаманки) донѣ молоко; веревка лежитъ на спинѣ коровы, глаза коровы дѣвольски блещутъ. Что это драконъ—указывается видъ коровы: огненные глаза, загнутый хвостъ (*Weckenstedt, Wendische Sagen*, стр. 259, 283, 287).

¹⁾ Очерки сѣверо-зап. Монголіи, I, 4.

²⁾ *Proben*, III, 112.

³⁾ Что съ этимъ корнемъ соединилось понятіе о громѣ или трескѣ, свидѣтельствуетъ татарск. кибуръ (*Будак.*, Сравни. слов., т. II, 163). Пигамбаръ на Кавказѣ Гордани приносится пайхонарь. Ср. грузинск. гамура или мегамура, лстучая мышъ.

⁴⁾ См. между прочимъ въ Труд. Пекинск. Дух. Миссіи, IV, стр. 107, 217.

Странное обстоятельство заключается въ томъ, что имя шамбаръ напоминаетъ два имени собаки: пи по черемисски ¹⁾, и амб по остяцки; ср. амба по тунгусски—тигръ и злой духъ (амбанъ, савонникъ по манджурски; не отъ того ли же корня чувашское умбу, царь)? Что касается до формы упыръ ²⁾, которая является у Чувашей подъ видомъ вубуръ, у Казанскихъ Татаръ упыръ, — о ней также существуютъ въ Казанской губерніи мнѣологическіе преданія; вубуру приписываются затмѣнія луны; чудовище же, которому приписываются враждебныя дѣйствія противъ этого свѣтила, въ средней Азии находится въ связи съ Громовникомъ. На той же казанской почвѣ записаны мнѣологическіи легенды о Зубейрѣ или Чубарѣ, иначе Сафарѣ. Ынбаръ, выхухоль по чувашски ³⁾, по персидски джуффаръ, id.; другое животное, доставляющее пахучую струю moschus, называется кабарга, алт. табаргы; названіе звѣря нужно считать, по нашему мнѣнію, первоначальнымъ, пахучее же вещество получило имя уже по животному ⁴⁾; ср. также Джуппаръ, предокъ лошадей по киргизскому повѣрью. Совокупность этихъ фактовъ говоритъ за то, что подъ именемъ Вубуръ, Джуппар, Зубейр, кабар, табар, разумѣлся Громовникъ ⁵⁾, съ котораго эти имена перешли частью на героическія личности, частью на животныхъ, живущихъ на высокихъ горахъ или въ водѣ. Обращаемъ вниманіе читателя на то, что выхухоль имѣетъ еще другое названіе по чувашски—удур, близкое къ имени черемисскаго и вотяц-

¹⁾ У Волгаръ есть колыно Піицы, которые ведутъ свой родъ отъ Піи; Піи былъ первый сынъ Вога, имя его значило красный. Онъ научилъ свое потомство сѣдить виноградники и дѣлать вино; онъ же изобрѣлъ огонь и отырылъ желѣзо, слѣдовательно былъ первый кузнецъ. Въ заключеніе Богъ заперъ его въ пещеру (*Верховичъ*, *Опис. быт. Волгаръ; Изв. Им. Общ. люб. ест., антроп. и этн.*, т. XIII, в. 1, стр. 9). Въ этихъ чертахъ нельзя не узнать громовника.

²⁾ Ср. венг., собака въ мѣсто остяцкаго амбъ.

³⁾ *Золотницкій*, *Еоря. Чув. Слов.*, 14.

⁴⁾ По бухарски вонючее растение *Skorodoua foetida* называется саеми-каваръ или просто каваръ (или кабаръ) (*Жигмесскій*, *Флора среднеазиат. влад.*, стр. 78, 129). Тутъ же приведены варианты этого имени: кауракъ, каурекаъ, стоящіе какъ бы въ срединѣ между каваръ—и наиръ, бобровая струя (стр. 182).

⁵⁾ Въ числѣ словъ, относящихся къ звуку, къ этому корню можетъ быть относится чувашское шыбыръ, родъ волынки (башкир. чыбызъ, алтайск. сыбыскы и татарское сыбызгы—рожокъ, дудка, родъ олейты; чуваш. кобые, тат. комузъ, якут. комуз—скрипка; *Золотницкій*, *Чувашск. словарь*, 35, 109).

каго Громовника гудуры, а также къ монгольскому имени кабарги — худури, и т. п. Убур близко къ имени абыс, которое также относится къ Громовнику; замѣна с чрезъ р обыкновенна въ чувашскомъ языкѣ, напримѣръ, хундур, бобръ, вмѣсто хундус и пр. ¹⁾; въ формѣ Шамбар можно видѣть тотъ же корень, но съ сохраненіемъ носоваго звука.

¹⁾ Золотницкій, Корн. Чув. словарь.

Г. Потанинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1882.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія.

Исправительныя пріюты и колоніи въ
Россіи. Д. Тальберга.

Грозовникъ по повѣрьямъ и сказаніямъ
племенъ южной Сибири и сѣверной
Монголіи (Окончаніе) Г. Потанина.

Британія и Обшлагографія

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго
Общества. Томъ XXXII С. П.

Графъ А. С. Уваровъ. Археологія Россіи. I. *Каменный
періодъ*. Два тома съ 63 таблицами, картой и
82 иллюстраціями въ текстѣ Д. Аничина.

Высшія учебныя заведенія съ интернатами
въ Германіи и Франціи Гр. А. Мусина-Пуш-
кина.

Научный способъ обученія грамотѣ г. Шаво
и условія примѣненія этого способа къ
русской начальной школѣ. А. Анастасіева.

Конгрессъ электриковъ въ Парижѣ А. Столѣтова.

Пятый археологическій сѣздъ въ Тиф-
лисѣ Л. Майкова.

Педагогическіе курсы въ г. Новосилѣ.

Спиридонъ Забелій.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ГРОМОВНИКЪ ПО ПОВѢРЬЯМЪ И СКАЗАНИЯМЪ ПЛЕМЕНЪ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СѢВЕРНОЙ МОНГОЛИИ¹⁾.

II.

Громовникъ, производящій грозовые ливни, орошающій горные слаты и степи, есть виновникъ хорошихъ кормовъ и водоносъ, а посредствомъ этого онъ есть творецъ благосостоянія скотоводческихъ племенъ. Хороши корма—сытъ скотъ и удоенъ, сытъ и народъ, онъ скопляетъ много молока и зимой не бѣдствуетъ отъ голодовокъ; дѣти также сыты и здоровы при обиліи молока. Это дѣлаетъ Громовника покровителемъ скота, семьи и дѣтей. Поэтому молитвы о дарованіи дѣтей или о ихъ здоровьѣ должны быть направляемы къ Громовнику; либаціи молокомъ Алтайцы и Теленгиты прямо относятъ къ Кабракану, а Якуты — къ Аи-Юрюнь-Тоену, подъ которымъ также можно видѣть Громовника.

Чтобы выразить свое поклоненіе божеству вещественнымъ образомъ, дикари сѣверной Монголіи и южной Сибири ставятъ въ своихъ юртахъ онгоны (мы будемъ употреблять это монгольское слово, хотя у самихъ Монголовъ въ настоящее время онгоны почти совсѣмъ вывелись). Эти онгоны суть символы, которые должны напоминать образъ божества, то-есть, Громовника; по крайней мѣрѣ къ такому предположенію ведетъ сличеніе онгоновъ съ атрибутами шаманскаго дѣйствія. Эти символы представляются или въ видѣ че-

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

человѣческаго изображенія, въ одну руку котораго данъ иногда бубенъ, а въ другую колотушка или квадратный лоскутокъ (до фута длиной), обшитый снизу бахромой изъ жгутиковъ, представляющихъ змѣй, или наконецъ—изъ маленькаго бубна. На лоскутѣ иногда вверху пришиваются три или семь куколокъ въ шапкахъ съ совиными перьями, что сильно сближаетъ онгоны съ шаманскимъ плащомъ; иногда этотъ родъ онгоновъ представляетъ какъ есть цѣлую кокетку (верхнюю часть спинки) отъ шаманскаго плаща. Къ этимъ тремъ типамъ сводится все разнообразіе онгоновъ; матеріалъ для символизированія Громовника берется, такъ-сказать, изъ ризницы шамана; ясно, что дикарь представлялъ себѣ Громовника шаманомъ не только съ бубномъ въ рукѣ, но и одѣтымъ въ плащъ, обшитый змѣями. Иногда это изображеніе упрощается до шнура, къ которому навязаны ленточки, или просто до связки ленточекъ или ремешковъ. Названія онгонамъ различны; изображенія человѣческія носятъ собственные имена, напримѣръ, Кобокъ, Ыуртунъ и проч., и на вопросъ: кого они изображаютъ? всегда получается отвѣтъ: шамана, хотя въ рукахъ куклы не всегда есть орудіе шаманскаго дѣйствія. Четвероугольные лоскуты, шнуры, связки тряпокъ и бубны носятъ родовыя имена; моделямъ бубна присвоиваются, по видимому, имена, подъ которыми чаще разумѣли Громовника; такъ, бубенчикъ или модель бубна въ Алтай называется тюнгурчекъ или кайраванъ, у Бурятъ Тункинскаго вѣдомства—баръ-убугунъ (ср. баръ по монгольски бубенъ, бартай-бѣ—шаманъ, имѣющій бубенъ, у Алтайцевъ баръ—вертикальная ручка въ бубнѣ, представляющая человѣка; не отсюда ли русское барабанъ?), у Бурятъ Аларскаго вѣдомства—баронъ-ихи. Эти имена онгоновъ: баръ-убугунъ и баронъ-ихи напоминаютъ не разъ уже приведенныя названія медвѣди баранъ-гурохенъ или просто баранъ, и бартахи, встрѣчающіяся у Бурятъ.

Онгоны въ видѣ упрощеннаго шаманскаго плаща носятъ то же названіе, какъ и шаманскій плащъ; такъ, у Алтайцевъ случается слышать для такого онгона названіе мапьякъ или манджакъ; тѣмъ же именемъ называется поясъ у въ Алтай шаманскій плащъ ¹⁾. У западныхъ Урипхайцевъ въ долинахъ Кемчика и Улу-хема такую связку

¹⁾ Это имя встрѣчается въ исторіи южной Россіи, какъ имя Половецкаго хана: въ греческихъ источникахъ Маньякъ, въ русскихъ Боньякъ; слово это сохранилось у русскаго простонародья: маньякъ—привидѣніе, маньячить—казаться, грезиться (Курск. губ.). Въ Тульской губерніи маньякомъ называется падающая звѣзда; гдѣ она упадетъ, тамъ дѣвица лишилась невинности; это сближаетъ падающую звѣзду съ легучимъ огненнымъ змѣемъ (Обл. Великорусск. Словарь).

лентъ зовутъ ерень, и тѣмъ же именемъ называется здѣсь шаманскій плащъ. Въ долині Шиникита у Дархатовъ и у Косогольскихъ Урянхайцевъ связка лентъ, повѣшанная надъ кроватью, называется цахиусъ, сакіусъ, сакюсъ, что Буряты произносятъ хакиусъ или хакоюсъ; это имя, кажется, тоже употребляется въ смыслѣ шаманскаго плаща.

Въ долинахъ Кемчика и Кобдо (въ верхней ея части у Соионовъ), а также въ сѣверныхъ долинахъ Алтая у Алтайцевъ и Теленгитовъ встрѣчается онгонъ, помѣщаемый въ войлочномъ чохлѣ противъ дверей; онъ состоитъ изъ уложеннаго въ чохолъ шнура, на серединѣ котораго привязана шкурка бѣлаго зайца, а на самый шнуръ, по всей его длинѣ, навязаны ленты, такъ-называемыя ялама. Этотъ онгонъ въ долинахъ сѣвернаго Алтая называется джанкъ, на Кемчикѣ и Кобдо — агъ-ерень; послѣднее слово сосѣдніе Монголы переводятъ цаганъ-онгонъ. О связи именъ цахиусъ и мапьякъ ни съ медвѣдемъ, ни съ Громовникомъ не могу ничего сказать, но имена джанкъ, ерень и цаганъ относятся къ именамъ звѣрей. О джанкѣ или ынкѣ мы раньше уже говорили, сближая его съ айнгъ, медвѣдь; цаганъ мы принимаемъ за исчезнувшее имя звѣря, слѣды котораго въ ряду зоологическихъ именъ можно видѣть въ названіяхъ росомахи; наконецъ, ерень есть вѣроятно урянхайское иркѣй, медвѣдь (подобное же измѣненіе окончанія встрѣчается въ названіи одного горнаго прохода Улсѣй-дабанъ, которое зовутъ также Уленъ-дабанъ; можно бы привести и другіе примѣры). Объ еренѣ Урянхайцы и Соионы говорятъ, что ереней два: одинъ на землѣ (то-есть, медвѣдь?), другой на небѣ (Громовникъ?); въ томъ же родѣ выражаются Урянхайцы на Хуа-хемѣ; кайракановъ два: одинъ на землѣ (тутъ разумѣется прямо медвѣдь), другой — на небѣ (тутъ разумѣютъ виновника грозовыхъ явленій).

У племенъ южной Сибири существуютъ обряды, устраиваемые въ случаѣ безплодія женщины, или когда дѣти хотя и рождаются, но вслѣдъ затѣмъ умираютъ. У Бурятъ въ этомъ случаѣ добываютъ филина и держатъ его въ той же юртѣ, гдѣ находится ребенокъ; до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не подрастетъ, думаютъ, что филинъ будетъ покровительствовать ребенку и отгонять отъ него злаго духа, которому приписывается намѣреніе похитить ребенка. Въ статьѣ о сынѣ неба мы приведемъ сказаніе, гдѣ ночная хищная птица является покровителемъ перваго человѣка; тамъ же изложимъ факты, указывающіе, что подъ этимъ образомъ представляется Громовникъ.

У Алтайцевъ, Бурятъ и Дюрбютовъ, если дѣти умираютъ, существуетъ обычай похищенія новорожденнаго. Похищаютъ ребенка

или родственники семьи, въ которой дѣти мрутъ, или близкіе знакомые; вмѣсто украденнаго ребенка иногда подбрасываютъ куклу; родители, найдя куклу, дѣлаютъ видъ, что принимаютъ ее за настоящаго, но умершаго ребенка, начинаютъ оплакивать его и потомъ хоронятъ: этимъ будто бы убѣждаютъ злаго духа, что ребенка въ живыхъ уже болѣе нѣтъ. У Дюрбютовъ богатые люди отдаютъ иногда своихъ поворожденныхъ въ чужое небогатое семейство на воспитаніе; такъ, у нынѣшняго дюрбютскаго вапа дочь воспитана въ чужомъ семействѣ, и до сихъ поръ эта дѣвушка, достигшая уже 20 лѣтъ, живетъ въ этомъ семействѣ. Тотъ же обычай существуетъ у Киргизъ Семипалатинской области; здѣсь иногда возникаютъ тяжбы настоящихъ родителей съ воспитателями, когда послѣдніе не хотятъ отпустить вырощеннаго ими юношу или дѣвицу въ родительскій домъ ¹⁾. У Бурятъ, въ случаѣ безплодія женщины или недолговѣчности дѣтей устраивается ихи-онгонъ (большой онгонъ) или усэтенъ. Это деревянный лщикъ, въ родѣ нашей скнорешницы, въ которомъ вложены куклы и лоскутки съ рисунками. Однимъ изъ главныхъ между ними считается шелковый четырехугольный лоскутокъ съ яшными на него семью человѣческими фигурками, вырѣзанными изъ жести; верхній край лоскута усаженъ семью куриными (вѣроятно, за неимѣніемъ солинныхъ) перьями; этотъ лоскутокъ называется Хорюкшутъ, что напоминаетъ киргизское имя Большой Медвѣдицы—Джети-каракше; на связь представленій объ этомъ созвѣздіи и Громовникъ было уже указано нами. Другой онгонъ называется Идирхинъ, что, съ одной стороны, напоминаетъ тунгусское имя медвѣдя ätirku ²⁾, а съ другой—второй членъ названія каменной бабы Тайнь-Тирхинъ, въ которой мы уже видѣли Громовника ³⁾.

¹⁾ Обычай воспитанія дѣтей богатыхъ людей въ бѣдныхъ семействахъ существуетъ у горцевъ сѣверо-западнаго Кавказа, при чемъ извѣстныя отношенія воспитанника къ споску дядьки, «аталыку», остаются на всю жизнь.

²⁾ *Castren*, Grundzüge v. Tungus. Sprachlehre, 100.

³⁾ Разныя секретности, сравнительно съ другими менѣе облакаемыми тайной явленіями, всегда получаютъ больше синонимовъ и псевдонимовъ, какъ напримѣръ, секретныя эмбологическія отправления и проч.; на этомъ же основаніи медвѣдь изобилуетъ синонимами сравнительно съ другими животными. Этимъ называютъ медвѣдя широкою ногой, а волка старикъ кастаномъ, и думаютъ, что они не такъ вредятъ, если ихъ называть этими именами. Финны называютъ медвѣдя млнымъ старикомъ, медовою лапой, гордостью трущобы, многохвалимымъ старикомъ. Приполярскіе жители, плывя по рѣкѣ, не употребляютъ слово медвѣдь, замѣняя его другимъ словомъ и боясь въ противномъ случаѣ утонуть. Въ Никольскомъ уездѣ

Такъ какъ первоначальныя идеи о Громоуникѣ и вообще божествѣ у Туранскихъ племенъ слагались изъ совокупныхъ представленій о грозовомъ явленіи и медвѣдѣ, то божество, покровительствующее дѣтямъ, должно было получить нѣкоторыя черты, заимствованныя прямо изъ наблюденій надъ медвѣдемъ. Материнская любовь медвѣдицы отразилась уже въ греческихъ мифахъ¹⁾. Плиній описываетъ, какъ медвѣдица своихъ родившихся въ несовременной формѣ медвѣжатъ доводить до нормальнаго состоянія вылизываніемъ языка; современные наблюдатели утверждаютъ, что медвѣжата рождаются величиной съ крысу, съ вытянутымъ тѣломъ, слѣпыми на четыре педѣлы; въ это время мать ухаживаетъ за ними любовнѣе, чѣмъ человекъ, какъ ухаживаетъ медвѣдофилы; такимъ образомъ древнее сказаніе о безформенности медвѣжатъ имѣетъ нѣкоторое основаніе въ дѣйствительности. Подобнымъ же образомъ Ливій и Овидій выражаютъ материнскую любовь волчицы: *et fingit lingua sorogro bina sua*. И дѣйствительно, говоритъ Вахофенъ, — что можетъ лучше выразить трудъ, употребляемый матерью на воспитаніе, какъ не этотъ образъ медвѣдицы, формирующей лизаніемъ свое дитя? Отсюда, по мнѣнію Вахофена, возникъ культъ медвѣдицы, *Arctos*, который потомъ обратился въ культъ божественной матери; онъ былъ распространенъ въ передпей Азии отъ Троянскон Иды въ Сирію, во Фракію, Аркадію, Критъ и западъ

Вологодской губерніи въ просительныхъ запискахъ къ глѣшму о потерянномъ скотѣ имя лѣшаго (въ образованіи представленіи о которомъ, вѣроятно, участвовалъ образъ медвѣды) тщательно избѣгается. Сибирскіе инородцы для нѣкоторыхъ звѣрей, напримѣръ, медвѣды, соболя, бѣлки, имѣютъ подставныя имена, которыми замѣняется настоящее имя звѣря на охотѣ: иначе ловъ будетъ неудаченъ. Имя медвѣды очень часто замѣняется словомъ старикъ; такъ у Остяковъ, Алтайцевъ, Тунгусовъ, Якутовъ. Отсюда, вѣроятно, и происходитъ накопленіе именъ этого звѣря, особенно у людей, занимающихся звѣроловствомъ. На западѣ, у Татаръ и Киргизовъ, занимающихся земледѣліемъ или скотоводствомъ, мы находимъ для медвѣды только одно имя: цю; у Алтайцевъ уже три: айигъ, абшіякъ или аба; у Остяковъ, по Кастрену, пять именъ: *öpneng, kunzeng ika, jig* или *jix, jom, wöje*; у Монголовъ пять: баабагай, медзалай, хара-гуресу, бартахи, утыганъ; у Урянхайцевъ три: атыгъ, шрей, кайраханъ; но особенно много находимъ именъ для медвѣды у Тунгусовъ: *amikan* (ср. алтайскій эмогенъ-старуха, бурятское хамыгматъ — лодыжка); *ätirku* (Кастренъ сближаетъ съ *ätirkän*, старикъ); *ärsäku; amuraku; ukkitai; orosi; bakaia* (ср. монгольское баабагай); *ngalunga*, въ другихъ нарѣчіяхъ *galga; ehökö*, въ другихъ нарѣчіяхъ *ucikan* (ср. якутское эса, медвѣда и старикъ; Есугай или по произношенію Буритъ Аларскаго вѣдомства Жюскэ, отецъ Чингисхана); *kongnoga*, — всего десять именъ.

¹⁾ См. *Bachofen*, *Der Bär in der Religi. des Alterthums*. Basel, 1863.

ной сторонѣ Италіи. Этотъ культъ Вахофенъ считаетъ до-эллиническимъ; онъ соединенъ съ первобытнымъ состояніемъ культуры.

Покровителемъ дѣтей у Алтайцевъ являются Заячи и Байана. Одно ли это лицо, или два разныхъ, — я не узналъ, да, по всей вѣроятности и сами Алтайцы это смутно понимаютъ. Есть много чертъ, которыя одинаково приписываются обоимъ божествамъ. Если ребенокъ во снѣ смѣется, говорятъ, что съ нимъ играетъ Заячи или Байана. Но о Заячи-ханѣ говорится, что онъ творитъ людей, чего, кажется не говорятъ о Байанѣ. Имя Заячи, вѣроятно, находится въ связи съ алтайскимъ Джанкѣ, то-есть, съ именемъ онгона, состоящаго изъ заячьей шкурки на шнурѣ ¹⁾. У Вуритъ и Дюрбутовъ Заячи значитъ ангелъ-хранитель; о немъ говорится, что онъ есть совершенное подобіе своего кліента, что если послѣдній одѣтъ въ красный халатъ, въ такой же одѣтъ и Заячи; Заячи дѣлаетъ то же самое, что и покровительствуемый имъ; молится, когда послѣдній молится; ѣдетъ въ телегѣ, когда послѣдній ѣдетъ въ телегѣ, и т. д., словомъ, это какъ будто отраженіе въ зеркалѣ.

Байана есть и у Якутовъ; они называютъ ее Байбаяна; о ней мы знаемъ только, что это божество лѣсное, отъ котораго зависитъ хорошій уловъ звѣрей. Этотъ характеръ божества приближаетъ его къ образу медвѣдя; поддержкой къ тому, что Байана было медвѣжьимъ именемъ, можетъ пожалуй служить тунгусское *bojun*, звѣрь.

Монгольскіе разказы о Заячи напоминаютъ наши о долѣ. Привожу одинъ изъ нихъ въ дюрбутовской передачѣ.

Было два брата, одинъ богатый, другой бѣдный; бѣдный братъ подумалъ: Дай, я пойду поищу своего Заячи, и набью ему бока; докуда я буду жить въ бѣдности! Онъ вышелъ на дорогу; идетъ разодѣтый Заячи въ красной шубѣ; бѣднякъ схватилъ его за шипоротъ, стащилъ съ лошади; давай его тузить и приговаривать: Самъ въ красной шубѣ ходишь, а меня держишь въ нагольномъ рваномъ тулупишкѣ! Заячи закричалъ: Зачѣмъ меня бьешь? я не твой заячи! А

¹⁾ У Вурятъ я видѣлъ шкурку хорька, привѣшанную къ дѣтской люлькѣ; вѣроятно привѣшиваются и зайцы. Въ одной южно-русской сказкѣ заяцъ является нянькой царскаго сына; онъ ходитъ съ ребенкомъ въ лѣсъ отыскивать потерявшуюся мать (Труды этногр. эксп. въ южно-русс. край, II, 451). Что Заячи-ханъ и Джанкѣ возникли изъ общаго источника, свидѣлствуется тѣмъ, что Алтайцы Заячи-хану приписываютъ всемірный потопъ. «Заячи-ханъ дѣлалъ потопъ», сообщилъ мнѣ о. М. Чивалковъ въ Улалѣ; подробностей, къ сожалѣнію, я не добылъ. Ср. Джанкѣ—наводненіе.

гдѣ же мой? Сзади ѣдетъ. Ёдетъ другой Заячи также богато одѣтый. И его тузить бѣднякъ, но оказывается, что и это чужой Заячи. Наконецъ ѣдетъ Заячи въ нагольномъ рваномъ тулупѣ. Бѣднякъ принимается и за этого, но Заячи останавливаетъ его и научаетъ добыть верблюда, убить его, шкуру набить соломой и это чучело тащить на спинѣ въ гору. Между тѣмъ Заячи со всѣхъ сторонъ сошлись на собраніе боговъ; во время этого засѣданія, Заячи бѣдняка неожиданно пронзоситъ: Посмотрите, какой силачъ! несетъ верблюда на гору! Боги невольно взглянули въ ту сторону, гдѣ бѣднякъ, по совѣту своего Заячи, шелъ въ гору съ верблюжьимъ чучеломъ на спинѣ. Взгляда боговъ было достаточно для того, чтобы бѣднякъ сталъ немовѣрно богатъ.

У Русскихъ и Славянъ повѣрья о покровительствѣ дому, семьѣ и скоту связываются съ образами домового и доли. Домовой помѣщается или подъ печкой, или подъ порогомъ, что сближаетъ ихъ съ онгонами, которые помѣщаются или противъ двери, такъ сказать въ переднемъ углу, откуда у буддистовъ ихъ вытѣсняетъ божница съ буддійскими иконами и статуэтками или около дверей; у иныхъ на подпорѣ, которая стоитъ между очагомъ и кроватью ¹⁾. Нашими мнѣологами указана связь домового съ Громовникомъ ²⁾, но путь, которымъ Гро-

¹⁾ Идея особеннаго значенія этого столба видна и въ томъ, что во время свадебнаго обряда у Аларскихъ Вурятъ однимъ изъ спутниковъ жениха въ этотъ столбъ вонзается стрѣла. У русскихъ крестьянъ въ Алтай связывается что-то особенное съ станикомъ, то-есть, деревяннымъ столбомъ, которымъ начинается деревянная обшивка печи. Во время свадьбы замѣчаютъ, кто сталъ подлѣ станика, потому что только колдунъ становится къ нему.

²⁾ См. *Аванасьева*, Поэт. возвр. Слав. II, 539—541. Лужичане вѣрятъ, что змѣй носится по небу и надъ кѣмъ остановится, тому приноситъ счастье; любинцевъ надѣляетъ золотомъ, являясь черезъ дымовую трубу; онъ охраняетъ зарытыя въ землѣ сокровища. Въ набахъ поселяется за печкой. Чехи говорятъ о богатѣющихъ: у него поселился плевирикъ (огненный змѣй), у Нѣмцевъ чернѣй драконъ носитъ деньги черезъ печныя трубы, у Вѣлоруссовъ цмоукъ. У Чеховъ въ каждой избѣ есть had-hospodarik; когда онъ умираетъ, умираетъ и хозяинъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ говорятъ: Въ каждомъ домѣ живутъ двѣ большія змѣи, окруженныя дѣтенышами. Если убить самца, умретъ хозяинъ, самка — хозяйка. Змѣи эти оберегаютъ домъ отъ всякаго несчастья и заботятся, чтобы все было сохранено. Had-hospodarik живетъ или подъ печкою, или подъ порогомъ избы. У сибирскихъ жителей я записалъ повѣрье: Въ одномъ домѣ жила змѣя, есоеала корову и спала со стрипкой (нѣкоторые онгоны у сибирскихъ шаманистовъ помѣщаются подъ постелью). У хозяйки было три сына. Одинъ изъ нихъ убилъ змѣю. Корова выла, выла и убѣжала, стрипка отошла, скотъ началъ ва-

мовникъ прошелъ подъ печь или подъ порогъ; какъ мнѣ кажется, становится яснымъ только по сравненіи нашихъ повѣрій съ повѣрьями объ онгонахъ, которые и имена носятъ змѣя-громовника и часто состоятъ изъ изображеній змѣй.

Къ повѣрьямъ о домовыхъ принимаютъ повѣрья о злыдняхъ ¹⁾; правда, о злыдняхъ разказывается только какъ о вредныхъ духахъ, которыхъ нужно переловить и запереть, чтобы сдѣлаться богатымъ, но и домовый относится иногда недружелюбно къ семьѣ: то гонить одно изъ домашнихъ животныхъ, то не влюбить хозяйку дома. Въ южно-русской передачѣ о злыдняхъ разказывается, что были два брата или сосѣда, богатый и бѣдный; послѣдній оттого бѣденъ, что у него подъ печью живутъ злыдни; заманивъ ихъ обманомъ въ тавлинку, бѣдникъ запираетъ ихъ, отпосить въ лѣсъ и закладываетъ подъ колоду; послѣ того онъ становится богатъ (подобный разказъ есть о лихорадкѣ). Въ Курской губерніи записанъ разказъ о саранчѣ. Были два брата: одинъ богатый, другой бѣдный; у богатого всегда урожай, у бѣднаго ничего не родится; бѣдный думаетъ, не дѣлаетъ ли чего богатый братъ особеннаго когда сѣетъ, и вотъ онъ рано утромъ, выйдя съ женой идетъ на пашню брата подсмотреть; но братъ уже возвращается домой; видимое дѣло, что онъ вовсе не работалъ на пашнѣ. Но затѣмъ бѣдный братъ видитъ, что звѣрь саранча таскаетъ съ его пашни на пашню богатого брата зерна и сѣетъ ихъ тамъ. Бѣдникъ поймалъ звѣря саранчу и началъ его бить; тогда звѣрь саранча сказалъ ему: Зачѣмъ меня бьешь? Ты поймай своего звѣря саранчу и его побей, тогда и онъ будетъ къ тебѣ таскать зерна на пашню, какъ я таскаю къ твоему брату, и ты будешь богатъ. А гдѣ же мой звѣрь саранча? Тогда звѣрь саранча разказалъ бѣдному дорогу, какъ пройти къ тому мѣсту, гдѣ его звѣрь саранча заложилъ подъ колоду. Бѣдникъ нашелъ его, побилъ и съ тѣхъ поръ сталъ богатымъ ²⁾. Этого звѣря саранчу можно свести съ онгономъ ерень, о которомъ уже было сказано выше. У Алтайцевъ есть сказка

лится, ховяинъ разорился (Записано въ Туранскомъ караулѣ отъ казака Тюменцова).

¹⁾ Это имя напоминаетъ имя одного бурятскаго онгона Сультунъ или Зультунъ, которое я встрѣтилъ въ верхней части долины Иркута. Ср. также Сульдѣ, Сульдѣсь и т. п., имена, встречающіяся въ монгольской мифологіи и въ монгольскихъ сказаніяхъ.

²⁾ Труды Курск. стат. комит. 1863 г., книга I, стр. 541—542.

о Ерень-шешенѣ или Джеренъ-шешенѣ ¹⁾; та же сказка записана Радловымъ и у Киргизъ ²⁾, но у послѣднихъ Джеренъ названъ Джеренше. Хотя эта сказка не относится теперь къ онгону ерень, но имена Ерень, Джеренъ, Джеренше, очевидно, суть только различными произношеніями. Можно предположить, что у одного изъ племенъ, вошедшихъ въ составъ населенія Курской губерніи, былъ онгонъ подъ названіемъ джеренше или саранча; вѣроятно, этимъ именемъ назывался потомъ сверчокъ, который и теперь повсюду считается приносящимъ счастье въ тотъ домъ, гдѣ поселится, и потомъ уже имя саранча перешло на истребителя нивъ. Связь между этимъ насекомымъ, съ одной стороны, и насекомымъ, тоже живущимъ около печи, тараканомъ, замѣчается въ словахъ прусахъ и церковно-славянскомъ пружу. Имя самого таракана напоминаетъ монгольское имя Громовника Тарханъ, съ которымъ въ связи находятся встрѣчаемыя на нашей почвѣ Терюханъ, Громовникъ у Мордвы, Тураханъ, ногайскій ханъ, преданія о которомъ находятся въ связи съ сказаніями о змѣѣ ³⁾, а также Ивашка Таракашка, который добываетъ жену Соломона для царя Василя Окуловича ⁴⁾. Чернымъ тараканамъ также приписывается благотворное вліяніе; случайно замѣтивъ чернаго таракана на полу, хозяйка бережно относитъ его за печь, чтобы кто-нибудь почаяппо не раздавилъ его; гдѣ появились черныя тараканы, въ томъ домѣ будетъ довольство; чернымъ тараканамъ выставляютъ даже пищу, какъ домовому. Тараканы предсказываютъ пожаръ; передъ пожаромъ они удаляются изъ дому. Принесеніе богатства приписывается у насъ и у Киргизъ ласточкамъ; о ласточкѣ говорится: „бабочка подъ домъ носитъ огонь, ласточка воду“ ⁵⁾. Въ Томской губерніи есть такое повѣрье: въ томъ домѣ будутъ счастливы, гдѣ поселится звѣрекъ ласочка (*Mustella vulgaris*; въ нѣкоторыхъ областяхъ ласточка, ластица, что, вѣроятно, правильно). Аясть (южно-русское гайстеръ; сравн. съ обл. Орловск. губ. пастыръ, летучая мышь, см. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., II, 21), устроившій гнѣздо на крышѣ, также почитается добрымъ предзнаменованіемъ, и оставленіе имъ кровли дома предвѣщаетъ по-

¹⁾ *Radlof's Proben*, I, 197.

²⁾ *Proben*, IV, 201.

³⁾ *Древности*, изд. Москов. археолог. общ., II, 46; 51, 53.

⁴⁾ *Рыбниковъ*, II, № 52 и 53.

⁵⁾ *Этногр. Сборн.*, VI: Южн. часть Томской губерніи.

жаръ. На всѣхъ этихъ животныхъ имена перешли, нужно думать, съ домашнихъ фетишей.

У Черногорцевъ домовая называется вѣдосоня (вѣдосопье, вѣдосопе ¹⁾), по-польски дзяды, по-чешски had или šetek, šotek ²⁾), немцемъ, которое напоминаетъ не разъ уже нами упомянутое азиатское имя джетыганъ; мнѣ не удалось однако отыскать въ сѣверной Монголіи онгона съ подобнымъ именемъ; но что онъ былъ нѣкогда, указываютъ разказы Марко Поло и Плато Карпини, изъ которыхъ первый упоминаетъ онгона Натигай, второй—божество Итога. Я нашелъ только у Теленгитовъ на Чуѣ слово натагай, но значеніе его нѣсколько другое, хотя и близкое; такъ зовутъ теперь дѣтскую куклу ³⁾).

Мы показали, что Громовникъ у племенъ сѣверной Монголіи и южной Сибири представлялся покровителемъ дѣтей и дѣторожденія; онъ представлялся также и предкомъ человѣчества, первымъ человѣкомъ. Отъ одного Халхасца мною записанъ слѣдующій разказъ: богатырь Чонунъ-белъ перебилъ весь народъ Мангыса и самого Мангыса убилъ. Отъ побойща осталась одна только женщина Хара-дэвильтей-эмегенъ хонджи-харемъ, то-есть, старуха Хонджи-харемъ въ черной шубѣ. Она сказала себѣ: Весь народъ Мангыса избить; чтѣ я буду дѣлать тутъ одна; пойду искать себѣ мужа. Сѣла на жеребца и поѣхала. На встрѣчу ей старикъ:—Ты куда ѣдешь?—Ищу мужа.—Возьми меня! Старуха спрашиваетъ о величинѣ его мяса и находитъ неудовлетворительной. Далѣе встрѣчается другой старикъ. У этого мясо такъ велико, что онъ можетъ имъ три раза обернуть вершину горы. Эмегенъ приняла старика мужемъ, и у нихъ множество нарождалось народа, такъ что народъ сталъ не помѣщаться на горѣ ⁴⁾. Старики рѣшили

¹⁾ Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдосоня; если человѣкъ умретъ, говорятъ, что его вѣдосонъ убилъ. *Повоеъ, Путешествіе въ Черногорію.*

²⁾ Смотри. *Потебня «О долѣ», Древности, I, 172, Г. Потебня ставитъ рядомъ слово šit, старикъ.*

³⁾ У Аларскихъ и вообще добайкальскихъ Вурятъ есть повѣрья о хатахъ, духахъ. Имъ ежегодно разъ въ лѣто приносятъ жертвы цѣлымъ улусомъ; эти общественныя жертвоприношенія называются таваганамъ; хаты, вѣроятно,—души предковъ или чтѣ, вѣроятно, то же, шамановъ, такъ какъ слово хатъ можно принять за множественное число отъ ханъ, слово, которое, по нашему убѣжденію, есть только версія слова хамъ, шаманъ.

⁴⁾ Ср. сказанія о первой встрѣчѣ предка отца съ праматерью, наприказъ, предка поколѣнія Ельджигеновъ Инсеръ Улюка съ Китайкой Даукой у Рашида-Эддина, Дува Сохора и Алашъ-Хоа во всѣхъ сказаніяхъ о предкахъ Чингисхана, о предкѣ Монгольскаго народа сѣромъ волкѣ и лани, сошедшихся у воды Тэнгисъ.

вывести народъ съ горы. На пути при переселеніи встрѣтилось море; мясо старика послужило мостомъ, по которому и сталъ переходить народъ на другую сторону; въ это время ворона (хире) клюнула мостъ, онъ дрогнулъ, и весь народъ съ моста уналъ въ воду и утонулъ. Тогда старикъ изъ шерсти сдѣлалъ сѣть и началъ ловить людей; отъ тѣхъ, которые были спасены такимъ образомъ, пошло человечество, а отъ тѣхъ, которые утонули, произошла рыба. Старикъ этого сказанія есть Громовникъ; относительно его встаетъ припомнить повѣрье Тарбагатайскихъ Торгоутовъ, что около снѣжной вершины бѣлка Са-

о предкахъ Каданьскаго народа, соединившихся при соединеніи двухъ рѣкъ (*Васильевъ, Ист. о древн. вост. Азіи въ Записк. Имп. Археол. Общ. т. XIII, стр. 173*). Что касается до волака предка, то имя его Бурте-чотоо едва-ли вѣрно переводить «сѣрый волкъ»; Бурте вѣроятно происходитъ отъ татарскаго бурн—волкъ; все сказаніе объ этомъ предкѣ есть вѣроятно сказаніе о бѣлкѣ Мунико-Сардымъ, который носитъ два имени: Шово-нолонъ и Бурентъ-ханъ. Въ Бурентъ-ханъ, какъ уже мы указали, надо видѣть громовника; поэтому почитаетъ волкъ въ качествѣ предка Монгольскаго народа. Въ черно-шубной эмблемѣ можно видѣть медвѣдицу: чмиса—медвѣдь по-тунгусски (*Ostren, Grundlage ein. tung. Sprachlehre*); хамыгмыъ—старуха людоедка въ бурятскихъ сказкахъ. Отсюда вѣроятно происходитъ названіе народа камасинцы, у Кастрена камаме; этотъ корень распространенъ по всей сѣверной Азіи, и слышится въ именахъ то воднаго животнаго, то воднаго чудовища: кама—выдра по-башкирски, вене—выдра по-якутски, хома—выдра по-чуваши. У Айвоуъ камуй—водоходный богъ; у Камчадаловъ камухи, камули камульчъ—горные духи, водчивые громовнику (*Крем. Описаніе Камч. II, 74*); по чувотси каматъ—богъ; кам' ам-рыт-тмъ—камонтонъ камтъ (*Сообщ. г. Норд-кинетъ*). Многія воды въ Монголіи носятъ имя Емилъ или Ибинъ или Ханъ; въ нихъ можно видѣть тотъ же корень; здѣсь, можетъ быть, имъ имѣетъ случай отождествленія въ представленіяхъ дикаря среды съ ея обитателями, о чемъ мы скажемъ въ послѣдствіи; имя озера Косоголъ, лежащаго у подошвы Мунико-Сардыма, Халхасцы произносятъ Хубеу-гулъ; хубсу, можетъ быть, было названіе выдры, нмъъ сужь по-халхаски, хонъ по-бурятски; Косоголъ Урахайцы называютъ Эджъ, что по-монгольски значитъ мать; но имѣетъ ли это на воду, какъ на женскій элементъ, въ противоположность которому представительнъ мужскаго начала являлся бѣлокъ Бурентъ-ханъ, или вѣрнѣе, медвѣдь-громовникъ. У Урахайцевъ на Хуа-Ханъ есть такое сказаніе, представляющее медвѣдѣ и рыбу извѣсть, какъ семейную чету. Сказаніе о женствѣ эмблемъ и все сказанное по поводу его сравн. съ классическими сказаніями о кавказскихъ амазонкахъ, которыми сходились на два вѣка съ мужичьями пологатій *Gellae et Ligues* у рѣки Термодонъ; въ оставшее время онъ илии безъ мужичья. На Кавказѣ до настоящаго времени сохранилось преданіе о воинственныхъ амазонкахъ, по-черкесски Эниетъ, которыя не допускали въ свое общество мужичья (*Сб. свѣд. о кавказскихъ горцахъ. т. X, стр. 515*); у Балкарцевъ же (на Кавказѣ) подъ именемъ Эниетъ известна людоедка, какъ и у Бурятъ (*Матер. для опис. нѣст. и племен. Кавк., в. 1, стр. 8*).

уръ или Мустау лежить, обернувшись кольцомъ, змѣй. О богѣ Очирвани Халхасцы разказываютъ, что онъ вытащилъ Лосунай-хана изъ моря, обернулъ вокругъ вершины горы три раза и голову его придавилъ камнемъ. Этихъ монгольскихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для поддержки предположенія, что подъ старикомъ, родоначальникомъ Монголовъ, подразумѣвается Громовникъ. Предкомъ нѣкоторыхъ племенъ Громовника называютъ сами преданія, или на то намекаютъ обычаи, соблюдаемые во время грома ¹⁾; у другихъ память о предкѣ-громовникѣ хранятъ только ихъ имена зоомнеологическія. Меркиты, поколѣніе Тарбагатайскихъ Торгоутовъ, во время грозы кричатъ: я мѣркитъ! я мѣркитъ! Это напоминаетъ обычай Терюхановъ (поколѣніе Мордвы) кричать во время грозы: легче, ты чай нашъ! при этомъ Терюханы думаютъ, что Громовникъ Терюханъ во время грозы похищаетъ дѣвицу. Одинъ халхаскій родъ Тодынъ кричитъ во время грозы: Тодынъ! Тодынъ! то-есть, надо думать, имъ своего предка. Дюрбюты предкомъ своихъ князей, нужно понимать предкомъ народа или первымъ человекомъ, считаютъ Одунъ-Бодуна, который былъ найденъ подъ деревомъ; птица уйлъ (ночной хищникъ) сидѣла на деревѣ и своимъ крикомъ убаюкивала ребенка, а дерево опускало свои вѣтви въ ротъ ребенка и кормило его. Въ катонской редакціи ²⁾ этого сказанія дерево, кормившее найденныша, названо Орѣнъ; по записаннымъ мною разказамъ дерево Орѣнъ-ганцхынъ-модон (то-есть одинокое дерево Орѣнъ) находится на западѣ; оно такъ велико, что тѣнь отъ него сходитъ только въ полдень; изъ одного его листа можетъ выдти на шесть юртъ внѣшнихъ покрышекъ; оно находится такъ далеко, что до него еще никто не доходилъ. Очевидно, что подъ этимъ именемъ разумѣется то древообразное расположеніе перистыхъ облаковъ, которое по нѣмцамъ называется Wetterbaum или Windbaum; по народному повѣрью, оно всегда предвѣщаетъ бѣдѣ, и дѣйствительно бываетъ обращено основаніемъ на западъ, а вершиной на востокъ. Это указываетъ, что Одунъ-Бодунъ есть Громовникъ; да и полное его имя Одунъ-Бодунъ Хурмустенъ-ханъ Тэнгри-Ху заключаетъ въ себѣ члены, которые способны поддержать это предположеніе; и Хурмустенъ-ханъ, и Тэнгри-ху, какъ мы старались показать, суть имена Громовника. Тотъ же разказъ о найденнышѣ прилагается Халхасцами къ предку халхаскихъ князей Чингисъ-хану; мною записанъ

¹⁾ См. Очерки сѣверо-западной Монголіи, II, 44.

²⁾ Очерк. с.-в. Монгол., II, 162.

разказъ, что онъ найденъ подъ деревомъ и вскормленъ волчицею, но о птицѣ разказчикъ не упомянулъ; что есть, однако, варианты о Чингисѣ съ птицей, на это указываетъ одно мѣсто, въ путешествіи Тимковскаго ¹⁾, гдѣ этотъ путешественникъ разказываетъ, будто имя Чингису дано было по крику птицы, пролетавшей мимо надъ новорожденнымъ ребенкомъ ²⁾. Мы уже говорили, что подъ Чингисъ-ханомъ слѣдуетъ разумѣть Громовника.

Буряты Аларскаго и Тункинскаго вѣдомства родоначальникомъ своимъ считаютъ Буха-ноина, который подъ видомъ быка спустился на землю. По одному варианту, этотъ небесный быкъ ходилъ ночью въ царской дочери, отчего она и родила мальчика; по другому варианту, родоначальникъ Бурятскаго народа былъ зачатъ царской дочерью оттого, что ей попалъ въ ротъ снѣгъ, когда она шла по слѣдамъ небеснаго быка, желая его видѣть. Разказываютъ, что гдѣ прошелъ Буха-ноинъ, тамъ остался слѣдъ въ видѣ полосы кедроваго лѣса; о такой же дорогѣ разказываютъ Урянхайцы на Хуа-хемѣ, приписывая ее Чингисъ-хану ³⁾. По одному варианту, Буха-ноинъ былъ сынъ Хуху-мунгуль-тэнгри и пасъ скотъ у Исыги-малан-тэнгри; жену его этотъ вариантъ называетъ Бодунъ-хатунъ. По другому варианту, Буха-ноинъ былъ сынъ неба; отца его звали Эцеге-малан-тэнгри, мать Эхе-Орѣпъ. Въ призываніяхъ же онъ упоминается въ такихъ выраженіяхъ:

1) Буха-ноинъ-баабэй, Юрюнъ-хатынъ-эджи! то-есть, Буха-ноинъ отецъ, Юрюнъ-хатынъ мать.

2) Буха-ноинъ баабай, Бодунъ-хатунъ-ибй!

3) Есеге, есеге Малан-тэнгри, еке, еке, Юрген-тэнгри! то-есть, отецъ, отецъ, Маланъ-тэнгри, мать, мать Юргенъ-тэнгри! ⁴⁾.

Бодунъ-хатунъ бурятскихъ сказаній есть, разумѣется, то же самое что Одунъ-Бодунъ дюрбютскихъ, но здѣсь оно превратилось въ мать.

Слѣды сказанія о происхожденіи отъ снѣжины извѣстны и въ нашихъ русскихъ сказаніяхъ; когда забеременѣетъ дѣвушка, объ этомъ шутя говорятъ: „снѣжина попала“. Снѣгъ, падающій въ день вѣн-

¹⁾ Часть I, стр. 169,

²⁾ См. также Шмидта, Geschichte d. Ost-Mong., 71.

³⁾ Въ Алтаѣ въ одномъ мѣстѣ слѣды ступней (около китайскаго караула Суокъ), а въ другомъ слѣдъ отъ сидѣнія на скалѣ (на Катунѣ) приписываютъ Сартактаю.

⁴⁾ Oastren, Versch. e. burjät. Sprachlehre, 236.

чанья, судить молодымъ счастье ¹⁾. Въ Украинѣ есть преданіе, что дѣвушка, возвращаясь съ поля, захотѣла пить, увидала двѣ ступни, наполненныя водой, и напившись забеременѣла; были эти ступни божіи ²⁾. У Алтайцевъ поколѣніе Мундусъ ведетъ себя отъ матери, проглотившей градину, почему объ этомъ поколѣніи говорится присказка:

Мус пырчатая жарылган
Музыган кааннын јесні,

то-есть: рожденный отъ градины (буквально отъ ледяной горошины) потомокъ (буквально племянникъ) Музыганъ-хана. Музыганъ-ханъ отъ слова мус, ледъ, есть конечно спѣшный бѣлокъ; теперешніе мундусы имя свое производятъ отъ слова ледъ, думая, что мундусъ есть испорченное мус; по вѣроятію же, что мундусъ есть съ другимъ только окончаніемъ монгольское мундуръ, градъ, и что прежде оно означало всю совокупность грозовыхъ явленій то-есть, Громовника. Воспоминаніе о томъ же сохранилось въ поговоркѣ Казанскихъ Татаръ, которая говорится, когда снѣгъ идетъ большими хлопьями, будто совинныя перья (сова—япалакъ) сыплется: япалакъ, япалакъ кар джауады или полнѣе въ киргизской редакціи: джабалак, джабалак, кар джауады, джаманъ-хатунъ кыз табады, то-есть, какъ сова (буквально: сова! сова!) снѣгъ идетъ, худая жена дѣвицу родить. Въ этой поговоркѣ слово „джаманъ-хатунъ“, худая жена, есть вѣроятно искаженное „хатунъ-ибн“ призванія, приведеннаго нами выше подъ № 2-мъ; ибн тутъ значить мать, оно произносится у Урянхайцевъ эмъ.

Монгольское племя Хото-гайту называетъ своимъ предкомъ Иринъ-Сайнъ-мергена. Объ Иринъ-сайнъ-мергенѣ есть былины у дюрбютовъ, алтайцевъ и халхасцевъ ³⁾; дюрбютскій Иринъ-сайнъ родился съ комкомъ крови въ правой рукѣ, какъ Чингисъ-ханъ, и еще въ пеленкахъ, укуснвъ, убиваетъ алмыса (дѣвола), подобно монгольскому Гесеръ-хану и индѣйскому Кришнѣ; онъ одинъ изъ трехъ сыновей неба Хурмустенъ-хапа. По алтайскому варианту, онъ родится отъ жены старика Улакчина, въ халхасскихъ отъ жены старика Елисына (очевидно испорченное изъ Улакчина); улакчинъ по монгольски—волчица. Алтайскій Иринъ-шайнъ добываетъ отъ Ерлика джиракы, то-

¹⁾ *Аванасевъ*, Поэт. возр. I, 240.

²⁾ *Ibid.* I, 689.

³⁾ Дюрбютскій вариантъ напечатанъ въ *Изв. Гос.р. Общ.* 1880 г. вып. II, стр. 172.

есть снарядъ для винокурения. Все это указываетъ на громовническую природу этого лица. Имя его напоминаетъ членомъ сайнъ тунгусское дзаниъ, медвѣдь; другимъ Принъ напоминаетъ Юрюнь-хатунъ бурятскаго призванія, приведеннаго нами выше подъ № 1, а также эхе Ёронъ, въ переводѣ мать Ерень; такъ называлась мать Буха-нонна, предка Бурятовъ. Это же имя носить и дерево, которое кормило перваго человѣка хотонскаго преданія; оно встрѣчается также въ имени верховнаго божества у Якутовъ: Ан-юрюнь-тоень, который, если судить по тому, что ему дѣлаютъ возліяніи молокомъ, есть Громовникъ. По урянхійски, какъ мы видѣли, ерень означаетъ то же, что по монгольски онгопъ; этимъ же именемъ называется шаманскій плащъ; да, кажется, оно принимается и въ смыслѣ самаго шамана; по крайней мѣрѣ, одинъ Теленгитъ на Чуѣ, на мой вопросъ, что такое ерень? отвѣчалъ: шаманъ ¹⁾. Что оно имѣетъ послѣднее значеніе, подтверждается тѣмъ, что у Дархатовъ шаманъ называется дзаренъ или дзайренъ. Полагаемъ, что всѣ эти имена „Орѣнь-модонъ, Ёрѣнь-хотунъ, Юрюнь-тѣень, ерень, дзайренъ, Принъ-сайнъ, Джеренъ-шешень и Джеренше-шешень суть только разныя варіаціи одного и того же имени и придавались прежде Громовнику.

Имя Семизвѣздицы, Итыганъ, представленія о которой были въ связи съ представленіями о Громовникѣ, слышится во многихъ именахъ предковъ. Ногайская орда, кочевавшая въ восточной части Европейской Россіи, производила свой родъ отъ трехъ сыновей Едигея; Дикомкаменные Киргизы своимъ предкомъ считаютъ Атагаю; Кундровскіе Татары Идыге; Хангинъ, одинъ изъ бурятскихъ родовъ, Одоюго-бо ¹⁾;

¹⁾ Вѣроятно, у Теленгитовъ ерень означаетъ не простаго шамана, а искуснаго, въ родѣ Бурятскаго абтая.

²⁾ Это былъ шаманъ, на что указываетъ слово бо; онъ изловилъ одну изъ трехъ дѣвъ, которыя прилетали на озеро купаться подъ видомъ лебедей, и обратилъ ее въ свою жену; варианты этого сказанія можно найти въ черемисскихъ (Золотницкій, Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ, стр. 18), болгарскихъ (Изв. Общ. любит. естествознан. въ Москвѣ, т. XIII, в. 1, ст. Верковича: Описан. быта болг., стр. 17—18) и вендскихъ сказкахъ, гдѣ шаманъ превратился въ барабанщика или Grommelschläger'a (Veckenstedt, Wendische Sagen, 188. Graz, с. 120); г. Повдѣевъ записалъ у Вурятъ другой вариантъ этого сказанія, въ которомъ похититель дѣвы-лебеда называется Харидай (Повдѣевъ, Образцы народ. литт. монгольск. яз., стр. 265); у Якутовъ говорится, что ихъ верховный Богъ Аръ-тосиъ имѣлъ жену Хубай-Хатунъ (по якутск. хуба, лебедь), которая являлась предкамъ въ видѣ лебеда (Золотницкій, Чувашск. слов. с. 149); ср. съ Иба-Хотунъ приведеннаго выше бурятскаго призванія къ Буха-нонну.

Рашидъ-Эдинъ ¹⁾ предка Ойратовъ называетъ Хутука-беки, а общимъ предкомъ пяти племенъ: Хонкиратовъ, Икирасовъ, Олхунутовъ, Харанутовъ и Хунглиутовъ—Алтаъ-Ходого, что, конечно, очень неудачно онъ переводитъ словами золотой горшокъ. Что Семизвъздица участвовала въ образованіи сказанія о началѣ человѣчества, показываетъ якутское сказаніе о первомъ человѣкѣ, по которому Богъ первоначально слѣпилъ изъ глины семь статуй и потомъ вдохнулъ въ нихъ жизнь ²⁾.

Кастренъ въ своихъ „Vorlesungen über die Finnische Mythologie“ доказалъ, что финскій Юмла первоначально было именемъ Громовника или неба Громовника; онъ сближаетъ его съ эстонскимъ jummal, божество, съ черемисскимъ Юмо, богъ, съ зырянскимъ jep, съ самоѣдскимъ Нумъ, то же самое. У Камасинцевъ нумъ просто означаетъ грозовое явленіе, которое они и почитаютъ, какъ божество. Этотъ финскій Громовникъ также почитался родоначальникомъ человѣчества; Кастренъ приводитъ изъ Шеффера заимствованное отъ Торнеуса преданіе, что Iumi или Iumo былъ человѣкъ; это былъ предокъ Лапландцевъ и Финновъ (стр. 11). Въ сѣверной Россіи существовало финское племя, извѣстное русскимъ лѣтописямъ подъ именами Ямъ, Ёмъ, Емъ, Имъ; Шегренъ сближаетъ это имя съ живущими доселѣ въ Финляндіи Нәме или Нәтеһ, а также съ племенемъ Гамъ, которое жило по мѣстному преданію при устьѣ Вычегды; то же имя онъ видитъ въ сохранившихся доселѣ фамиліяхъ крестьянъ: Гамовы, Гановы, въ названіи рѣки Вымъ, которая по зырянски называется Емъ, и въ названіи племени Гамаль чусовая, которое обитало въ Пермской губерніи ³⁾. Такимъ образомъ мы получаемъ варіаціи: ямъ, емъ, нәте, вымъ, гамъ, гапъ, гамаль, которыя напоминаютъ видоизмѣненія сибирско-татарскаго слова камъ, гамъ или хамъ, то-есть шаманъ ⁴⁾. Что это слово можетъ принимать формы близкія къ приведенному имени древне-финскаго поколѣнія, показываетъ чувашское названіе шамана: Ёмзя, которое сведено г. Зо-

¹⁾ Зап. Имп. Арагол. Общ., XIV, 154.

²⁾ Миддендорфъ, Sibirische Reise, B. IV. Th. 2, стр. 1602.

³⁾ Имя Nämö Шегренъ производитъ отъ лопарскаго heibma, наба; Лербергъ отъ эстонскаго häm сырой, мокрый. По нашему мнѣнію, вѣроятнѣе искать начала этого имени въ мифологическихъ представленіяхъ о Громовникѣ и въ его именахъ.

⁴⁾ Названіе енискаго племени Нәтѣ, Гамъ, Гамаль такимъ образомъ соответствуетъ именамъ сибирскихъ племенъ: татарскаго въ Кузнецк. округѣ Томск. губ. камлар—буквально шаманы, и енискаго въ Енисейской губерніи—хамнаше.

лотничкимъ съ алтайскимъ камъ: окончаніе за соотвѣтствуетъ татарскому чи и встрѣчается въ другихъ словахъ, означающихъ лицо, чѣмъ-нибудь занимающееся ¹⁾; такимъ образомъ алтайскому камъ или гамъ будетъ соотвѣтствовать въ чувашскомъ йом; измѣненіе это основано на свойствѣ чувашскаго языка виѣсто : ставить й, примѣры чего приведены г. Золотничкимъ на указанной страницѣ. Замѣчательно, что въ названіяхъ частныхъ божествъ у разныхъ отдѣловъ черемисскаго народа „юмо“ произносится различно; такъ напримѣръ, богъ-солнце у луговыхъ Черемисъ—кече-он, у вятскихъ кече-юмо; богъ луна у первыхъ тильзэ-он, у вятскихъ тильзэ-юмо; богъ зѣвадь: у луговыхъ Шидур-он, у горныхъ Шидыр-хан, вятск. Шудурь-юмо. Видоизмѣненія, которымъ подвергается второй членъ имени: юмо, он, хан, напоминаютъ тѣ, которыя приведены нами выше и поддерживаютъ предположеніе Кастрена, что зырянское јен Богъ есть финское Юмала. Двѣ послѣднія версіи: онъ и ханъ Золотничкій переводить — царь; таково ихъ нынѣшнее значеніе, по первоначально эти слова, вѣроятно, также означали Громовника, какъ юмо и какъ, надо полагать, также слово камъ. Что камъ или (по урянхайскому произношенію) хамъ, то-есть, шаманъ могло означать Громовника, послѣ всего нами сказаннаго о родствѣ шаманства съ культомъ Громовника, легко допускается. Громовникъ представлялся, какъ мы видѣли, въ видѣ могущественнаго древняго шамана; онъ, по одному преданію, носилъ имя Абысь (этому абысь соотвѣтствуетъ другое произношеніе чувашскаго имени шамана: йомысь); имя это впоследствии, какъ мы видѣли, сдѣлалось нарицательнымъ и теперь означаетъ просто духовное лицо; такимъ же образомъ другое имя громовника: тарханъ стало нарицательнымъ и означаетъ кузнецъ, мастеръ. Въ этомъ же родѣ и имя хамъ могло означать сначала громовника, а потомъ обратилось въ нарицательное: шаманъ. На языкѣ Енисейскихъ Остяковъ и Коттовъ слово хамъ имѣетъ слѣдующія значенія: хам, кам, kām, у Остяковъ, хет, кем, у Коттовъ—стрѣла; ам, хām у Остяковъ, āma у Коттовъ—мать; хām у Остяковъ—старуха. Стрѣла на монгольскихъ нарѣчіяхъ, какъ мы видѣли, представляетъ версіи: сумин, суму, хомо; ср. сомо, тряпочки у телеутовъ, обозначающія змѣй; для обозначенія шамана служатъ слова: камъ или гамъ по-алтайски, хамъ по-урянхайски и койбальски, саманъ, һамап по-

¹⁾ Корн. Чув. словарь, 163.

тунгусски; къ этимъ формамъ слѣдуетъ еще прибавить рѣченія, употребляемыя для обозначенія рѣки: кем, хем у Урянхайцевъ, гем, гом, кумын въ сложныхъ собственныхъ рѣчныхъ именахъ въ Алтай ¹⁾. Эти примѣры показываютъ, что отъ корня хам, гом, кум происходятъ слова все такія, связь которыхъ съ идеей о Громовникѣ прямо бросается въ глаза: горный потокъ или рѣка, шаманъ, стрѣла, мать (то-есть, родоначальница), тряпочки, изображающія змѣй, наконецъ—царь и богъ. У Финскихъ племенъ Европы мы видѣли, какъ юмо замѣняется формами: енъ—у Зырянъ въ смыслѣ бога, и онъ и ханъ у Черемисовъ въ смыслѣ бога и царя. То же мы находимъ и въ южной Сибири, гдѣ мы встрѣчаемъ имена Азыр-гамъ и Гессеръ-ханъ, легенды о которыхъ позволяютъ видѣть въ этихъ именахъ только варіаціи. Что ханъ и хамъ могли быть прежде родственныя понятія, это не можетъ возбуждать возраженія: на порѣ первой закладки общественнаго быта старѣйшина и жрецъ были одно лицо; покойный сипологъ о. Палладій указывалъ, что слово бо у Китайцевъ въ древности обозначало равно и старѣйшину, и шамана ²⁾. Замѣчательно, что обрядъ посвященія шамана у Аларскихъ Бурятъ напоминаетъ возведеніе въ ханское достоинство: посвящаемого шамана поднимаютъ на войлокѣ. Приведенные нами факты говорятъ достаточно въ пользу того, что слово шаманъ или саманъ, какъ его произносятъ Тунгусы, глубоко коренится въ почвѣ мифологическихъ представленій сѣверной Азіи, и потому нѣтъ надобности искать для него южной родины и сближать съ санскритскимъ śāman ³⁾.

¹⁾ Ср. русское кумъ. У Бурятъ существуетъ обычай къ новорожденному приглашать шамана; черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія, къ одному изъ шамановъ родители ребенка посылаютъ блюдо съ вареной бараниной; это значитъ, что онъ приглашается въ друзья дома, въ «найджн». Съ этихъ поръ, какъ только заболѣетъ ребенокъ, идутъ за шаманомъ, и онъ долженъ явиться съ нимъ, лѣчить заговорами, просяживать съ ребенкомъ ночи и не оставлять домъ, пока больной не успокоится.

²⁾ Труд. Пек. мисс., IV, 228.

³⁾ Между этими рѣченіями нѣтъ, однако, ни одного, кромѣ тунгусскаго amiku, которое придавалось бы медвѣдю, чего слѣдовало бы однако ожидать по связи представленій о Громовникѣ и медвѣдѣ; за то для выдры мы встрѣчаемъ много именъ этого корня. Подобное же наименованіе встрѣчается и для свиньи: кабанъ, кабанъ, по урянхайски; мы выше уже сдѣлали предположеніе, что монгольское или свиньи кахай могло быть первоначально именемъ медвѣдя; другое татарское названіе свиньи чушкѣ можно также сближать съ именами хищниковъ, именно съ татарскими шашко, норка, тунгусскими гушко, волкъ; по тунгуски медвѣдь

Приводимъ рѣченія сибирскихъ языковъ, обозначающія мать; самоѣды *āmā*, *ēme*, *name*; Остяко-Самоѣды: *āwue*, *ēm*; Остяки: *au*, *anga*, *ange*, *anki*, ласкательное *imili*; Юраки: *nebea*, *niebea*; Карагасы: *aba*; Енисейскіе Остяки: *am*, *xām*; Котоны: *āma*; Чуваши: *аниэ*, *аба*, *абай*, *аньу*, *абу*, *аму*; Киргизы: *ана*, *апа*, *эпэ*; Венгерцы: *анья*; Алтайцы, Башкиры: *ене*; Казанскіе Вотяки: *анай*; Черемисы *аба*; горные Черемисы *авā*; Мордва *авāй*, *авай*; Буряты *ebā*, *ibi*; при жизни бабушки *абагай*; Тунгусы *ипā*, *апā*; Сойоты и Урянхайцы: *сби*, *емь*, *евь*; финск. и эстонск. *emā*.

Отецъ: Тазовскіе Самоѣды *ара*; Комасинцы: *ава*, *ава*; Койбалы, Сойоты: *аба*; Качинскіе Татары и Карагасы: *baβa*; Алтайцы: *аба*; Монголы: *ава*, *аба*; Тунгусы: *ама*, *амā*, *амі*, *амā*; Енисейскіе Остяки: *ур*, *уор*, Котоны: *ор*.

Женщина вообще: Буряты Нижнеудинскіе: *еме*; Койбалы: *inei*, *ēnei*; Остяки *іма*; венгерск. *еме*; Енисейскіе Остяки: *xim*, *kim*, *kēm*; Халхасцы: *абагай*.

Старуха: алт. *еменен*; Буряты: *hamagan*, *samagan*; Енисейскіе Остяки: *ham*, *βagam*.

Старикъ: алт. *абышка*, *абтіякъ*, *обогонъ*; бурят. *öbugöng*; койбалск. *апчак*, *апшак* (ср. *аптах*, якутск. *шаманъ*); чувашск. *опышка*.

Бабушка: остяц. *анкапкі*; татар. *абя*; якут. *абā*; мордов. *бабай*; горныхъ Черем. *папа*; алт. *енен*; чуваш. *абай*; кондом. Татаръ: *улу іjem* (большая мать), енисейск. Остяки *ximā*, *xima*; котов. *xima*.

Дѣдъ: Казанск. Татары, Вотяки: *бабай*; алт. *абаш*; уйгур. *абуга*; бурят. *убугу*, Енисейск. Ост. *xip*, *xip*, *kir*, *kir*; Котоны: *hipa*.

Дядя: бурят. *абага*. Предокъ: чувашск. *пабай*.

Не будетъ ли въ этомъ ряду рѣченій самою древнею формою остяцкое *anga*, *ange*, *anki* ¹⁾, отъ котораго пошли: 1) чрезъ выпаденіе носоваго *n*: гадательное *ага*, и отъ него формы: *эге*, якутское

между прочимъ называется *usikan* и *ehoko* (*h* въ тунгусскомъ часто ставится вместо шипящей; такъ русское *мѣшокъ* Тунгусы произносятъ *мѣхокъ*). Сравн. ирское названіе медвѣдя: *math-gamhan*, *math-ghamhuin* или *gabhuin* (*Pictet, Origines indo-europeennes*, II, 429).

¹⁾ Мы ввели въ этотъ списокъ остяцкія формы затѣмъ, чтобы вызвать отвѣтъ у знатоковъ дѣла: можно ли отнести ее къ формѣ хонгра-шамгра—тюнгре, у которой въ этомъ случаѣ отпало окончаніе *pa-re*, примѣры чего указаны въ началѣ статьи?

дѣдъ, еке, еджъ монгольское мать, шеше, чече киргизск. мать, ѣа остяцкое мать; ага кирг., аха монгольск. старшій братъ; 2) черезъ выпаденіе посового *и* или *к*: ана, ене; ама, еме, емъ, хим; аба, ава, еби, евъ, хип, оп, баба, папа и т. д.? Въ рамкахъ этихъ послѣднихъ видоизмѣненій мы можемъ найти синонимы многихъ терминовъ, относящихся къ сферѣ идей о Громовникѣ; напримѣръ, имена для обозначенія шамана: кам, хам, һамап, саман; лапландское кебунъ. Водные потоки: хем, гем, гом; якут. ѡбѣ. Названія стрѣлы: хохо, сумын, хам и пр.; монгольское помунъ—лучъ стрѣльный. Названія Громовника: самоѣдск. Нумъ, Номъ, Нуиъ, Ломъ ¹⁾; монгол. Ерлентъ-Номонтъ-ханъ.

Вѣроятно, названіе горы Абыганъ, находящейся въ вершинахъ рѣки Абаканъ, да и названіе самой этой рѣки, — имена Громовника; гора Абыганъ очень популярна въ сказаніяхъ Алтайцевъ и Черневыхъ Татаръ, о ней существуютъ особыя легенды, она считается священной. Отсюда же, вѣроятно, происходитъ халхасское названіе хорька: умухи. Первоначально это было, вѣроятно, именемъ медвѣдя и Громовника (ср. тунгусское аміки — медвѣдь); потомъ оно перешло на хорька, а у Тунгусовъ на летягу: омкя ²⁾, омики, имки ³⁾. Этимъ же слѣдуетъ объяснить появленіе этой формы въ легендахъ, какъ напримѣръ, Умухэй ⁴⁾. Значеніе же вопиющей эта форма: умухи по-халхасски, имухэй по-бурятски получила, надо думать, уже позднѣе, когда это имя утвердилось за хорькомъ ⁵⁾.

Если Громовникъ или медвѣдь-Громовникъ почитался отцомъ че-

¹⁾ *Castren*, Wörterverb. d. Samoje d. Spr., 229.

²⁾ *Маакъ*, Путеш. по дол. р. Уссури, I, 121.

³⁾ *Шифнеръ* въ *Mélanges asiat.* VIII, 1877 г. с. 367.

⁴⁾ *Позднинецъ*, Образцы нар. лит., стр. 190.

⁵⁾ За подобное происхожденіе прилагательнаго вопиющей говорятъ слѣдующіе факты: По алтайски вопиющей джиды, по урянхайски джидекъ, по алтайски джидасъ или просто джиды, суслякъ; по урянхайски джидекъ гарса, хорекъ; но корень этого названія можно видѣть въ монгольскомъ названіи медвѣдя: утыганъ или утыг; съ этимъ окончаніемъ эта форма въ значеніи вопиющей является у Якутовъ: сытыган (*Böhtling's Wörterbuch*). Цэрумъ по халхасски суслякъ; въ остяцкомъ чурум, летига (*Castren*, Vers. e. ostjak. Spr. 110); въ урянхайскомъ торумъ, медвѣженокъ; въ значеніи вопиющаго это слово является у Чувашъ: соурумъ — (Золоти. Чув. Слов. с. 77). По киргизски вопиющей: сасыкъ; хорекъ-сасыкъ вузень; но сасыкъ есть по всей вѣроятности полногласная форма отъ шашке — киргизск. норка, зовка, чушко — свишня по чувашски и тат., гупшко волкъ по тунгусски.

ловѣчества или предкомъ отдѣльнаго племени ¹⁾, то ничего не будетъ страннаго, если мы будемъ искать въ именахъ племенъ имени Громовника; племена носятъ имена своихъ предковъ; такъ говорятъ бурятскія, киргизскія, алтайскія и самоѣдскія преданія. Первая и единственная доселѣ попытка этимологіи племенныхъ именъ сдѣлана г. Березиннымъ въ его примѣчаніяхъ къ переводу Рашидъ-Эддина ²⁾, попытка, за малыми исключеніями, неудачная вслѣдствіе того, что ученый ориенталистъ совсѣмъ не имѣлъ подъ рукой народныхъ сказаній, въ соединеніи съ которыми только и можно пользоваться въ этомъ случаѣ филологическимъ запасомъ; одинъ же послѣдній можетъ вести къ курьезнымъ сближеніямъ. Способъ, употребленный г. Березиннымъ, заключался въ томъ, что, встрѣтивъ въ текстѣ собственное имя, авторъ подыскивалъ въ словаряхъ татарскомъ, монгольскомъ и манджурскомъ созвучное слово, и если оно соответствовало правиламъ передачи восточно-азиатскихъ языковъ персидскимъ письмомъ, онъ признавалъ его подходящимъ къ дѣлу. Изрѣдка автору помогали толкованія или намеки самого Рашидъ-Эддина; намеки же эти, вѣроятно, суть ничто иное, какъ собственные домыслы тѣхъ стариковъ, которые передавали ему преданія, домыслы, какіе и теперь можно слышать во множествѣ и отъ Киргизовъ, и отъ Алтайцевъ, и отъ Монголовъ, и которые слѣдуетъ имѣть въ виду, но не принимать за чистую монету.

Рациональнѣе для этой цѣли принять такой способъ: Исходя изъ воззрѣнія, что Громовникъ считался первымъ человѣкомъ, слѣдуетъ ограничиться только тѣмъ тѣснымъ кругомъ понятій и тѣмъ немногимъ количествомъ словъ, которыя находятся въ соприкосновеніи съ идеями о Громовникѣ. Эта терминологія охватываетъ:

I) слова, обозначающія понятие среды: 1) небо, напримѣръ тэн-

¹⁾ Урянхайцы, иди промышлять медвѣдя, но употребляютъ его изстоящаго имени, а называютъ его кара джиге; убсинскіе Котоны зовутъ безымянный палецъ уру чиме; тотъ же палецъ на разныхъ нарѣчіяхъ Урянхайцевъ называется уашъ адже, оба шеше и т. п., гдѣ второй членъ постоянно означаетъ мать. Въ обыкновенномъ разговорѣ безымянный палецъ называется, какъ и у насъ, безымяннымъ у Татаръ, Киргизъ, Монголовъ и Урянхайцевъ. Не находится ли это обстоятельство въ связи съ правиломъ не называть настоящимъ именемъ предметъ, внушающій страхъ, какъ напримѣръ, медвѣдя? Приведенныя выше сравненія показываютъ, что «джиге» означаетъ мать, а не «вещь», какъ слѣдуетъ изъ прямого смысла.

²⁾ *Зап. Имн. Архсол. Общ.*, XIV.

гри, 2) высокая гора (хаирханъ, адьету, джайкту); 3) лѣсъ, какъ среда, въ которой живетъ медвѣдь; на общность именъ медвѣдя и лѣса намѣчаютъ повѣрья Олонецкой губерніи, гдѣ лѣсной духъ, лѣшій называется просто „лѣсъ“; другое имя лѣса, урманъ, напоминаетъ съ одной стороны монгольскія звѣринныя имена херминъ, бѣлка, цзурминъ—сусликъ, съ другой имена родственныя названію монгольскаго Громовника Хурмусту; финское *melzo*—лѣсъ, *Metzolainen*—герой лѣсовникъ; ср. монгольск. мадзалай, медвѣдь; 4) вода: на многихъ языкахъ замѣчается связь этого слова съ именемъ выдры ¹⁾.

II) названія звѣздъ, созвѣздій (напримѣръ, Семиззвѣздицы) и вообще небесныхъ свѣтилъ и небесныхъ явленій (громъ, молнія, градъ, радуга, дождевой ливень и наводненіе, метеоръ, громовая стрѣла въ смыслѣ орудія каменнаго вѣка и проч.).

III) названія звѣрей, птицъ, рыбъ, гадовъ, даже насѣкомыхъ, отчасти также растеній; о связи нѣкоторыхъ названій которыхъ съ идеей Громовника мы скажемъ ниже.

IV) названія чиновъ и титуловъ. Торо или доро, титулъ урянхайскаго князя даиниона; киргиз. слово тюре, господинъ, баринъ; ср. торумъ, небо-громовникъ по остяцки, медвѣженокъ по урянхайски; тере—небо по урянхайски. Тикинъ—князь въ средней Азіи въ древнія времена; ср. тэкэнъ—россомаха по-алтайски. Демичи—чинъ въ Шаньсинскомъ вѣдомствѣ въ Монголіи и у Алтайцевъ; ср. *thamsche*—заяцъ, арипцы; *temtsche*—заяцъ, Котоны ²⁾. Кайраканъ; титулъ у Урянхайцевъ, кайраканъ медвѣдь у нихъ же. Амбанъ, генералъ по монгольск. и манджур.; умбу, царь по чувашски; амб, собака по остяцки, амба тигръ по ходженски, а также дьяволъ ³⁾. Джанки или Дзанги, чинъ у Монголовъ; сэнгэ, ежъ по манджур.; сонго, медвѣдь по ходженски (*ibid.*). Дзасыкъ, князь по монгольски; джасхэ, летучая мышь по урян-

¹⁾ Санскр. *udra*, литов. *udra*, выдра Пикте сводитъ къ корню *ud*, *uda*, откуда санскр. *uda*,—вода; ирское *döbhran*, выдра Пикте сближаетъ съ ирскимъ же *dobhrag*, вода (санскр. *dabhra*, море. Смот. *Pictet*, Orig. inde-europ., II, 443). Ср. также венгер. *tenger*, море, тунгусское *тонгар*, тунгор, озеро (*Mélanges asiat.* VIII, 392) съ котонскимъ *tégär*, *té'är*, енисейскихъ Остяковъ *тар*, выдра (*Castren*, Versuch ein jensis. ost. und kott. Sprachlehre, стр. 249). Эти послѣднія видоизмѣненія интересны тѣмъ, что представляютъ параллельный случай къ образованію одного изъ именъ Громовника: тархан, гдѣ тар, вѣроятно, возникло изъ *tiger*, *téger*, небо на языкѣ Койбаловъ.

²⁾ *Pall*, Zoogr. I, 146.

³⁾ *Маакъ*, Путеш. по Уссури, I, 112.

немъ Громовника Тѣпгри-ханъ и алтайскимъ Кайраканъ, которую мы раньше должны были предбугадывать (кангра-ханъ).

Алтайское слово шангъ, колоколъ, монгольское хонхо, колокольчикъ, показываютъ, что отъ корня хонгро-шангра-тюнгре могли образоваться такіа слова, какъ шанг, хонг, тѣнг. Хонгъ мы встрѣчаемъ, какъ монгольское имя лебедя; тѣнг слышно въ остоякомъ танга (также лянга) бѣлка (въ родствѣ съ которымъ татарскіа: тѣнн, урянх. на Косоголѣ динг, якутск. тигн., карагасск. дѣй) и въ тунгусскихъ итѣнга, волкъ, и дѣньки, соболь (ср. киргизское поколѣніе Итѣнгменъ, по преданію происходящее отъ предка, который за дикость права получилъ прозваніе отъ собаки ¹⁾). Такимъ же родомъ образованы слова: буанг, собака по самоѣдски (другіе передаютъ уанъ), маенг, собака по койбалск.; эти формы какъ будто внушаютъ мысль о существованіи корня бенгре, бангра ²⁾, менгре и проч. Судя по аналогіи съ этими образованиями, можно принять и существованіе формы канг отъ кангра; отсюда имя киргизскаго поколѣнія Канглы, которое Рашидъ-Эддинъ производитъ отъ телеги, а г. Березинъ отъ слова кангъ, означающаго громъ, который, можетъ быть, относился къ телегѣ; какъ Канглы отъ канг, такъ Минглы можно производить отъ менг. Канглы есть та же форма, которую мы видимъ въ алтайскомъ глаголѣ кункельдади, откуда мы выводили чингилъ, хангилъ и проч. Такимъ образомъ, формѣ Минглы будетъ параллельная мингыл. По этому образцу, вѣроятно, образовано имя Монголъ. Корень этого имени мы видимъ и въ словахъ Мунгуш, поколѣніе Урянхайцевъ, Минган—имя злаго существа въ сказаніи объ Любодисатвѣ ³⁾, Мингаты—монгольск. поколѣніе, Мангысь—поколѣніе кемчикскихъ Урянхайцевъ, Мангысь—летучій огненный змѣй въ монгольскихъ сказкахъ, Мангытъ—то же самое въ бурятскихъ ⁴⁾. Монгольскій мангысь имѣетъ вѣсколько головъ, также какъ и алтайскій ельбегень; поэтому въ немъ можно подозрѣвать связь понятій о Громовникѣ съ Семизвѣздицей; что имя кемчикскаго поколѣнія Мангысь и имя этого змѣя—одно и то же, видно изъ того, что обоимъ придается

¹⁾ См. Очерки сѣвероз. Монг., II, 3 и 5.

²⁾ Въ алтайскомъ есть глаголъ баграбъ жат, реветъ (говорится о медвѣдѣ).

³⁾ Изв. Им. Русск. Геогр. Общ., вып. II, с. 172.

⁴⁾ У Енисейскихъ Остяковъ Bangûs, богиня земли (*Castren's Verz. ein. Enisei. ostjak. Sprachlehre*, 235). Мангезу, барезу по монгольски по Радде; мангису, мангисунъ, барезу по манджурски (*Saxarow*, 828, 866).

и у Дюрбютовъ: здѣсь намъ также случалось слышать отзывъ, что между Дархатами (подразумѣвались Дюрбютскіе Дархаты) находится много искусныхъ людей; это показаніе можно, впрочемъ, объяснить собственнымъ домышленіемъ разказчика, такъ какъ слово дарханъ по монгольски значить кузнецъ и вообще художникъ.

Племя Хонкиритъ г. Березинъ производитъ отъ хонкире, воронъ; это справедливо, на сколько воронъ символизируетъ Громовника. Хонкире, нужно думать, было именемъ самаго Громовника. Это имя часто встрѣчается въ алтайскихъ, качинскихъ и монгольскихъ сказаніяхъ; у Качинцевъ птица Канкыри-кушъ ¹⁾ выносить богатыря изъ подземнаго царства ²⁾. Въ алтайскихъ Ханкере-ханъ является въ сказаніи объ Иринъ-Шайнъ; это—женщина, которая въ одно и то же время и ханъ, и шаманъ; Иринъ-Шайнъ получилъ отъ Тойбонъ-хана приказъ привести Ханкере; Иринъ-Шайнъ привозитъ ее къ граицѣ Тойбопова ханства, Ханкере начала бить въ бубенъ; Тойбонъ-ханъ въ своей ставкѣ такъ былъ испуганъ поднявшимся громомъ, что послалъ сказать Иринъ-Шайну, чтобъ онъ отпустилъ Ханкере.

Въ монгольскихъ и алтайскихъ сказаніяхъ встрѣчаемся кромѣ того съ мифическимъ лицомъ Кункеръ-ханъ; это ханъ, живущій на дальнемъ западѣ (откуда обыкновенно Монголія получаетъ грозовые тучи); онъ необыкновенно богатъ, милостыню подаетъ лопатами золота, въ его владѣніяхъ цѣлая золотая гора; въ этомъ образѣ представленія о Громовникѣ начинаютъ смѣшиваться съ представленіями о солнцѣ. Хотоны, живущіе въ Дюрбютскомъ хошунѣ, считаютъ себя и потомками, и поклонниками Кункяръ-хана, принимая за культъ Кункяръ-хана сохранившіеся у нихъ блѣдныя остатки мусульманскаго исповѣданія ³⁾.

Кункеръ-ханъ есть та средняя форма между монгольскимъ име-

¹⁾ У Рашидъ-Эддина (Сборникъ лѣтописей. Ист. Монг., въ *Зап. вост. отд. Арх. Общ.*, ч. XIII, стр. 106) встрѣчается мифическая птица Кунгрулъ; ее никто не видѣлъ, но существованіе ея обнаруживается тѣмъ, что иногда изъ воздушнаго пространства падаетъ на землю сотни двѣ или три убитыхъ птицъ съ оторванными головами, съ поломанными крыльями и ногами; та же птица называлась Тогрулъ. Последнее имя было первоначальнымъ именемъ Ванъ-хана Кирейскаго, современника Чингисхана, что, въ связи съ легендой о Ванѣ, заставляетъ видѣть въ немъ не историческое лицо, а мифическаго Громовника.

²⁾ *Этн. Сборн.*, IV, 108.

³⁾ На Кавказѣ подъ именемъ Кункяръ-хана извѣстенъ турецкій султанъ.

имѣ Громоуника Тэнгри-ханъ и алтайскимъ Кайраканъ, которую мы раньше должны были предъугадывать (кангра-ханъ).

Алтайское слово шангъ, колоколъ, монгольское хонго, колокольчикъ, показываютъ, что отъ корня хонгро-шангра-тэнгре могли образоваться такіа слова, какъ шанг, хонг, тэнг. Хонгъ мы встрѣчаемъ, какъ монгольское, имя лебедя; тэнг слышно въ остаткомъ танга (также лянга) бѣлка (въ родствѣ съ которыми татарскія: тѣни, урянх. на Косоголѣ динг, якутск. тиги., карагасск. дій) и въ тунгусскихъ итенга, волкъ, и деньки, соболь (ср. киргизское поколѣніе Итэнгменъ, по преданію происходящее отъ предка, который за дикость права получилъ прозваніе отъ собаки ¹⁾). Такимъ же родомъ образованы слова: buang, собака по самоѣдски (другіе передаютъ уанъ), маонг, собака по койбалск.; эти формы какъ будто внушаютъ мысль о существованіи корня бэнгре, бангра ²⁾, менгре и проч. Судя по аналогіи съ этими образованиями, можно принять и существованіе формы канг отъ кангра; отсюда имя киргизскаго поколѣнія Кангли, которое Рашидъ-Эддинъ производитъ отъ телеги, а г. Верезинъ отъ слова кангъ, означающаго громъ, который, можетъ быть, относился къ телегѣ; какъ Кангли отъ канг, такъ Мингли можно производить отъ менг. Кангли есть та же форма, которую мы видимъ въ алтайскомъ глаголѣ кункельдадин, откуда мы выводили чингилъ, хангил и проч. Такимъ образомъ, формѣ Мингли будетъ параллельная мингил. По этому образцу, вѣроятно, образовано имя Монголъ. Корень этого имени мы видимъ и въ словахъ Мунгуш, поколѣніе Урянхайцевъ, Минган—имя злаго существа въ сказаніи объ Любодисатѣ ³⁾, Мингаты—монгольск. поколѣніе, Мангысь—поколѣніе кемчикскихъ Урянхайцевъ, Мангысь—летучій огненный змѣй въ монгольскихъ сказкахъ, Мангыть—то же самое въ бурятскихъ ⁴⁾. Монгольскій мангысь имѣетъ вѣсколько головъ, также какъ и алтайскій ельбегень; поэтому въ немъ можно подозрѣвать связь понятій о Громоуникѣ съ Семизвѣздицей; что имя кемчикскаго поколѣнія Мангысь и имя этого змѣя—одно и то же, видно изъ того, что обоимъ придается

¹⁾ См. Очерки сѣвероз. Монг., II, 3 и 5.

²⁾ Въ алтайскомъ есть глаголъ баграб јат, реветъ (говорится о медвѣдѣ).

³⁾ Изв. Имн. Русск. Геогр. Общ., вып. II, с. 172.

⁴⁾ У Енисейскихъ Остатовъ Baugus, богиня земли (*Castren's Vera. ein. Enisei. ostjak. Sprachlehre*, 235). Мангезу, барезукъ по монгольски по Радде; мангезу, мангисунъ, барезукъ по манджурски (*Захаровъ*, 828, 868).

эпитетъ хара, черный. Изъ статьи о Семизвѣздицѣ будетъ видно яснѣе, что подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть Громовника.

Уложимъ на слова, одинаково образованныя со словомъ мангыс: тонгусъ, урянх. червь, донгусъ, тат. и киргизск. свинья, конгусъ киргизск. жукъ; тѣнгисъ татар. море; анъкычъ, анкисъ, пермякск. горохъ—можетъ быть по сходству съ градомъ ¹⁾.

Замѣчательно имя Урянхай; ни одно племя впрочемъ этимъ именемъ само себя не называетъ. Сосѣди называютъ такъ турецкое племя въ Танну-Олѣ, но само оно себя называетъ Тува, Туба или Туфа; другая часть народа, живущая въ Алтаѣ и говорящая по монгольски, тоже называется отъ монголовъ Урянхай, но сама отрывается отъ этого имени и говоритъ, что ея настоящее имя Олетъ. Буряты подъ именемъ урянхай разумѣютъ племя дикое; въ ихъ представленіяхъ это скорѣе тунгусское племя, чѣмъ турецкое; надо думать, что подъ словомъ урянхай разумѣлся просто народъ низшей культуры, народъ дикій, враждебный, звѣрообразный, варваръ. Этимология этого слова, какъ ее сочиняютъ сами Монголы, или по крайней мѣрѣ Дюрбюты, такого рода: Эджень-ханъ, то-есть, Китайскій императоръ изгналъ это племя изъ своихъ владѣній; вотъ почему оно называется урунь-кай; послѣднее слово кай будто бы значить „бросовое“, выброшенная мерзость. Это сказаніе напоминаетъ намъ слово *warg*, сближаемое съ варягъ (Истор. Россіи Соловьева, I, 347), которому также придавалось значеніе негоднаго, изгнаннаго изъ общества ²⁾.

¹⁾ Горохъ по монгольски бурцакъ, по татарски бурчакъ, по алтайски мырчакъ, по хивински бурьякъ, по бухарски бурганъ (Гр. алт. языка, 19; *Киргес.*, Флора среднеазиат. влад. 41); вообще круглое по монгольски буренкей; на языкахъ Крымскихъ Татаръ градъ, бурчакъ (*Кондараки*, Оп. Крыма, т. I, ч. II, с. 2), у Половцевъ *Codex samanicus*, изд. гр. *Geza Kun*, Bndapest, 1880, с. 40) *buizak*, *grag-poga*; эти слова наводятъ на корень въ именахъ Громовника бурханъ, буренъ-ханъ и т. под. Анкисъ тоже придавалось, по видимому, круглому; *Inula Helenium*, имѣющая круглыя цвѣты, называется анкисъ по монгольски, андысъ по киргизски. Мундусы, телеутское поколѣніе, ведутъ свой родъ отъ женщины, съѣвшей градину; эта легенда склоняетъ къ догадкѣ, что подъ словомъ мундусъ разумѣлся градъ; и нынѣ по алтайски градъ мундур—назначеніе окончанія самое обыкновенное. Въ нашихъ сказкахъ дѣвица иногда глотаетъ горошину и береметъ.

²⁾ Въ Германіи въ древности приговоренный за ограбленіе покойниковъ и преступленіе въ священныя мѣстахъ къ изгнанію въ лѣсъ назывался *варгомъ*. Въ смыслъ врага, убійцы, вора это слово перешло отъ Готовъ къ Пруссамъ, Литовцамъ, Финнамъ и Славянамъ. На скандинавскомъ сѣверѣ *wárg* i *wéim*

Оба слова, вѣроятно, скрываютъ въ себѣ намекъ на одинокаго чело-
вѣкоподобнаго скитальца лѣсовъ, отчужденнаго отъ человѣческаго
общества. Другія сказанія упоминаютъ о томъ, что Урянхайцы избав-
лены отъ налоговъ, военной и другихъ повинностей и обязаны для
Эдженъ-хана только ловить звѣрей, черта, которую можно видѣть въ
сказаніяхъ о богатырѣ, находящемся на службѣ у хана ¹⁾; богатырь
Идыге ловить звѣрей для Тохтамышъ хана. Это же рассказываютъ
Волжскіе Калмыки о своемъ поколѣніи Урянхусъ ²⁾. Въ числѣ именъ
Семизвѣздицы есть якутское Аррангасъ, напоминающее имя калмыц-
каго поколѣнія; къ якутскому слову еще ближе будетъ уранга, какъ
имя Урянхай, произносится около Танну Олы. У Таннуольскихъ урян-
хайцевъ есть представленіе о какомъ-то Оранъ (Оранг?)-Телегеѣ, въ
которомъ неоспоримыхъ чертъ Громовника мнѣ не удалось открыть,
но онъ является олицетвореніемъ всей природы и все знающимъ,
все слышащимъ, что люди говорятъ,—черта, которая приписывается
всѣмъ населеніемъ Сибири, не только инородческимъ, но даже и рус-
скимъ, медвѣдю. Мы возвратимся къ этому въ статьѣ о Семизвѣз-
дицѣ ³⁾. Всѣ приведенныя данныя наводятъ на мысль, что объясне-
нія имени поколѣнія Урянхай, или какъ оно названо у Рашидъ-
Эддина—Урянхитъ, а у Калмыковъ произносится Урянхусъ, нужно
искать въ общемъ кругѣ представленій о Громовникѣ и о царѣ сѣвер-
ныхъ лѣсовъ—медвѣдѣ.

Имя монгольскаго поколѣнія Эльджигенъ Рашидъ Эддинъ произ-
водитъ отъ монгольскаго ельджигенъ, оселъ. Есть нѣсколько подобно
составленныхъ именъ въ Азіи: Борджигитъ монгольское племя, Вайд-
жигитъ киргизское, Сальджигутъ у Рашидъ Эддина ⁴⁾, Чильджуютъ,

(буквально волкъ въ святыхъ) назывался челоѣкъ, совершившій святотатство
и изгнанный (смот. примѣч. Куника къ сочиненію Дорна: «Каспій»). Ср. самоѣд-
ское уѣрк, медвѣдь (*Поляковъ* въ рукописи), остяцкое жүгех, волкъ (*Каспренгъ*,
Versuch ein Ostjak Sprachlehre, 85).

¹⁾ *Радловъ*, *Proben*, IV, 35).

²⁾ *П. Небольсинъ*, *Очерки быта Хошоутъ улуса*. С.-Пб. 1852, стр. 18.

³⁾ Въ числѣ звѣринныхъ именъ мы находимъ сходныя: оронъ, по тунгусски
домашній олень (Шенеръ по Чекаловскому; *Каспренгъ*, *Grandz. ein. tungus. Sprach-*
lehre, 76); оронго, *Antilope orongo*, открытая Пржевальскимъ въ южной Мон-
голіи (ср. оронго, однорогая ивненческая антилопа по повѣрью сѣверныхъ Мон-
головъ); *Urungesse* бѣлый медвѣдь по якутски (*Pall. Zoogr*, I с. 69); у *Böl-
lingk'a* Урумъ-ѣса. Последнее имя сильно напоминаетъ якутское названіе Семи-
звѣздицы—Аррангасъ.

⁴⁾ *Зам. Имп. Археол. Общ.* XIV, 180.

родъ Узбековъ (Чильджигутъ?) ¹⁾; во всѣхъ нихъ второй членъ происходитъ отъ корня джиге; значеніе осла, придаваемое ему теперь, вѣроятно,—позднѣйшее; мы знаемъ, что тотъ же корень послужилъ источникомъ для образованія именъ хищниковъ; такъ для росомахи мы имѣемъ: дзегенъ сойотское, джекенъ алтайское; сегянъ, сѣзганъ, сѣзганъ, якутск. ²⁾, дзехе, халхасск.; dschakan, калмыцкое, текенъ, алт. ³⁾, для выдры: дзюкунъ, djokon тунгусское и ламутск.; для рыси dshokom, мотор. ⁴⁾; ага, аган, котовъ ⁵⁾. Не ведутъ ли эти имена свое начало отъ эге ⁶⁾, что по якутски значитъ медвѣдь? Мы уже предлагали якутское слово хахай, левъ, объяснить тѣмъ, что это было прежде именемъ медвѣдя, которое стояло въ родствѣ съ приведенными именами росомахи, выдры и рыси. Этимъ же, то-есть, тѣмъ, что нынѣшнее имя росомахи дзехепъ означало прежде медвѣдя, мы объясняемъ себѣ, почему это слово означаетъ громъ на вогульскомъ языкѣ ⁷⁾.

Между урянхайскими поколѣніями есть также поколѣніе Ельджигенъ; кромѣ того, у нихъ сохранилось преданіе о Ельджигенъ-джиктей ханѣ, который жилъ на озерѣ Теръ-Норъ и былъ очень дикій ханъ. Въ одной дюрбютской сказкѣ встрѣчается Аю-чиктей ханъ; концы именъ сходны, но вмѣсто Ельджигенъ, оселъ, поставлено аю, медвѣдь, Аючиктей по монгольски значитъ съ медвѣжьими ушами. Однако урянхайское джиктей-ханъ нужно признать за болѣе первоначальное;

¹⁾ Опис. Бухарск. цар., сост. Н. Ханыковымъ, С.-Пб. 1843.

²⁾ Радде, Третьяковъ, Порядия въ рукописн.

³⁾ Pall., Zoogr. I, 74.

⁴⁾ Pall., Zoogr., I, 29;

⁵⁾ Castren's Versuch, 146.

⁶⁾ Эге, какъ все по якутски значитъ дѣдъ; оба эти имени якутами при-
даются медвѣдю. Дѣдомъ медвѣдь называется на многихъ языкахъ; у алтайцевъ
абшіакъ медвѣдь и дѣдъ, у остяковъ jig медвѣдь и дѣдъ; у тунгусовъ atirkaп
медвѣдь и старикъ; у урянхайцевъ убукъ медвѣдь, по монгольски убугунъ ста-
рикъ; ба-абагай по монгольски медвѣдь, абагай дѣдъ; утыганъ по монгольски
медвѣдь и старѣйшина. Тутъ возникаетъ вопросъ: медвѣдь ли называется изъ
почтенія старикомъ, дѣдомъ и старѣйшиной или на оборотъ? Могло и такъ быть,
что старѣйшинъ и отцовъ семейства изъ почтенія величали именемъ грознаго
звѣря.

⁷⁾ Мы уже ранѣе сближали съ этимъ корнемъ имя якутскаго Громовника Сюре-
дахъ Сюге; въ записанныхъ нами монгольскихъ сказаніяхъ и былинахъ встрѣ-
чаются имена Мангынъ-Сюкѣ, Хатынъ-дзуге. На языкѣ нарымскихъ остяковъ
медвѣдь называется Ильджака (Castren's Worterb. aus. d. Sam. Sprach., 203).

между урянхайцами есть кость Джокту, Зукту; Вураты Аларскаго вѣдомства зовутъ этимъ именемъ жителей той бурятской колоніи, которая находится въ Нижнеудинскомъ округѣ; Тункинцы же Вураты въ вершинахъ р. Оки. То-есть, имя Зукту и тѣ, и другіе придаютъ обурятившимся Соёонамъ или Карагассамъ, то-есть, чужеплеменникамъ, а чужеплеменникамъ даются имена, какъ учать нѣкоторые примѣры, сказочныхъ чудовищъ. Такъ Монгольское племя примѣняетъ иногда къ своимъ сосѣдямъ имя своего сказочнаго змѣя; Русскихъ Вураты зовутъ Мангытъ, Казанскихъ Татаръ Калмыки—Мангысь. Не слѣдуетъ ли подъ зукту разумѣть медвѣдя или медвѣдя Громовника? Между именами звѣрей существуютъ ухуръ-окто, оготона-сѣноставка, монгольское; ахада-барсукъ, ходзенское; накета, медвѣдь по тунгусски. Слѣдуетъ еще привести слово: монгольское зукту бѣшенный, пьяный, оно показываетъ, что подъ урянхайскимъ джиктей слѣдуетъ разумѣть скорѣе зукту, пьяный, то-есть, дикій (дѣло идетъ, вѣроятно, о медвѣдѣ), а не чиктей, то-есть, съ ушами. Поэтому мы склонны въ Эльдѣигепъ-джиктей-ханъ видѣть скорѣе всего смѣшанное представленіе о медвѣдѣ и Громовникѣ, при чемъ и Эльдѣигенъ, и джиктей признаемъ за туземныя слова; затѣмъ, перепесенное на монгольскую почву, это имя превратилось въ ельдѣигенъ-чиктей-ханъ, то-есть, въ царя съ ослиными ушами; это и подало поводъ къ составленію легенды о царѣ, имѣвшемъ ослиныя уши и казнившемъ всѣхъ брадобрѣвъ, которая теперь разсказывается Монголами о предкѣ князей хошуна ельдѣигеновъ (живущихъ въ Ханъ-Хухѣ).

III.

Общій выводъ изъ вышеизложенныхъ фактовъ будетъ такой: Первобытный Туранецъ обобщилъ Громовника, какъ съ деталями самаго грозоваго явленія, такъ и съ явленіями природы, происходящими одновременно съ нимъ, хотя и не всегда имѣющими съ нимъ причинную связь. Усиленная энергія горныхъ потоковъ послѣ дождеваго ливня, появленіе грибовъ, каменныя и бронзовыя орудія, находящіяся въ землѣ метеориты и смѣшиваемыя съ ними простые камни, являются омонимами съ Громовникомъ, потому что первобытный человѣкъ открылъ въ нихъ частью вѣрную, частью ложную связь съ грозовымъ явленіемъ. Громовникъ, какъ грозовое явленіе, орошающее землю, есть, какъ мы показали, виновникъ обилія кормовъ, здоровья скота и обилія молока и вообще человѣческой пищи, а затѣмъ онъ же винов-

никъ и здоровья дѣтей, семейнаго счастья и умноженія скота и племени. Словомъ, онъ творецъ жизни на землѣ. Ему подобаешь поклоненіе, и шамаство есть отчасти культъ Громовника, насколько грозное явленіе входитъ въ составъ преставленія о верховномъ правителѣ міра. Камланье, какъ мы сказали, есть представленіе грозоваго явленія: звуки бубна есть подражаніе небесному грому; отсюда толкованіе шаманами, что бубенъ есть тотъ конь, на которомъ они поднимаются въ міръ духовъ; этотъ конь напоминаетъ коня Громовника ¹⁾; отсюда же названіе одной изъ попереченъ бубна тетивой; бубенъ — это лукъ Громовника. Самъ Громовникъ, какъ мы видѣли, представлялся въ видѣ шамана, бьющаго въ бубенъ и стрѣлка, пускающаго стрѣлы на землю. Далѣе, мы привели свидѣтельства въ пользу того, что Громовникъ считался отцомъ человѣчества; онъ творецъ дѣтей (алтайскій Заячи-ханъ), онъ родоначальникъ племени. Поэтому его имена стали именами поколѣній.

Смѣшеніе Громовника и медвѣдя, какъ мы отчасти уже объяснили, произошло на почвѣ сравненія образа жизни звѣря съ ходомъ явленій въ природѣ вообще. Первобытный дикарь подмѣтилъ у природы сходныя черты съ зимней спячкой животныхъ: зимой солнце утрачиваетъ свою силу, въ полдень стоитъ низко, не грѣетъ; природа становится молчаливѣе; громъ на бѣлкахъ затихъ, птицы отлетѣли. Въ то же время медвѣдь и другія, впадающія въ зимнюю спячку животныя, покоятся въ своихъ берлогахъ или норахъ. Это единство въ ходѣ явленій біологическихъ и явленій неорганической природы внушало дикарю идею объ одномъ общемъ источникѣ одухотворявшемъ всю природу, какъ живую, такъ и ту, которая намъ кажется мертвою. Вся природа для него жила одной жизнью, одновременно засыпала и одновременно вновь оживлялась.

Разумѣется, періодическія измѣненія въ природѣ напоминали ему періодическія явленія въ его собственной жизни, смѣну бодрости и сна, и онъ долженъ былъ облечь одухотворяющее природу начало человѣческой плотью; но тутъ неизбежно должно было вмѣшаться

¹⁾ Конь, на которомъ алтайскій шаманъ поднимается въ міръ духовъ называется арганахъ или буры; вертикальная поперечина въ бубнѣ по алтайски называется боры, баръ, барзы, что переходитъ въ барсъ и марсъ. Повидимому, это имена самого Громовника; по монгольски иногда и самъ бубенъ называется баръ. Модель бубна, служащая онгономъ (въ родѣ алтайскаго кайракана или тюн-гурчена), у Бурятъ называется баръ-убугунъ или андо-бара.

еще одно обстоятельство; его воображенію навязывался образъ звѣря, челоѣкоподобіе котораго бросалось сильно въ глаза. Виѣшній видъ звѣря, поднимающагося на заднія лапы, челоѣкоподобный слѣдъ его, а за тѣмъ его психическая жизнь, дающая право назвать его самымъ богатымъ, внутреннимъ содержаніемъ звѣремъ въ сибирской тайгѣ выдвигали медвѣдя предъ дикаремъ Сибири на первый планъ. Ни объ одномъ звѣрѣ нѣтъ столько разказовъ, какъ о медвѣдѣ, разказовъ, въ которыхъ истина безпрестанно смѣшивается съ вымыслами и которые постепенно переходятъ въ мифы и указываютъ на родство повѣрій о медвѣдѣ съ представленіями о цѣлой природѣ. Если дикарь былъ принужденъ придумать для начала, одухотворяющаго природу, матеріальный образъ, для него всего естественнѣе было образу челоѣка предпочесть фигуру могущественнаго звѣря, котораго онъ считалъ самымъ сильнымъ челоѣкомъ на землѣ и который наводилъ на него своими появленіями и ревомъ страхъ сильнѣе самой небесной грозы. Мы держимся того мнѣнія, что біологическимъ явленіямъ въ исторіи образованія мифа у Туранцевъ до настоящаго времени слишкомъ мало отводилось мѣста, и что къ главнымъ элементамъ, изъ которыхъ слагалась у нихъ идея о верховномъ правителѣ природы въ грозовому явленію и солнцу ¹⁾, слѣдуетъ еще на равныхъ правахъ присоединить третій: животную фигуру медвѣдя. Такъ какъ условія образованія мифа у всѣхъ расъ должны быть предполагаемы одинъ и тѣ же, то надо согласиться, что біологическія наблюденія такое же значеніе, какъ въ туранской мифологіи, имѣли и въ мифологіи Аріицевъ, и что раздѣленіе мифологіи на туранскую и аріискую или раздѣленіе мифологовъ на двѣ школы — метеорологическую и солярную обусловлено только тѣмъ, что до сихъ поръ мифологи недостаточно цѣнили біологическій матеріалъ въ мифологіи, который послужилъ мостомъ между представленіями о грозовыхъ явленіяхъ съ одной стороны, и представленіями о солярныхъ явленіяхъ съ другой.

Если мы примемъ гипотезу, что образъ медвѣдя сильно вліялъ на обработку виѣшнихъ деталей въ сказаніяхъ и повѣрхьяхъ о Громовникѣ, то многія мѣста въ мифологіи, казущіяся съ перваго взгляда очень странными, теряютъ свою загадочность и станутъ понятными. Съ одной стороны, сдѣлается понятнымъ, почему медвѣдю вручается „тетива“, почему медвѣдь въ легендахъ представляется стрѣлкомъ,

¹⁾ Представленіямъ о солнцѣ и лунѣ, какъ элементамъ для образованія туранскаго мифа, мы посвятимъ особую статью.

нѣкогда жившимъ на землѣ, почему другія засыпающія на зиму животныя, даже мелкія, какъ сурокъ, представляются также стрѣлками. Съ другой стороны, станетъ понятно, почему имена Громовника заимствуются отъ животнаго міра вообще и въ особенности отъ медвѣдя, почему легендарный страстотерпецъ, подъ которымъ отчасти скрывается Громовникъ, носить иногда имя медвѣдя. Походка медвѣдя, подавшая поводъ къ прозвищу „косолапый“, можетъ быть, вызвала разказы о хромотѣ, приписываемой личностямъ, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно можно угадывать Громовника, разказы о выстрѣлѣ въ колено, а потомъ и разказы объ отстрѣленномъ или отрубленномъ пальцѣ, мизинцѣ и пр. Не медвѣдь ли, закладывающій трупъ хворостомъ, буреломомъ и камнями, послужилъ первообразомъ для турской легенды о Таницъ-Тирхинѣ, замуравившемъ жепу Чипгис-хана въ пещеру?

Черты чадолюбія, которыя приписываются Аятайцами ихъ мнѣнческимъ личностямъ Папанѣ и Заячи-хану, могли быть заимствованы изъ наблюденій надъ медвѣдицами, которыя, по разказамъ охотниковъ изъ простолюдиновъ, отличаются чадолюбіемъ. Образъ старухи-людоедки, который, какъ мы покажемъ въ другой статьѣ, сливается съ змѣемъ-громовникомъ, составилъ въ умахъ первобытныхъ людей не безъ вліянія наблюденій надъ жизнью медвѣдя. Людоѣдка часто является существомъ опаснымъ для дѣтей; такою она является въ нашихъ сказкахъ о Бабѣ-Ягѣ и убѣгающихъ отъ нея дѣтяхъ. О медвѣдѣ разказы охотниковъ нѣкоторыхъ мѣстностей повѣствуютъ, что онъ никогда не нападаетъ на человѣка, охотится за крупнымъ звѣремъ, что онъ питается только растительною пищею, мелкими животными и дѣтенышами крупныхъ животныхъ; такъ напримѣръ, разказываютъ промышленники долины Иркутъ о своемъ медвѣдѣ. Правда, они увѣряютъ также, что не было случая, чтобъ иркутскій медвѣдь когда-нибудь напалъ на ребенка, за то въ другихъ мѣстахъ медвѣдѣ приписывается похищеніе дѣтей.

Собіраніе повѣрій, сказаній и простыхъ, съ виду достовѣрныхъ разказовъ о медвѣдѣ охотниковъ-простолюдиновъ должно облегчить разъясненіе мною о Громовникѣ. Этнографъ-собиратель не долженъ отбрасывать тѣхъ разказовъ охотниковъ, которые кажутся съ перваго раза личными наблюденіями разказчика; онъ долженъ записывать все, что народъ разказываетъ о звѣрѣ, потому, во-первыхъ, что иногда подмѣченнал по видимому, правдоподобная черта можетъ, при ближайшемъ знакомствѣ, оказаться отголоскомъ мнѣя; во-вторыхъ, черты дѣйстви-

тельной жизни звѣря могутъ пригодиться для соображенія, какой матеріалъ черпала фантазія первобытнаго человѣка изъ жизни природы.

Говоря объ элементахъ, изъ которыхъ слагалось представленіе о началѣ, одухотворяющемъ природу, мы выразились, что грозовое явленіе только „отчасти“ служило къ его образованію. О другихъ элементахъ мы скажемъ въ другихъ статьяхъ; эту же статью мы посвящаемъ исключительно грозовому явленію. Но чтобы насъ не упрекнули въ односторонности и не приписали намъ мнѣнія, что идемъ о божествѣ у Туранцевъ возникли единственно изъ наблюденій надъ грозовымъ явленіемъ, мы слѣдующимъ теперь же оговоримся: мы полагаемъ, что всѣ явленія природы разомъ содѣйствовали образованію этой идеи. Сліяніе солнца съ Громовникомъ на почвѣ смѣны лѣта и зимы, а затѣмъ отраженіе этой смѣны на животной жизни повели къ обобщенію всѣхъ явленій природы ¹⁾. Примѣръ такого обобщенія представляетъ намъ Оранъ-Телегей, мифическая личность у Урянхайцевъ. Это имя извѣстно, кажется, и Дархатамъ; и они, подобно Урянхайцамъ, брызжутъ молокомъ въ честь Орунъ-Дельхе; прямой переводъ этихъ именъ съ монгольскаго такой: орунъ—мѣсто, страна; дельхе—вселенная; да и Урянхайцы придаютъ ему не менѣе широкое значеніе; на вопросъ: гдѣ онъ обитаетъ? Урянхаецъ затрудняется отвѣтить прямо и начинаетъ объяснять, что Оранъ-Телегей—это все то, что насъ окружаетъ: горы, лѣсъ, рѣки—все это Оранъ-Телегей, но тѣмъ не менѣе, по урянхайскимъ представленіямъ это—живая личность; въ сказкахъ часто встрѣчается выраженіе: „богатырь такъ закричалъ, что самъ Оранъ-Телегей услышалъ“. Еще болѣе на личный характеръ указываетъ одна телеутская фраза, отвѣчающая на вопросъ о происхожденіи имени Телеутъ (сами Телеуты произносятъ Тэлэмэт): Тэлэгэйдимъ тэлимъ кыз аннамъ туулган уулдымъ ади Тэлэмэт, то-есть, отъ дикой (?) дочери Тэлэгэя родился сынъ по имени Тэлэмэт. Не показываетъ ли это, что не понятіе о вселенной возведено въ конкретное божество, а что имя Телегей, какъ личное имя божества, существовало прежде, и монгольское значеніе слова дельхе возникло позже?

Объ Оранъ-Телегей я слышалъ только отъ Урянхайцевъ поколѣнія Салджакъ; чтобы онъ былъ извѣстенъ Алтайцамъ, я ни самъ не

¹⁾ Айны зовутъ «хамуй'емъ» медвѣдя, солнце и огонь. См. Н. Буссе, Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 гг. С.-Пб. 1872, стр. 54.

слыхалъ отъ нихъ, ни у другихъ авторовъ, говорящихъ объ Алтайцахъ, не читалъ объ этомъ. У Алтайцевъ выдающееся мѣсто въ мірѣ духовъ занимаютъ Ульгенъ и Ерликъ, изъ которыхъ первый помѣщается на небѣ, второй подъ землею. У Монголовъ нѣтъ выдающейся личности въ народной мифологіи; тѣмъ не менѣе, не смотря на многочисленность мифологическихъ именъ, между ними чувствуется родство, которое самому дикарю еще яснѣе. Если одинъ и тотъ же разказъ приписывается двумъ легендарнымъ личностямъ, Монголъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что обѣ эти личности — одно и то же лицо; такъ онъ думаетъ, что Очирвани и Бурханъ-Бакши — одна и та же личность, хотя каждый изъ нихъ, кромѣ общихъ, имѣетъ и свои спеціальныя легенды. Когда я хотѣлъ разспросить у Уранхайцевъ о Чингисъ-ханѣ, мнѣ сказали, что такихъ, какъ онъ, кайракановъ три; кромѣ Чингисъ-хана, еще есть два — Гессеръ-ханъ и Амур-сана; далѣе разказали легенду, какъ они между собою соперничали въ силѣ; очевидно, что въ народномъ воображеніи это были три отдѣльныя лица. Но когда я спросилъ о мѣстахъ ихъ пребыванія, рассчитывая, что разказчикъ помѣститъ одного на небѣ, другаго — подъ землею и третьяго — въ морѣ, или въ родѣ того, къ удивленію моему я услышалъ отвѣтъ, что всѣ они трое — одно лицо. Это странное выраженіе можетъ быть объяснено такимъ образомъ: о всѣхъ этихъ трехъ личностяхъ существовали, вѣроятно, одинаковыя легенды, которыя внушали мысль, что это — одна и та же личность, и въ то же время о нихъ были другія легенды, въ которыхъ они представлялись соперниками. Хотя легенда Гессеръ-хана и Чингисъ-хана противопоставляетъ другъ другу, мы понимаемъ мысль дикаря, когда онъ говоритъ, что это одно лицо; дѣйствительно, и тотъ и другой, по нашему мнѣнію — Громовникъ. Герои различныхъ сказаній Монголіи и Сибири до такой степени сливаются въ вариантахъ, что чѣмъ больше записываешь послѣднихъ, тѣмъ болѣе увлекаешься мыслью, что во всѣхъ нихъ идетъ дѣло объ одномъ и томъ же образѣ, который съ умноженіемъ вариантовъ все болѣе и болѣе выигрываетъ въ свѣдѣніи грандіозности и всеобъемлемости. Этому образу, въ которомъ трудно отдѣлать Громовника отъ олицетворенія вообще животворной силы природы, приписывается начало всего человѣческаго знанія и искусства. Онъ, какъ Громовникъ, открываетъ людямъ огонь. Хотя намъ не удалось открыть въ Монголіи разказовъ, въ которыхъ открытіе огня прямо приписывалось бы Громовнику, но можно полагать, что сказанія такого рода у Туранцевъ были, и можетъ быть, еще откроются. Мы уже

говорили, что Абтай-ханъ, въ которомъ, по видимому, скрывается Громовникъ, добываетъ для своего народа живаго бога, подъ которымъ едва ли не разумѣется огонь. Г. Поляковъ записалъ у Остяковъ сказаніе о томъ, какъ первые люди добыли огонь отъ медвѣдя. Тотъ, кто открылъ первый огонь, былъ, конечно, и первый кузнецъ. Выше мы говорили также о томъ, что кованье желѣза въ сѣверной Азіи связывается съ идеей о Громовникѣ; самое монгольское имя кузнеца, тарханъ есть, какъ мы видѣли, имя Громовника.

Начало земледѣлія, возникшаго также въ періодъ первобытнаго состоянія человѣка, вѣроятно, относилось къ этому же мисологическому лицу, которое соединяло въ себѣ, кромѣ другихъ силъ природы, и грозное явленіе, благотѣльное для земледѣлія. Намъ не удалось, впрочемъ, собрать въ Монголіи легендъ о началѣ хлѣбопашества и вообще повѣрій, относящихся къ этому промыслу. Намеки, однако, есть, что начало его приписывалось Громовнику. Сартактаю, въ которомъ мы видимъ одно изъ именъ Громовника, приписывается около города Кобдо прорытіе рва въ родѣ тѣхъ канавъ, какія устраиваются въ Монголіи для орошенія пашень. Можно также намеки на то же видѣть въ нѣкоторыхъ названіяхъ растений. Съѣдобный корешокъ (*Poludopum viviparum*), замѣняющій хлѣбъ для жителей высокихъ горъ, по монгольски носитъ названіе мяхиръ, мяхиръ, по якутски — макарша, по алтайски мыйракъ и мангыръ; послѣднюю форму, близкую къ корню конгро-шангра, можно принять за первоначальную. То же растеніе въ другихъ частяхъ Монголіи называется ургене; это названіе въ Забайкальѣ прилагается не къ какому-нибудь растенію особо, а къ запасамъ изъ съѣдобныхъ корней и луковицъ, которые дѣлаются мышами-полевками; эти запасы обыкновенно расхищаются мѣстными жителями; самый промыселъ за этими запасами называется по русски урганаченье, отъ глагола урганачить. Ургене напоминаетъ имена звѣрей: уѣрк, варк, гарко, варга — медвѣдь на разныхъ самоѣдскихъ нарѣчіяхъ сѣверной Сибири, урко — сусликъ по бурятки, ярха — барсъ по манджурски, ѣрга — барсъ по ходзепски. Такъ какъ въ сказаніяхъ и повѣрціяхъ медвѣдь и Громовникъ сливаются, то можно допустить, что звѣриное имя уѣрк, ярка и пр. придавалась и Громовнику ¹⁾.

¹⁾ Въ Хаганѣ мы назвали именемъ бо-ургене другое растеніе, именно подорожникъ (*Plantago major*), но можетъ быть по ошибкѣ, потому что растеніе это немного проходитъ на *Pol. viviparum*. О немъ мы также сказали, что оно съѣдобно. У Кыргызъ около оз. Зайсана также есть названіе бий-юргынъ, при-

Въ одной изъ слѣдующихъ статей мы вернемся къ этому имени ¹⁾).

Другой отдѣлъ растений, познаніе таинственныхъ свойствъ которыхъ должно было оказать вліяніе на человѣческую культуру — состоитъ изъ тѣхъ растений, которыя производятъ одуреніе или опьяненіе. Изобрѣтеніе вина какъ арійскія, такъ по видимому, и туранскія сказанія относятъ къ Громовнику; мы уже выше говорили, что сказанія сѣверной Монголіи приписываютъ изобрѣтеніе вина или Чингисъ-хану, или Гессеръ-хану; Алтайцы, кажется, относятъ это изобрѣтеніе къ Ерликъ-хану; по крайней мѣрѣ богатырь Иринъ-Шайнъ добываетъ для Тойбонъ-хана отъ Ерлика джираки, то-есть, снарядъ для винокуренья; во время процесса винокуренья поютъ пѣсню въ честь Ерлика, въ которой вино называется Ерликовымъ напиткомъ; пѣсня эта представляетъ варіантъ бурятской, въ которой вино называется напиткомъ Чингисъ-хана и Годто-бурхана. Имя бурханъ встрѣчается и въ другомъ рядѣ монгольскихъ легендъ объ изобрѣтеніи вина: Бурханъ-бакши изобрѣтаетъ арашанъ, животворную воду, которая должна даровать людямъ безсмертіе; ему помѣшалъ Арахъ. Это послѣднее имя напоминаетъ алтайское названіе винокуреннаго спаряда; какъ будто здѣсь имя снаряда перешло на персонажъ. Тотъ же снарядъ по-монгольски называется бурхель или буркель. Имя враждебнаго существа Арахъ, Арахы, Ара хунъ ²⁾, какъ его различно пишутъ, не представляетъ ли только иное произношеніе имени бурханъ? Монгольскія и татарскія имена вина: арахъ, араки, тарасунъ (ср. арашанъ, арасанъ, теплыя минеральныя воды), арака, также напоминаютъ вышеприведенное имя изъ легенды о изобрѣтеніи вина.

Изъ одуряющихъ растений мы уже приводили *Peganum Harmala*, имена котораго юзерликъ, хазаръ-асбандъ, адраспанъ, адирмишъ (торгутское) напоминаютъ частью имена Гессер-хана, частью Кадыръ-хана, подъ которыми мы усматриваемъ Громовника. Другое опьяняющее растеніе, конопля, кендырь, напоминаетъ своимъ именемъ слова

давленное жесткому растенію, которое есть одинъ только верблюдъ. Первый членъ бай, ср. съ Байана, божество Алтайцевъ, покровительствующее дѣтямъ.

¹⁾ Другое съѣдобное растеніе, относящееся къ тому же семейству, гречиша, дикуща (*Ergorugum esculentum*) называется у алтайскихъ и саянскихъ жителей карлыкъ, у Аларскихъ Бурятъ хурлушъ. Первое изъ этихъ именъ встрѣчается въ центральной Азіи, какъ имя высокихъ горъ и какъ имя поколѣній. Ср. сарлыкъ, монг., тибетскій быкъ. Весьма вѣроятно, что это было имя Громовника.

²⁾ Ср. бурятское названіе медвѣдя хара-гурохунъ.

хундыр, вантэр и др., которыя приведены въ нашей статьѣ выше, какъ болѣе или менѣе относящіяся къ идеѣ о Громовникѣ. Бѣлена по-киргизски называется менъ-дуана; въ этомъ названіи вторая половина напоминаетъ киргизское названіе особаго рода колдуновъ: дуана. Въ Алтаѣ Русскіе знаютъ какіе-то „пьяные коренья“, настоя которыхъ заставляетъ человѣка повторять всѣ жесты другихъ людей, хотя бы они были неприличны ¹⁾; Алтайцы говорятъ, что человѣкъ, родившійся съ склонностью къ шаманству, достигши известнаго возраста, впадаетъ въ болѣзнь: при звукахъ бубна и при видѣ кривляющагося шамана съ нимъ дѣлаются конвульсія, состоящія изъ раздражительныхъ шаманскимъ криканьямъ движеній; эти повѣрья ведутъ къ заключенію, что сила, заключенная въ одуряющихъ растеніяхъ и въ шаманскихъ конвульсіяхъ, предполагалась одна и та же. Можжевельникъ, судя потому, что его ягоды бросаются въ огонь во время камланья, причисляется къ одуряющимъ растеніямъ; онъ носитъ въ Монголіи и южной Сибири интересныя имена: арча, арца, арже, аржанъ.

Къ одуряющимъ растеніямъ въ повѣрьяхъ близко стоятъ, и можетъ быть, съ ними смѣшиваются растенія, поддерживающія половую страсть. Въ монгольскомъ повѣрьѣ существуетъ трава буху-убусунъ, которую отыскиваетъ и ѣстъ олень или изюбрь, когда яруеть; русскіе звѣропромышленники въ долинѣ Иркутка вѣрятъ, что медвѣдь, когда яруеть, грызетъ осину и бываетъ отъ того пьянъ. Подобное повѣрье, по нашему мнѣнію, подтверждаетъ предположеніе, что представленія о Громовникѣ и медвѣдѣ были тѣсно связаны у первобытнаго человѣка.

Третій отдѣлъ таинственныхъ растений составляютъ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ въ себѣ ядъ, или лѣкарственное вещество. Въ этомъ отдѣлѣ есть прямыя указанія на медвѣдя, какъ на открывателя таинственныхъ свойствъ этихъ растений. Что медвѣдь будто лѣчится травами и ягодами, о подобномъ повѣрьѣ разказывается въ книгѣ г. Черласова: „Записки охотника Восточной Сибири“ и у Аннепкова; см. Ботан. Словарь, подъ словомъ *Paris quadrifolia*, стр. 241; въ

¹⁾ Известная болѣзнь въ Сибири пмирячество или омерячество заключается въ томъ, что омерякъ, то-есть, больной этой болѣзью, приведенный въ испугъ какимъ-нибудь внезапнымъ звукомъ, начинаетъ кривляться и подражать всѣмъ жестамъ людей, которыхъ видитъ передъ собою, хотя бы эти жесты были неприличны. Ния болѣзнь омерякъ ср. съ тунгусскимъ писменемъ медвѣдя амугака.

Вологодской губерніи это растеніе называется медвѣжьей ягоды; крестьяне говорятъ, что медвѣдь, будучи болѣнъ, ѣстъ ягоды этого растенія и выкапываетъ его корень. О сонъ-травѣ (*Lychnis viscaria*) г. Мельниковъ приводитъ легенду, что охотникъ однажды увидалъ, какъ медвѣдь выдралъ корень этого растенія и началъ его лизать, а потомъ охмѣлѣлъ. Охотникъ тоже началъ лизать этотъ корень и вскорѣ его одолѣлъ сонъ ¹⁾. Въ Забайкальѣ о Эмарскихъ минеральныхъ водахъ Буриты разказываютъ, что онѣ открыты оленемъ (который, можетъ быть, замѣнилъ здѣсь медвѣдя); животное, за которымъ гнались охотники, утомленное бѣгомъ, добѣжавъ до источника, бросилось въ воду и вновь оживилось; охотники попили этой воды, и усталости какъ не бывало (сообщено г. Рейхманомъ ²⁾).

Эти повѣрья свидѣтельствуютъ, что первыя указанія врачебнаго искусства были приписываемы животному, стоящему въ близкихъ отношеніяхъ къ Громовнику. На послѣдняго указываетъ и одно бурятское повѣрье: Буриты говорятъ, что больного бѣшенствомъ, укушеннаго ядовитымъ животнымъ, слѣдуетъ отвезти на высокую гору, гдѣ живетъ птица хойлюкъ, и, доставъ мяса этой птицы, покормить имъ больного ³⁾; если этого не удастся сдѣлать, то достать перьявъ этой птицы и окурить больного, или наконецъ, только доставить больному возможность слышать крикъ этой птицы.

Громовникъ, основатель человѣческаго знанія и искусства, былъ основателемъ и человѣческой религіи. Мы выше приводили свидѣтельства, что онъ представлялся, между прочимъ, и подъ видомъ перваго шамана, отъ котораго ведутъ свой родъ нынѣшніе шаманы. Абысь-хамъ, Танпъ-Тирхинъ, Тостогошъ, Тарханъ-бо, Одюго-бо, Кадылбанъ, Ханъ-Хурмосъ, Капраканъ, Ерень, Бохоли-Хара, Моргонъ-Хара—всѣ эти имена перваго шамана должны быть, по нашему мнѣнію, отнесены къ Громовнику или къ той мифологической личности,

¹⁾ *Анненковъ*, Ботан. Словарь, подъ словомъ *Anemone patens*, стр. 34.

²⁾ На кельтскихъ монетахъ, найденныхъ въ Швейцаріи, медвѣдь изображенъ грызущимъ корень (*Bachofen*, *Der Bär*, p. 10).

³⁾ Хойлюкомъ Буриты называютъ красноносую галку (*Fregilus graculus*); въ Монголіи этимъ именемъ зовутъ другую птицу, живущую на такихъ же высокихъ мѣстахъ, но куриной породы (*Megaloperdix*); Киргизы считаютъ вообще полезнымъ для здоровья хоть кусочекъ съѣсть мяса этой птицы; поэтому, когда удастся убить ее, считаютъ долгомъ раздѣлить ея мясо между всеми присутствующими, хотя бы пришлось разрѣзать ее на кусочки въ наперстокъ величиной.

которая стоитъ въ самомъ началѣ человѣческой жизни и человѣческаго знанія. Этотъ первый шаманъ былъ одаренъ сверхъестественною силой: онъ изводилъ молнію съ неба на землю; онъ невредимо вылеталъ изъ пламени, въ которомъ хотѣли его сжечь; онъ исцѣлялъ отъ болѣзни и возвращалъ къ жизни безусловно всѣхъ, кого постигала болѣзнь или даже смерть; онъ перелеталъ черезъ рѣки ¹⁾. Всѣ эти черты указываютъ, что этотъ первый шаманъ былъ самъ Громовникъ. Ему, конечно, слѣдуетъ приписать первую пѣсню на землѣ, которая есть, конечно, гимнъ шамана, вѣроятно, въ началѣ состоявшій только изъ однихъ звукоподражаній; на сѣверо-востокѣ Сибири и теперь еще пѣніе шамана состоитъ изъ однихъ призываній какого-то имени, вѣроятно имени Громовника.

Этимъ объясняется, по нашему мнѣнію, замѣчаемое сходство именъ музыкальных инструментовъ съ именами Громовника. Бубны, какъ мы видѣли въ началѣ статьи, по большей части носятъ общее съ нимъ имя: хэнгрикъ, тюнгуръ, тумыръ, тюре; это имя въ немного измѣненной формѣ шангыръ переходитъ у Вогуличей на струнный инструментъ ²⁾. Киргизское названіе балалайки, домбра, напоминаетъ монгольское слово домбуръ; этимъ именемъ называется небольшой бубенъ, съ внутреннимъ боемъ, употребляемый въ буддійскихъ храмахъ; если это—не тибетское имя, то его можно отнести къ тому же корню, отъ котораго получили названіе и другія вышеприведенныя названія бубна. У сибирскихъ Татаръ отъ Абакана до

¹⁾ Подъ этимъ образомъ едва ли можно видѣть что-нибудь другое, какъ не реальное представленіе о грозѣ, пробѣгающей поперекъ долины. Въ горахъ Монголіи намъ самимъ приходилось испытать удовольствіе, которое оставляетъ въ душѣ это явленіе. Случалось ѣхать по долинѣ версты четыре въ поперечникъ; небо покрыто грозовыми тучами; послышался первый ударъ грома; онъ раздался за горой въ правой рукѣ, прекратился поперекъ долины и замолокъ за горой въ лѣвой рукѣ; все это произошло въ нѣсколько секундъ. Легко понять, какія представленія должны возникнуть въ душѣ дикаря о быстротѣ того коня, на которомъ, какъ пріучаютъ думать сказки, ѣздитъ богатырь-громовникъ!

²⁾ Струнные инструменты не образовались ли изъ бубна? Киргизская балалайка имѣетъ видъ круглаго ящика, къ которому приделаны грибки; у китайскаго пишанды этотъ ящикъ цилиндрическій; въ ооріи этихъ инструментовъ ближе будетъ китайскій бубенъ, который дѣлается съ ручкой, отчего онъ похожъ на черпакъ или уполонникъ; я самъ такихъ бубновъ не видѣлъ, но мнѣ говорили, что они встрѣчаются въ Гученѣ у Китайцевъ-гадальщиковъ; мнѣ случилось въ Кобдо видѣть только маленькіе подобные бубенчики, въ качествѣ дѣтскихъ игрушекъ у китайскихъ дѣтей. Бубны съ вѣшней рукояткой употребляются у Чунчей (сообщилъ г. Нордманъ).

Тобольска и у Урянхайцевъ балалайка называется джатыганъ, чатаганъ, итаганъ, именемъ, которое напоминаетъ монгольское имя медвѣдя, утыганъ, и татарское названіе Семизвѣздицы, Джитыганъ, о громовнической природѣ которой говорилось не разъ въ этой статьѣ. Иртышскіе Остѣи свой струнный инструментъ называютъ хотанъ, то-есть, лебедь; онъ дѣйствительно имѣетъ фигуру лебедя. Хотанъ ¹⁾ вѣроятно одного корня съ джатыганъ; и въ сказкахъ, по видимому, имя Джедыганъ переходитъ въ формы Киданъ, Коданъ. Что названіе музыкальнаго инструмента встрѣтилось здѣсь съ именемъ лебедя, не должно удивлять, потому что и въ другихъ случаяхъ, которые мы привели выше, лебедь является символомъ Громовника. Другое, именно якутское названіе лебедя, хуба, можетъ быть, слышится въ названіяхъ струнныхъ инструментовъ: киргизскаго кобысъ, малороссійскаго кобысъ (по-якутски хомысъ).

Отголосокъ сказанія объ этомъ первомъ шаманѣ можно видѣть въ разказахъ мусульманскихъ историковъ объ основателяхъ человѣческаго общества. У Рашидъ-Эддина онъ называется Игитъ-Иркыль-Ходжа ²⁾; ему приписываетъ Рашидъ-Эдинъ учрежденіе церемоній, раздачу поколѣніямъ именъ и тамогъ; подобную же роль Абулгази приписываетъ родоначальнику всего турецкаго племени Тюрку. Оба эти имена, Тюркъ и Иркыль ³⁾, не слѣдуетъ ли считать за одно съ Тирхинъ въ имени перваго шамана Даинъ-Тирхинъ? Рашидъ-Эдиновскій Иркыль-Ходжа распредѣлилъ по поколѣніямъ части мяса убитаго животнаго; не отголосокъ ли это монгольскаго сказанія о Бурханъ-Вакши, который распредѣляетъ пищу животнымъ, при чемъ забываетъ назначить, что ѣсть волку? Сказанія о Бурханъ-Вакши, которыя не безъ точекъ соприкосновенія съ представленіями о Громовникѣ, приводятъ насъ къ признанію, что громовнику-шаману приписывалось не только учрежденіе вѣншихъ признаковъ культа, но и внутреннее его содержаніе. Бурханъ-Вакши является въ монгольскихъ легендахъ страстотерпцемъ и проповѣдникомъ любви и правды. Раньше мы сблизали имя Вурханъ съ Буриханомъ, царемъ—волеомъ и видѣли въ этомъ имени имя медвѣдя-громовника. Слѣдъ высокой нравственной миссіи,

¹⁾ Вѣроятно, подобный инструментъ подразумѣвается въ Алтанъ-Тобчи подъ именемъ (стр. 22) хотонъ—скрипки, на которой играетъ соперникъ Чингисъ-хана, Аргасуль.

²⁾ Ист. Монг., введ., стр. 24, 25; ср. также Джиркыль Будуй на стр. 52.

³⁾ Ср. монгольское бурхель, алтайское джиракы, снарядъ для винокуренья.

которая приписывается Вурхану-Бакши, видѣнъ и въ повѣрьяхъ сибирскихъ дикарей о медвѣдѣ. Медвѣдь повсюду является стражемъ клятвы или присяги, и почитается справедливымъ звѣремъ. Русскіе охотники въ Сибирь увѣряютъ, что если медвѣдя не тронешь и онъ тебя не обидитъ. У Вогуловъ и Айновъ онъ считается небснаго происхожденія. Остатки по словамъ г. Полякова, думаютъ, что онъ сынъ неба. Торума ¹⁾, спустился на землю и здѣсь слѣдитъ за неправдой людей; если онъ обидитъ кого, тотъ, значитъ, совершилъ какой то грѣхъ. Якуты считаютъ медвѣдя очень справедливымъ звѣремъ и бичемъ жи ²⁾; поэтому самою сильною и святою клятвой считается та, при которой клянущійся держитъ въ зубахъ медвѣжью шкуру ³⁾. Въ Манджуріи тѣ же идеи перенесены на тигра; о. Палладій свидѣтельствуешь, что по убѣжденію маньчжы тигры составляютъ царственное племя, господствующее въ цесурійскихъ горахъ и состоящее подъ управленіемъ горнаго духа, вслѣдствіе чего на лбу звѣря стоитъ знакъ ванъ, то-есть, князь. По волѣ горнаго духа, подчиненные ему тигры отнюдь не должны нападать на людей добрыхъ, погибаютъ отъ нихъ только люди не добрые ⁴⁾.

Вѣроятно, то же повѣрье о справедливости медвѣдя превратилось у крестьянъ Олонецкой губерніи въ повѣрье о „праведномъ лѣсѣ“. Лѣсомъ здѣсь называется то же, что въ другихъ мѣстахъ зовутъ лѣшищемъ. Въ Заонежьи говорятъ, что надъ лѣсами господствуетъ царь, который носитъ имя Мусайла-лѣсъ; если лѣсъ обидитъ человека, то послѣдній идетъ съ челобитиемъ на обидчика къ царю Мусайлѣ. „Лѣсъ

¹⁾ Тарумъ на языкѣ урянхайцевъ медвѣжонокъ.

²⁾ Кн. Костровъ сообщилъ мнѣ случай, свидѣтельствующій о существованіи подобнаго повѣрья и у сибирскихъ крестьянъ. Одинъ знакомый ему охотникъ, крестьянинъ Минусинскаго округа, запоедавъ въ лѣсу съ товарищемъ, увидѣлъ огонь; подойдя поближе, они подслушали разговоръ сидящихъ у огня; тѣ говорили о медвѣдѣ, котораго они наслѣдили и о предстоящей завтра охотѣ. Знакомый кн. Кострова охотникъ рѣшился предупредить ихъ; но медвѣдь увидѣвъ это вѣроломство и сошелъ съ своего мѣста; охотникъ сталъ искать звѣря и наткнулся на него совершенно нечаянно; медвѣдь свалилъ его и сильно напалъ, такъ что тотъ едва оправился отъ болявки; этотъ случай, чуть не стоившій ему жизни, впоследствии онъ всегда понималъ, какъ кару звѣря за то, что нарушилъ право охотниковъ не перехватывать дичь.

³⁾ Бремъ, Иллюстр. жизни животныхъ, русск. перев., 596).

⁴⁾ Ср. метко лѣсъ по фински; Metkolainen имя героя—лѣсовика одной финской сказки, медзадай—медвѣдь по монгольски.

⁵⁾ Изв. Геогр. Общ. т. VII, № 8, ст. о Палладіи: Уссурійскіе маньчжы, стр. 377.

праведенъ" говорить въ Заопежьѣ, то-есть, безъ причины не обидѣть ¹⁾).

На этой вѣрѣ въ справедливость медвѣдя основаны обряды клятвы у сибирскихъ инородцевъ. У Мезенскихъ Самоѣдовъ клятва передъ мордою медвѣдя считается страшѣйшею. Клянущійся рѣжетъ ножомъ медвѣжью шкуру и убѣжденъ, что въ случаѣ ложной присяги онъ будетъ разорванъ медвѣдемъ ²⁾). Подобный же обрядъ надъ медвѣжьею шкурой существуетъ у Алтайцевъ и другихъ инородцевъ Сибири.

По тѣмъ же народнымъ повѣрьямъ, медвѣдь представляется понимающимъ человѣческій языкъ. Якуты твердо убѣждены, что медвѣдь понимаетъ ихъ языкъ, оттого никогда не осмѣливаются говорить объ немъ худо, напротивъ держатся противъ него лѣстиво и униженно. Остяки и Татары, по словамъ Татищева, поклонялись медвѣдю, просили его при встрѣчѣ, чтобъ онъ ихъ не съѣлъ, а проходилъ мимо. „я будто онъ зналъ ихъ языкъ" ³⁾). Алтайцы также считаютъ его понимающимъ языкъ людей, мало этого, чувствующимъ замыслы людей издалека; они зовутъ его ерь-кулакту, то-есть, съ землянымъ ухомъ. Енисейскіе Остяки, по словамъ Кастрена, о медвѣдѣ думаютъ, что это не звѣрь, что звѣриная шкура только покровъ; подъ которымъ скрывается существо, имѣющее человѣческій видъ и одаренное божеской силой и мудростью ⁴⁾); Айны на Сахалинѣ и гилаки на Амурѣ считаютъ медвѣдя сыномъ бога горъ, и какъ священному животному, приносятъ жертвы ⁵⁾).

Здѣсь медвѣдей держатъ въ семействахъ и упитываютъ рыбой. Бывшіе на островѣ Сахалинѣ разказываютъ объ Айнахъ, что нѣтъ у нихъ дома, въ которомъ не было бы любимаго животного. Это—постоянный товарищъ семейства. Шумливый и надоедливый, онъ однако никогда не выгоняется. Народъ думаетъ, что женщины тайкомъ кормятъ животное грудью (ср. повѣрья о благодѣтельныхъ змѣяхъ, сосущихъ женщинъ или коровъ) ⁶⁾. „Впрочемъ", говоритъ Брэмъ,—

¹⁾ Имя «лѣсъ» ср. съ литовск. *lasis*, медвѣдь; въ Нижегород. губ. о родахъ медвѣдицы говорятъ «лощанить». Въ русскомъ лосѣ значитъ *Canis alces*, звѣрь, повѣрья о которомъ свѣдѣваются съ повѣрьями о медвѣдѣ.

²⁾ Schrenk, Reise, Th. I, s. 408.

³⁾ Н. Попова, В. Н. Татищевъ. Москва, 1881, стр. 572.

⁴⁾ Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. VII, в. 1 и 2.

⁵⁾ Изв. Сиб. Отд. 1870, т. I, № 2, п. 3, стр. 31.

⁶⁾ Bachofen, Der Bar. p. 8.

„путешественники увѣряютъ, что почитатели ѣдятъ своихъ боговъ, когда тѣ ожирѣютъ, и это, конечно, противорѣчитъ нѣсколько обо-жанію“. Здѣсь Врѣмъ разумѣетъ такъ-называемые медвѣжьи праздни-ки. Выкормленный медвѣдь въ опредѣленный день торжественно, при народномъ собраніи, послѣ продолжительнаго пира, плясокъ, пѣ-сенъ и причитаній, выводится къ столбу, гдѣ его привязываютъ, убиваютъ, потомъ оплакиваютъ и съѣдаютъ ¹⁾. Не эти ли праздники дали содержаніе тѣмъ сказаніямъ о самоотверженности Вурханъ-бакиши, въ которыхъ онъ обращается то въ зайца и даетъ себя съѣсть, то въ рыбу, лежащую на боку? Звѣри гложутъ одинъ бокъ ея, обра-щенный кверху, но не въ силахъ перевернуть громадную рыбу, чтобы обнаружить свѣжій бокъ; и Вурхынъ-Бакиши самъ милостиво повер-тывается и даетъ звѣрямъ доѣсть другой свой бокъ. Интересно было бы приобрѣсть причитанія, которыя произносятся Гиляками и Айнами надъ трупомъ убитаго медвѣдя.

Мнѣ хотѣлось подѣлиться съ читателями тѣми выводами, къ ко-торымъ я пришелъ, сравнивая разнообразныя мненія и сказанія средне-азиатскихъ народовъ. Собирая ихъ лично, мнѣ приходилось въ то же время наблюдать отчасти тотъ психическій процессъ въ душѣ ди-каря, которымъ онъ совершалъ свои обобщенія, и благодаря этому наблюденію, мнѣ удавалось подмѣтить связь тамъ, гдѣ въ нашемъ европейскомъ логическомъ мышленіи не можетъ быть, по видимому, ни какой связи. Мнѣ хотѣлось показать, какъ дикарь съ своимъ дѣт-скимъ живымъ воображеніемъ, одухотворяя грозное явленіе, пред-ставлялъ его въ видѣ живаго грозно ревущаго божества или рисо-валъ его себѣ въ видѣ медвѣдя, лошади или жеребца или съ дальнѣй-шимъ развитіемъ своихъ понятій, придавалъ своему божеству болѣе разумности, представлялъ его въ видѣ существа, ѣздящаго на какомъ-то страшно гремящемъ животномъ. Такъ какъ вся жизнь дикаря на-ходилась въ тѣсной зависимости отъ совокупно дѣйствующихъ силъ неодушевленной и животной природы, то и въ его представленіяхъ объ идеѣ добра и справедливости получили участіе, какъ явленія небесныя и грозовыя, такъ и различныя животныя, и въ особенности медвѣдь, какъ выдающееся животное по силѣ. Вотъ почему мы и

¹⁾ См. *Депрерадовичъ*, Этнограф. очеркъ южнаго Сахалина, въ Сборникѣ истор. стат. свѣд. о Сибири С.-Пб. 1876; т. II, в. 1, с. I. Анискій словарь *Добромоторская*, стр. 80—82.

закончили свою статью этими разказами о легендахъ, приписывающихъ медвѣдю судъ надъ людскою совѣстью. Не знаю, достаточно ли ясно выступаютъ изъ нашей статьи мысли, которыя мы намѣрепы были изложить. Будемъ надѣяться, что нашъ опытъ представить картину первобытныхъ взглядовъ сибирскихъ дикарей дастъ поводъ выступить на этотъ путь другимъ лучше подготовленнымъ и болѣе искуснымъ изслѣдователямъ.

Г. Потанинъ.
